

Сергей Богачев

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ ДНЕВНИК

ДОНЕЦКИЕ ПОВЕСТИ

Краматорск
«Каштан»
2016

ББК 84.4 Рус
Б73

Богачев С. В.

Б73 Незаконченный дневник. Донецкие повести. – Краматорск: «Каштан», 2016. – 328 с.

ISBN 978-966-427-380-7

Уже в начале 20-х годов Иосиф Сталин продумывал план прихода к власти. Своими мыслями он мог поделиться только с близкими друзьями. Одним из них был товарищ Артем.

О трагической судьбе Павла Черепанова, ординарца Артема, нашедшего свою любовь в канун революции и пронесшего ее через годы гражданской войны и лагеря, рассказывает повесть. Загадка гибели Артема не давала покоя Павлу всю его жизнь. Но и узнав тайну, Черепанов не успокоился. Теперь он должен решать как жить дальше.

ББК 84.4 Рус

ISBN 978-966-427-380-7

© Богачев С. В., 2016

Август, 1917 год

Полина была не из тех барышень, что казались доступными. Такую кадрилию не возмёшь. Уж сколько ухажёров подбивало клинья к молодой красавице — не счесть, да всё даром.

Весь их род был харьковцами* из нескольких поколений.

Небольшой дом на Конюшенной улице ничем не отличался от соседских: небольшие окна пропускали мало света, и зимой, когда темнело рано, все собирались возле печи, чтобы экономить керосин в лампах. Белённые стены обновлялись один раз в год — весной, а гордостью семьи была железная крыша, покрашенная в зелёный цвет. Отец справил её из тех сбережений, что долго откладывал из каждой полочки. Тимофей работал по двенадцать часов в день механиком на заводе Гельферих—Саде, где собирали двигатели. Работа была,

* Рабочие завода Гельферих—Саде в Харькове.

конечно, не такая тяжкая, как у шахтёров в Юзовке, но требовала знаний и точности, какими Тимофей и прославился. Его сборка всегда была отменной — хоть клеймо ставь, но это всё было до войны. Матушка Полины, Анна, была образцом во всех смыслах. Судьба послала ей счастье, она рано вышла замуж за любимого и сразу забеременела Полиной.

Кому Бог дал, те рожали и растили. Бывало, Боженька забирал к себе деток, то тиф ниспослав, то какую другую напасть, с которой лекари не могли часто справиться, всякое видали, может, потому и были семьи многодетными, как будто хотели преодолеть высшие силы. Так и в семье Полины: она была старшей, сёстры-близнецы Надежда и Ольга были пяти лет отроду, а не так давно у них появился маленький брат — Алёшка. Теперь Тимофей Кирсанов мог быть спокоен — фамилия получит продолжение.

Все хлопоты и обязанности Полины состояли в заботе о младших и о доме. Мать целыми днями шила постельное и нехитрое бельё на продажу. Не для дворян, конечно, и не для барского сословия, так, обычное исподнее, которое по цене было недорогим, но доход семье давало. Целую

неделю кроила, шила, а на выходные собирала две плетёные корзины и несла в торговые ряды. Когда удавалось полностью расторгнуться, покупала малышне пряники и разные сладости, но чаще вырученных денег хватало только на покупку отрезов для следующего покроя.

Несмотря на свой юный возраст, Полина была заправской хозяйкой. Дом был чист, украшен выглаженными салфетками, и ни одна лишняя вещь не бросалась в глаза. Всё было на своих местах. Сёстры и брат пропадали на улице, а когда приходила пора обеда, Поля знала, где их искать: это было несложно, она всегда их находила по шумному гомону. Иной раз спасала со двора скорняжной мастерской, где дядька Филипп выделывал кожи, источая по всей округе запахи разных химикатов, но чаще находила их возле булочной. Запах сдобы притягивал туда детей со всей округи и бывало, что сердобольные пекари подкармливали их.

Паша Черепанов уже давно приглядел стройную смугляночку и, хотя был не из робкого десятка, всё никак не решался с ней заговорить. И стенка на стенку ходил, и никогда не дрейфил бродить по ночному посёлку, и знали его все в округе, да всё

никак не мог Пашка придумать те самые первые слова, которые нужно было сказать. Много раз он представлял себе, как подойдёт к Полине (к тому времени он разведал всё о предмете своих мечтаний — где живёт, чья дочь, что нет у неё избранника, хотя половина улицы по ней сохнет) и, приняв слегка расслабленную позу, засунув руку в карман, скажет: «Такая красота не может одна ходить по слободке!» И тут же представлял себе ответ: «Ещё как может!». Повернётся на своих каблучках так, что платье от разворота такого резкого обернёт её стройные ножки, только её и видели! Нет, так не подходит. Опять мучается Пашка: может, когда будет корзину с продуктами нести, подослать шантрапу малолетнюю, чтобы пронесли мимо ураганом, как они это умеют. С криком и пылью. И, пролетая мимо, пацанва собьёт её с ног и помидоры из корзинки покатаются по брусчатке, а тут он, Пашка. Сначала подняться поможет, потом овощи быстро соберёт в корзинку и, пока Полина успеет сообразить, что произошло, он скажет: «Вот окаянные, некому им всыпать!», а в ответ, расстроенная тем, что платье испачкано, каблук сломан и помидоры побиты, она

ответит: «Не догонишь уже. Вам, босякам, лишь бы подраться...» Сам с собой разговаривая, Пашка задумался: чего это, «босякам»? Я прилично одет — вон пиджак новый почти, кепка — так вообще только пошили. Чего это, босяк? Нет, не подходит так...

Долго ломал голову Пашка, стесняясь сам своей неуверенности. Время шло, и в его голове всё чаще появлялись крайне неприятные мысли о том, что кто-то более решительный успеет раньше него взять эту неприступную крепость. И вот он, счастливый, идёт с Полиной по улице, явно гордый тем, что та держит его под руку. Он, такой наглый, щёлкает семечки, демонстративно сплёвывая на мостовую шелуху, всему посёлку показывая, какую победу одержал. От таких перспектив Пашке становилось тошно настолько, что внутри всё холодело. Терзаемый ревностью к ещё не появившемуся сопернику, он всё-таки выстроил план.

С самого утра Пашка сидел в засаде. Мать, заступившая на смену, ворчала, замешивая тесто:

— Делать тебе нечего! Как дитё малое, честное слово! Вот что я хозяину скажу?

Чего ты тут торчишь? — мать вывалила из большого таза на стол, посыпанный мукой, большой ком теста и, обильно посыпав его мукой сверху, продолжила: — Муку принеси, хоть толк с тебя будет, там, в кладовой, полмешка просеянной...

Пекарня кондитера Лурье славилась своей выпечкой. Хлеб, калачи и булки, которые делали здесь, на Конюшенной, разлетались именно «как печёные пирожки», но особой гордостью кондитерской были эклеры. Их рано утром упаковывали в маленькие коробочки по шесть штук и везли в центр для продажи. Паша пришёл к матери на работу именно для того, чтобы успеть купить эту коробочку. На крышке под надписью «Кондитерская Лурье» была изображена барышня кукольной внешности в модном наряде, с зонтиком, и молодой человек в клетчатом костюме и кепке англичанина. В одной руке он держал коробку эклеров и в полупоклоне протягивал её девушке-кукле, а второй рукой он почему-то придерживал велосипед. О происхождении сюжета Пашка размышлял недолго, эклеры стали его секретным оружием, и вот теперь он ждал, полный надежд.

К счастью влюблённого, младшие сёстры Полины, в этот раз без самого младшего брата, примчались к своему «секретному» месту. Их задача состояла в том, чтобы не пропустить момент, когда выпечку будут грузить на подводу, а там — как повезёт. Дети заняли господствующую высоту на груше, тем более что сочные плоды уже созрели и было чем занять время.

Здоровенный извозчик в картузе и белом переднике поверх сорочки стал выносить поддоны с выпечкой, заботливо накрытые белой тканью. При этом мужик хитро поглядывал на грушу — Полины сёстры и ещё пара местных детишек затаились на ветках, хихикая и прячась в кроне.

— Щас я уйду, обернусь быстренько и всё потом сосчитаю! — нарочито громко, не глядя в сторону груши, молвил мужик — у них был пакт о ненападении: воровать было нельзя, и за честность дети всегда получали свежую плюшку или калач. При этом возрастной ценз был чётко определён — угощали только самых младших. Кто грамоте учился, тому уже было не положено. Не прошло и минуты, как дверь опять открылась, и дядька принёс последний

поддон. Водрузив его на телегу поверх прежних, откинул покрывало и достал оттуда пару калачей, показал их груше, поманивая к себе. Груша зашуршала листьями, ветками, и оттуда свалились четыре ребёнка, которые наперегонки бросились к извозчику.

— Держи, ребятня! — дядька разделил булки пополам и раздал каждому. Довольные результатами своего «нападения», дети также быстро заняли позиции в кроне, дабы не искушать судьбу и не быть обобранными старшими товарищами.

— Надя! Оленька! — старшая сестра шла к тому месту, где точно знала, что найдёт близняшек. Полина шла не торопясь, разглядывая фруктовые деревья, свисавшие своими ветвями из-за заборов. Бывало, шустрые сёстры и туда забирались.

— Девочки! — груша опять захихикала и обронила несколько плодов. — Ах, вы, мои хитрые, вон куда забрались! Идём домой, молока дам попить.

Груша продолжала шебуршать листьями и издавать смешные звуки.

Полина зашла в ту же дверь, из которой только что выносили пахучий хлеб,

достала несколько монеток и положила в кружку, стоявшую на столе при входе.

— Это вашим девочкам! — громко доложил Паша, отчего Полина вздрогнула и, повернувшись, увидела его перед собой. Пашка замер в позе дарящего эклеры молодого человека в клетчатом костюме, только велосипеда не хватало.

— Спасибо, но это мои сёстры. — Паша понял нелепую ошибку, которую он допустил, и тут же попытался исправиться.

— Ну да, я понял, я так и думал... — его поза не менялась, а Полина до сих пор не приняла подарок. — Простите...

Секунды шли, а прогресса в отношениях не наблюдалось.

— Я вас люблю, Полина...

— Ну, наконец-то! — Полина протянула руки к подарочной коробочке и тут же её открыла, — Эклеры! Эх, Павел, какой же вы нерешительный в самом деле! Столько ходите за мной тенью и только сейчас сподобились открыться...

— Вы знаете как меня зовут? — Пашка совершенно опешил.

— Пришлось разузнать! Должна же я знать, кто меня преследует. Можно считать, что мы теперь знакомы или ты будешь продолжать стесняться?

Пашка просчитывал любой вариант развития событий, но никак не рассчитывал на такой поворот. Удача повернулась к нему лицом, и он явно был к этому не готов. Покраснев, он попытался быть галантным и со словами: «Теперь я преследовать вас не буду!» ринулся вперёд, чтобы открыть Полине дверь. По пути он задел таз с отсевом муки, стоявший под стеной, который с грохотом перевернулся и накрыл Пашку, успевшего к тому времени уже приземлиться на пол прямо перед порогом.

Полина разразилась искренним девичьим хохотом и подала своему вновь испечённому кавалеру руку: «Уж сделайте одолжение, в таком виде тем более не стоит!».

Выбор

Осень 17-го была в Харькове тёплой и солнечной, только ноябрь не пощадил горожан и стал хлестать их дождями и колючим ветром, восполняя всю доброту сентября и октября. Настроение в городе было сродни ноябрьской погоде. Весной Николай II отрёкся от престола*, и власть пере-

*2 марта по старому стилю.

шла к Временному правительству. С тех пор харьковчане покоя не знали. Всё стало временным — ценности, устои, власть — всё менялось с калейдоскопической быстротой.

С такой же быстротой стала меняться и Пашкина жизнь. Лето закончилось для него замечательно. Любовь его материализовалась и получила весьма осязаемое подтверждение в виде почти ежедневных свиданий с Полиной. Ромашки, лютики, эклеры, а также мелкие подарки в качестве знаков внимания требовали затрат, а так как попрошайничать деньги у отца Павел не имел обычая, то он попросил того только об одном:

— Батя, подмастерьем быть устал. Мне уж двадцать скоро...

Отец даже не взглянул на сына — вечер был уже поздний, и после смены он имел обыкновение ужинать, а мать всегда использовала этот момент для того, чтобы рассказать все новости дня. Да и вообще, эти вечерние посиделки были традиционными в семье Черепановых.

— Слышь, Трофим, старшой-то чего удумал... — матушка поставила на стол чугунок с варёной, крупно порезанной картошкой. К тому времени там уже

красовалась тарелка с овощами, перьями зелёного лука и салом с прорезью, нарезанным брусочками.

— Слышу. А что, не почётная специальность, сын? Или переработался? — отец медленно постукивал по столу ложкой, зажатой в кулаке.

Пашка осознал, что батя сейчас выйдет из себя, а это не входило в его планы.

— Хороша специальность. Смотрю на тебя и вижу — в почёте ты у своих в цеху. Только ты сколько лет работаешь?

— Да уж скоро тридцать будет как слесарю, — голос отца стал мягче.

— Вот то-то и оно, — Пашка увлечённо продолжил. — Сколько лет слесаришь, а всё одно и то же. Ты крутишь гайки, а хозяин в прибыли. Ты селёдку себе купить не всегда можешь, а хозяин вон экипаж новый своей жене справил. Ты гайки накрутил, а он твой двигатель втриморога продал. Много он тебе с этих денег оставил? Аж целый шиш и без масла.

Пашкин отец смотрел на сына с удивлением, словно открыл его с другой стороны.

— Вот я и думаю, — продолжил Павел. — Сегодня я ученик учётика, завтра —

учётчик, послезавтра — учётчик и через десять лет — учётчик. Сколько я домой принесу, зависит только от хозяина, а точнее, оттого, сколько он соизволит выдать.

— Учётчик — уважаемый человек. Абы кому эту работу не доверят. Был бы ты неграмотным, не знал бы арифметики — прямой путь тебе в кочегары. Ночевать в котельной на куче угля — это, что, большая радость? — Трофим всегда гордился сыном в том смысле, что Пашка был обучен. Цифры мог считать в уме и писал каллиграфическим почерком. На фоне поселковой босоты, которая промышляла кто погрузочными работами, кто мелким хулиганством, за что были прописаны в местном полицейском околотке, его сын выгодно выделялся. В этом смысле Трофим не единожды тешил себя мыслями о том, что со временем Пашка станет уважаемым на заводе человеком.

— Вот смотри, батько, паровоз — это ценность?

— Большая ценность. Сложный механизм.

— Паровозы нужны?

— Конечно, как без них уголь возить, людей возить, без них никуда, — отец не

выдержал и подвинул к себе миску с картошкой, стал накладывать себе и сыну.

Павел присел рядом с отцом и вдохновенно продолжил:

— Как? Объясни мне, батя, как так получилось, что дядька Степан уже третий месяц без работы?

Степан — младший брат Трофима Черепанова, Пашкин дядька, был несчастным гостем в их доме, но последнее время захаживал. Расположение духа у него было скверное. Дядька Степан работал на паровозостроительном заводе крановщиком. Специальность редкая, краны и тельферы были далеко не на каждом производстве, а паровозостроительный был самым мощным заводом в Харькове. И вот в один прекрасный день перед первой сменой их всех собрал цеховой мастер и, поднявшись на станину, ожидавшую установку котла, достал из кармана форменного кителя бумагу, напялил на здоровенный свой нос очки и громко объявил:

— По поручению акционеров уполномочен зачитать приказ! — двумя руками взял бумагу и приблизил её к носу. — Согласно постановлению от сего числа завод считается с воскресенья утра 13-го

числа сего месяца закрытым. Можете приступить к расчёту всех рабочих*.

Толпа загудела грозным басом мужиков. Из этого шума вырывались проклятия и угрозы, кое-кто сжал кулаки и был готов прямо сейчас идти мстить, но пока рабочие советовались, что делать, мастер ретировался. Дальше всё произошло по законам толпы. В этот момент её возглавить было некому, и она разошлась, бурча и матерясь, но уж точно — это на время.

Отцу ответить было нечего. Во всех этих бурях семнадцатого года он устал уже разбираться. Одно только то, что царь отрёкся от престола, многих поставило в тупик: «Без царя в голове? Как теперь жить?». Однако Трофим Черепанов был не из тех, кто поддался панике, он видел своё предназначение в работе, исправно трудился, кормил семью и свято верил в то, что его и всю семью Черепановых эти шторма минуют. Тем более впечатляющий эффект произвело на него выступление сына.

— Ты чего это задумал, Пашка? — Трофим не привык позволять вольностей в

* В. Корнилов. «Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта», с. 219.

семье и не понимал, куда клонит сын. Было очень похоже на то, что привычный уклад жизни ломался, а старшему Черепанову это было не по душе.

Павел встал, одёрнул пиджак таким образом, будто перед ним был большой начальник (собственно, так и было до сих пор — отец для всех был непререкаемым авторитетом) и, выдохнув, произнёс главное:

— С завода я ухожу. К большевикам подамся.

В комнате воцарилось молчание. Отец опустил взгляд, но теперь он не выглядел взбешённым. Скорее растерянным. Момент, когда сын станет сам принимать решения, наступил. Именно об этом сейчас думал Трофим Черепанов: «Не этого ли я хотел? Не об этом ли я мечтал? Он повзрослел».

Отец опёрся двумя руками о стол и медленно поднялся, чтобы огласить своё решение:

— Раз ты решил, так тому и быть. Твоя судьба, твоя жизнь... Я у тебя за спиной стоять всё время не смогу, да и время такое пришло — многого не понимаю. Ты только пообещай мне и матери, что жить будешь по чести. Кто за справедливость —

тот всегда прав. Честь, это когда тебе не стыдно за самого себя, когда уважают и друзья, и враги. Черепановы никогда не воровали, не трусили и друзей в беде не бросали. Забудешь об этом, дашь слабинку — фамилию опозоришь. Просто всегда об этом помни.

Сын обнял отца так крепко, как мог:

— Не опозорю, отец. Обещаю тебе! — Павел взял на себя это обязательство, но даже не мог себе представить, насколько сложно будет его сдержать в дальнейшем.

С того дня образ жизни Павла Черепанова резко изменился. Дядька Степан, большевик с паровозостроительного завода, на следующий же день представил своего племянника товарищам.

В просторном зале, предназначенном для заседаний разного уровня, но всё больше официальных, на втором этаже здания заводоуправления Гельферих—Саде собралась довольно пёстрая публика: здесь можно было наблюдать и крепких мужиков пролетарской наружности, и щуплых интеллигентов в пенсне, присутствовали даже несколько женщин, которые, не стесняясь мужского общества, дымили папиросы наравне с ними.

Этот зал не предназначался для подобных обществ, тем более что с некоторых пор слово «большевик» вызывало аллергию не только у жандармерии и филёров охранки (во время наших событий в Харькове охранное отделение уже упразднили, но ненависть осталась — враг, он и есть враг), но и стало головной болью собственников, банкиров и прочих предприимчивых людей разного уровня. Поэтому было анонсировано собрание благотворительного общества. Через подставных, приличного вида, заказчиков была внесена оплата за аренду зала на два часа. Управляющий сильно не церемонился и, получив получасовую таксу в отдельный ящичек стола, согласился с тем, что благотворительность нынче, в такое тяжёлое для страны время, явление редкое и очень полезное, но, к большому его сожалению, не сможет проинспектировать лично проведение почтенного собрания. Единственное, в чём не ошибся управляющий, так это в том, что время таки было тяжёлое.

В пёстрой картине начала XX века ещё не было понятно, куда идёт Россия, с кем и за кем. Был нарушен обычный уклад жизни. Нарушен он был представлениями

многих романтиков о том, что причиной всех несправедливостей является царь и война. Германская война четыре года грызла вшами европейские армии, дала сверхприбыли промышленникам всех сторон, она подняла патриотические настроения на небывалый уровень, а потом с такой же лёгкостью обернула эти настроения против предметов своего обожания.

Двоюродные братья — Николай II, Георг V и Вильгельм обменивались телеграммами, в которых обращались друг с другом по-братски, на ты, сообщая о своих намерениях передвинуть войска. «Твой любящий Ники», «Твой преданный Ники» — так подписывал император России свои послания брату в Германию. Телеграммы, конечно, доходили, но ничего этот дружественный тон не изменил. Германии было тесно в центре Европы, она считала, что для её гардероба этот шкафчик уже мал и потому придётся брату Ники испортить жизнь на некоторое время. В результате два брата, похожие настолько, что поставь их на параде перед войсками в одинаковых мундирах — строй не разобрал бы, кто есть кто, — Николай и Георг объединились в своих стремлениях усмирить

своего старшего — Вильгельма. Ценой братских распрей станут миллионы жизней с обеих сторон. Ну и Ники потеряет всё — империю, титул, семью, жизнь.

Водоворот

Верхняя одежда была повешена на крюки, прибитые на стене при входе, там же, на полке, были сложены головные уборы разных мастей. Появление Черепановых будто никто и не заметил (так показалось Павлу) — люди продолжали увлечённо дискутировать, кто-то не отрывался от газеты «Донецкий пролетарий», благо — стопка свежего номера лежала в углу на столе и была доступна всем желающим. Дверь не закрывалась — люди сновали туда-сюда с деловым видом и, встретившись взглядом со Степаном Черепановым, как правило, подавали руку и сдержанно здоровались. К назначенному времени народу становилось всё больше, и молодой человек преподавательского вида, одетый в китель инженера, громко постукивал по графину с водой:

— Товарищи, просьба рассаживаться по местам!

Пашка проследовал за дядькой Степаном, который уверенно прошёл во второй ряд, где они заняли крайние два места. На небольшом подиуме в том месте, где могла быть сцена, стоял массивный стол, покрытый красной тканью. Отрез был настолько большим, что своими краями спускался до пола, не позволяя из зала рассмотреть ног сидящих в президиуме. На самом столе находился тот самый одинокий графин в компании двух перевернутых вверх дном стаканов.

— Генрих Шпилевский. — Степан толкнул локтем племянника, который разглядывал с интересом членов этого схода.

До сих пор Павел не имел чести бывать в подобном обществе. Его круг общения ограничивался цеховыми рабочими, мастерами, и изредка он бывал в заводууправлении. Изредка настолько, что чувствовал себя там неуютно и неуверенно. Все эти кители и пенсне делали людей неискренними. Стёклышки Пашка вообще ненавидел: он отличался остротой зрения и мог прочесть любой печатный текст с расстояния трёх шагов, а о вывесках и речи не могло быть — в своё время сорванец Черепанов, как стал познавать грамоту, так стал бегать по незнакомым улицам в

поисках новых вывесок. Становился на противоположной стороне улицы и, пальчиком провожая взгляд, вычитывал: «Скорняжная мастерская», «Рыба и морские деликатесы», «Кондитерская». Обычно после таких самостоятельных выходов в люди для самообразования Пашка получал взбучку от отца за долгое отсутствие. А в том ненавистном заводууправлении Павел утвердился в своей нелюбви к пенсне и любой другой оптике: как правило, его посылали «в управу» с какой-нибудь отчётной бумагой или ещё чего хуже — письменным прошением. Так обязательно судьба заносила Пашку к какому-нибудь очкарику. И всегда ответ был отрицательным, но что заметил смекалистый Пашка — так это утончённое издевательство клерков. В цеху всё было просто: «нет» это значило только «нет». Особо настырных посылали в известные места, даже не отвлекаясь от основного дела, а этот, в мундире, сначала медленно вставал из-за обшарпанного стола, за которым прохудил-ся до дыр в локтях не один рукав, а десятки; потом, с чувством такого превосходства, какое имеет только поп на Пасху, он, этот плюгавенький очкарик, подходил и сни-

мал пенсне. Медленно, с такой себе театральной паузой, повернувшись к просителю и тем боком мундира, и этим, он доставал из кармана носовой платок и принимался тщательно протирать свою и без того стерильную оптику. В этом месте Пашка, у которого всегда земля горела под ногами от скорости передвижения по заводу, у которого ещё десять таких бумаг было в руках, как правило, начинал закипать. Но показать он этого не мог никак, потому как был не из той касты. И вот такой самолюблённый павлин (а почти в каждом кабинете управы такой находился обязательно), зацепив за переносицу пенсне, благоволил молвить: «Не по правилам составлено». Или: «Следует знать форму прошения, стыдно, молодой человек». Вот именно за это Пашка ненавидел владельцев оптических приборов, предназначенных для личного пользования.

— Ты слышишь меня или нет? — Степан ещё раз толкнул племянника, задумавшегося о подробностях своего мировосприятия. — Я говорю, смотри, запоминай, это Генрих Шпилевский.

— Ага, я понял. Кто такой? — Пашка был уже весь во внимании.

— Председатель ячейки нашей, с паровозостроительного, — голос дядьки Степана стал проникновенно уважительным.

— А что он тут делает?

— Как что? Идею будет продвигать! Нет разницы, какой завод — пролетарии, они везде одинаковые. — Пашка кивнул в знак согласия, но Генрих Шпилевский был именно тем типажом — в пенсне и кителе, который был им так нелюбим. «Посмотрим, какой такой Генрих», — про себя подумал Павел Черепанов и продолжил присматриваться к собравшимся. Зал был уже полон и рассмотреть всех не представлялось возможным.

Внезапно те ряды, которые располагались ближе ко входу, зашумели, и люди начали вставать. Те, кто не понял, что происходит, тоже вскочили, другие даже были вынуждены приподняться над толпой — кто на носочках, а кто из любопытства и на стул залез. Зазвучали одобрителльные аплодисменты, которые становились всё громче и стройнее.

Между рядами уверенным шагом направлялся к красному столу человек в сером кителе и хромовых сапогах. Среднего роста, коренастый, с волевыми черта-

ми лица и цепким взглядом. Он шёл по прямой, никак не обращая внимания на дружные приветствия единомышленников. Со стороны могло даже показаться, что такое сосредоточенное внимание ему неприятно, но об этом можно было судить только по его полной невозмутимости.

— Смотри, смотри, это Артём! — Степан Черепанов встал и вместе с товарищами провожал аплодисментами неведомого для Пашки человека. — Силён мужик, чего уж там — Степан продолжал хлопать и с племянником говорил вполоборота. — Из Австралии к нам приехал, представляешь? Из Австралии!

— Так он австриец? — Пашка искренне удивился тому, как пылко все приветствуют этого иностранца. Это что ж такое надо было сделать, чтобы так встречали?

— Не австриец, он наш! Говорю тебе — Австралия, не Австрия, Австралия — дядьке нужно было говорить немного громче. — Это чёрт знает где! А он и там побывал! Говорят, бучу поднял, пролетариев местных сплотил вокруг себя, стачки организовывал, — аплодисменты продолжались — газету издавал, а потом его вынудили уехать. С тамошней каторги не сбежишь!

Артём поднялся на помост, в президиум и, слегка поклонившись, жестом попросил публику присесть.

— Вот мы тут с вами собрались обсудить текущую ситуацию, товарищи! Решения разные принимать собрались, документы писать. И ошиблись. Ситуация не здесь, а там! — резко повернув руку назад, он показал в сторону заводских цехов.

Зал и так притих, когда Артём начал говорить, а после этих его слов все напряглись в недоумении.

— Да, да! Не там мы собрались. Жизнь, она сейчас — в цехах. А мы тут. Так недолго и самое главное упустить — людей.

Генрих привстал и попытался нашептывать что-то на ухо Артёму, но тот, резко махнув рукой, продолжил:

— Да к чёрту эту повестку! Успеем ещё бюрократией позаниматься! Сейчас я, товарищи, направляюсь в сборочный цех. Рабочие завода хотят получить ответы на некоторые вопросы. Считаю своим долгом быть там и приглашаю всех желающих не стесняться, одеться и проследовать со мной.

Зал зароптал и зашевелился. Одна из тех двух женщин, которые постоянно курили, подскочила с места и стала кар-

тинно опять аплодировать и делала это настолько энергично, что была вынуждена даже поправить платок — по последней пролетарской моде — красный. Если бы не соседи, подхватившие её под локоть, она, возможно, и упала бы.

— Прошу не ждать, мы теряем время! — Артём имел голос громкий и чеканный настолько, что рупоров ему не требовалось.

Генрих Шпилевский принялся спешно собирать со стола документы, аккуратно разложенные в соответствии с повесткой дня. Уже было не до порядка — Артём таким же уверенным шагом направлялся к выходу, но вынужден был остановиться, поскольку делегаты уже стали выходить из зала и образовалась пробка.

— Пойдём-ка! — дядька Степан с силой схватил за руку племяша и резко дёрнул за собой. Пашка как на крючке пробрался сквозь толпу вслед за Степаном — желающих поговорить с бесстрашным «бузотёром», как его иногда называли харьковцы, было достаточное количество.

— Фёдор Андреич! — это сочетание мгновенно обратило на себя внимание Артёма. Так мог окликнуть только человек, давно знавший его. Фёдор Андреевич

Сергеев однажды назвался среди единомышленников как товарищ Артём. С тех пор краткое и звучное партийное имя приклеилось к нему на всю оставшуюся жизнь. Конечно, полиция и охранка знали, кто скрывается под этим псевдонимом, личность эта не была тайной уже давным-давно.

Первый раз Сергеев был арестован в неполные девятнадцать лет. Второй и третий раз — в двадцать один. С каждым разом Фёдор набирался опыта и матерел. Его решительность и бесстрашие приобрели некоторую славу не только в кругу его единомышленников, но и среди сотрудников охранного отделения. Четвёртый арест Фёдора Сергеева и приговор на пожизненную ссылку в Сибирь обнадежили сыскарей охранки, но, как оказалось — ненадолго. Товарищ Артём посчитал, что жизнь в Иркутской губернии скучна и совершенно не соответствует его предназначению. В силу понятных обстоятельств путь держать в столице он не мог, но и климат местный для него тоже был невыносим. Семьёй он не обзавёлся, пожитков не имел, поэтому путешествие по Японии и Китаю могло показаться необременительным.

Туда Артём и направился, за что, кроме местного пристава, лишились должностей ещё несколько чинов постарше: уж больно часто последнее время стали пропадать из иркутских деревень присланные судами поселенцы. В итоге всех странствий, после тяжёлой и черновой работы за гроши ему таки удалось собрать некоторую сумму денег, которой хватило на билет до Австралии. Однако это всё было потом, а сейчас Степан Черепанов окликнул товарища по имени. По имени, которое знали далеко не все присутствующие.

— Степан? Дружище, здравствуй! — Артём изменился в лице и стал дружелюбным товарищем, который встретил друга спустя много лет.

— Я приветствую тебя, Фёдор! — Степан обнялся с Сергеевым искренне и крепко.

— Сколько лет? — сказали они одновременно и рассмеялись тут же.

— Двенадцать, товарищ Артём, двенадцать...

Пашка со стороны наблюдал эту встречу и сделал для себя несколько открытий. Во-первых, он совершенно не знал своего дядьку. Нет, ну о его вольнодумских взглядах знали все не только в семье, но и на

посёлке, но то, что он вот так запросто может обняться с Артёмом, говорило о многом. Во-вторых, они не виделись двенадцать лет. Это, что же, дядька Степан в революциях уже давненько? И не арестовали его ни разу, молодец дядька!

Двенадцать лет назад, когда им было немногим больше двадцати и страну только начинало по-настоящему штормить, Фёдор Сергеев и Степан Черепанов искренне считали, что терпеть уже больше невозможно, и если восстание не произойдёт сейчас, то оно не состоится больше никогда.

Поле их деятельности поначалу был родной завод Черепанова — паровозостроительный. Сергеев тогда взял на себя всю организационную и публичную часть, провёл агитацию и подготовил почву, постепенно заручившись поддержкой и других харьковских заводчан, а Степан занимался обеспечением всех этих процессов, при этом нигде не светился и подчинялся исключительно Фёдору Сергееву. Зачем же всей ячейке заводской знать, сколько достали оружия и в каком цеху какого завода оно спрятано? Как оказалось, такая стратегия была правильной. Двенадцатого

декабря, в тот день, когда должно было начаться вооружённое восстание, войска и полиция прибыли на завод Гелферих—Саде, окружили его, и дознаватели проследовали прямо к месту тайника, из которого через несколько часов должно было быть роздано оружие рабочим отрядам.

Почти никого не успели предупредить о провале, и несколько десятков самых активных членов организации были одновременно арестованы. Черепанов тогда ходил как ни в чём не бывало на работу, каждый день ожидая ареста, но обошлось. Фёдор Сергеев же испытывать судьбу не стал и спустя некоторое время, когда, находясь на нелегальном положении, понял, что революционная группа «Вперёд» потерпела серьёзное поражение, отправился в Питер.

— Будь рядом, Степан! Обязательно поговорим! — Артём, увлекаемый людским потоком, центром которого он сам сейчас был, поднялся по широкой лестнице и вышел во внутренний двор.

Весь путь до сборочного цеха товарищи проделали быстрым шагом, сопровождаемые любопытными взглядами неопределившихся или не вникших в глубину ситуации пролетариев. Те же, кто к концу

1917 года проникся ситуацией и, подстёгиваемый революционным ажиотажем, окунулся в этот котёл, уже знали, кто прибыл на завод с агитацией, и встречали Сергея приветственными возгласами. Утверждать, однако, что происходящее вызывало единодушный подъём и поддержку, тоже было нельзя: здоровенные кочегары, покрытые с ног до головы, словно шахтёры, угольной пылью, выбрались из своего полуподвала, где они по двенадцать часов в день кормили углём пасти заводских котлов со словами: «О! Васька, глянь-ка, ещё один гусь приехал светлое будущее обещать!». На что Васька — громадный детина с лицом, не выражающим совершенно никакого вдохновения, молвил: «Пятый уже за месяц». Краем передника Васька вытер пот со лба и завернул назад, в подвал котельной, чтобы не простудиться: «Гуси лапчатые, так и в печку не засунешь...».

Всё происходящее потом напоминало кипящий чайник.

Артём с сотоварищами пробрались сквозь толпу рабочих, шумящую и волнуемую. Импровизированной трибуной стал слесарный шкаф, положенный набок.

— Дайте слова, дайте слова, это Артём, —

ближние к «трибуне», а значит — самые активные участники волнений — узнали профессионального революционера.

— Да кто он такой, чтобы тут командовать? — кричали другие, не понимая, почему они должны слушать залётного агитатора.

— Ваших послушали, теперь наших давай! — «активные» продолжали настаивать на своём, и возле Артёма возникла давка, переросшая в драку.

— Вон отсюда, тварь продажная! Эсер! — щупленький работяга, подталкиваемый сзади толпой, с остервенением кинулся с кулаками на Шпилевского, который по несчастью оказался на пути к Сергееву. Одним ударом щуплый сбил Генриха с ног, в результате чего пенсне его было потеряно и на полу нещадно растоптано. Случился именно тот случай, о котором Генриха Шпилевского неоднократно предупреждали товарищи из ячейки: «Тебе место в конторе, а не на митингах, уж больно ты, Гера, на интеллигентика смахиваешь, так недолго и выгрести на околотке».

Цех многократно повторил эхом победный клич пролетариев: «Дави их!» Щуплый, почувствовав поддержку собратьев,

продолжил наступление, увидев перед собой цель — коренастого человека с усами, одетого в чистое пальто поверх кителя. Раз собратья кричат, что нужно давить — буду давить и вот этот, похоже, у них главный. Свои в обиду не дадут, поддержат!

Однако победный рейд щуплого закончился, так и не начавшись. Конечно, Пашку учили, что биться нужно лицом к лицу и до первой крови или пока соперник не упадёт, но разворачивать нападавшего к себе лицом и тем более, в соответствии с кодексом, сбросить о землю кепку и предупредить о нападении: «Щас я тебе вломлю по первое число!» — на это совершенно не было времени. Ни доли секунды не задумываясь, Пашка подставил щуплому подножку, да так незаметно, подбив одну ногу об другую — будто тот сам запутался в своих ботинках или на шнурок наступил, что щуплый так и упал перед Сергеевым со скрещёнными ногами. Тут же Пашка получил по затылку, но с разворота ударил в людскую стену на уровне локтя и попал кому-то в живот. Этот кто-то свернулся в три погибели и тоже упал на пол, а Пашка, увидев перед собой десяток не-

добрых лиц, поднял ладошки вверх перед собой, как будто выходил на кадрили. «Я первый не бил, что вы, как можно, господа?» — читалось на его лице.

Дядька Степан заорал что есть мочи: «Назад! Задавите братана! Это свои!»

Его громкий клич о судьбе щуплого слесаря возымел действие и был поддержан. Некоторые работяги расставили в стороны руки, сдерживая соратников не напирать на то место, где недавно виднелась его рыжая макушка.

Артём наклонился и подал руку лежащему на полу пареньку. К тому времени он уже успел приподняться, оставив на цеховом полу несколько капель юшки из разбитого носа.

— Вставай, земляк! — и парень под одобрительный гул подал руку.

— Разберись сначала, голова горячая! — со всех сторон слышались одобрительные возгласы. Вместо битвы «стенка на стенку» — стороны во многом благодаря Пашкиной подножке замирились.

— Говори теперь, раз пришёл, товарищ Артём!

Фёдор Сергеев на любой трибуне чувствовал уверенно: и сейчас на слесарном

ящике, и в порту на паровозе узкоколейки.

Дефицита ораторского искусства товарищ Артём не испытывал, а наоборот — ещё в юности обратил внимание на то, что в состоянии заставить людей себя слушать, и затем всячески развивал в себе это умение. Несмотря на то что никаких конспектов своих речей он никогда не вёл, ни в одном своём выступлении запинок не допускал. Говорил всегда простым языком. Таким, что любой работяга мог его понять, не вникая в смысл незнакомых слов вроде «индугенция», «экзекуция», «экспроприация». Талант оратора и способность доносить свои мысли до любой публики — от австралийских докеров и до питерских анархистов — делали товарища Артёма личностью незаурядной. По прибытии в Харьков летом семнадцатого первое, чем он занялся — это были публичные лекции «Война и рабочее движение в Австралии». Речи о далёкой стране, где такие же проблемы, да ещё из уст известного в городе дерзкого революционера имели успех. Всякий раз по их окончании страдающие революционным романтизмом юнцы набирали себе баллы перед старшими товарищами, проявляя

свою информированность: «А сколько у вас побегов, товарищ Артём? А как вы провели охранку в Сибири? А жандармы в Австралии такие же супостаты?»

В этот раз Сергеев тоже остался верен себе и в течение двадцати минут прояснил товарищам рабочим и примкнувшим к ним служащим видение вопроса о том, как восстанавливать социальную справедливость, почему господа заводчики не хотят, чтобы производство увеличивалось, а наоборот — сворачивают его, штат сокращают и урезают зарплаты, что нужно, чтобы заводы работали, и что теперь со всем этим делать.

На двадцатой минуте щуплый, который оказался в первых рядах, вытирая рукавом разбитый нос, молвил соседу, совершенно незнакомому мужику, который пришёл вместе с Артёмом (волею случая это оказался Степан Черепанов): «Складно сказывает, как воду льёт. Поверить, пожалуй, можно, а я уж было подумал, не наш вовсе».

Степан, который полчаса назад был готов за своего друга отметелить чахлого, но решительного пролетария, по-дружески похлопал того по плечу со словами,

мол, нечего было кидаться куда ни попадя, урок тебе на будущее, сначала думай, на кого накатываешь.

На проходной Артёма уже ждала пролётка, нанятая по такому случаю товарищами, до которой его и проводили, но Сергеев, уже стоя на подножке, замешкался, словно высматривая кого-то.

— Степан! Степан! — зычным голосом Сергеев обратил на себя внимание Черепановых, которые немного отстали. — Иди сюда, скорее!

Степан и Пашка пробрались сквозь плотную толпу вдохновлённых участников революционного движения до пролётки.

— Товарищи, товарищи! — Артём жестом показал Черепановым забираться в экипаж и не спорить. — Товарищи! — поток вопросов из толпы продолжал сыпаться в его сторону, будто он был единственным, кто знал на них ответы. — Завтра прошу вас прибыть на митинг, который состоится на заводе ВЭК* в полдень! У ваших братьев такие же вопросы, все вместе и обсудим!

— Трогай! — кучер понемногу придал экипажу ход, толпа расступилась, продол-

* Харьковский электромеханический завод.

жая обсуждать идеи оратора, а Сергеев обнял Степана крепко и от души. — Ну вот, теперь уж здравствуй, дружище, поближе! Твой? — Артём кивнул в сторону Пашки, подразумевая, что это сын Черепанова.

— Племяш. Павел Черепанов, Трофима сын, — представил его Степан.

Пашка подал руку новому знакомому и сразу же оценил крепость его руки.

— Сейчас мы едем ко мне и даже не думай сопротивляться, — тоном, не терпящим пререканий, сказал Фёдор. — Узнаю тебя с Лизочкой.

— Раз в двенадцать лет могу не спорить, — Степан моргнул племяшу. — Лизочка это дочь?

Артём искренне рассмеялся:

— Один-один! Я тут, похоже, якорь бросил. Не всё же бобылём ходить. Елизавета — это любовь моя. Женюсь наверняка! Она редкой души человечнице, вот такой души! — Фёдор руками исполнил жест, которым рыбаки показывают свой самый большой улов в жизни, и громко рассмеялся.

Фатум

Степан обратил внимание, что на общем сером фоне, какой в эти тяжкие времена в своём большинстве являли собой харьковчане, он видел сейчас счастливого человека, полного сил, целей, эмоций и решительности. И одной из причин такого разительного отличия была влюблённость Фёдора. Помноженная на его природный темперамент, она заражала окружающих жизнелюбием и оптимизмом её обладателя.

Фёдор был уверен, что фатум не существует, что кораблями правят капитаны, а не провидение, и потому в свои тридцать четыре считал себя капитаном. Все его путешествия и приключения, пережитые за эти годы, уже были достойны произведения, в котором ушлый романист нашёл бы почти всё для исключительного сюжета: перестрелки, заговоры, погони, аресты, побегы, путешествия, чужбина, тяжкие испытания голодом и холодом, но не нашлась бы там только одна тема. Пожалуй, самая главная для успешного произведения — любовная история. Бурный образ жизни не позволял Фёдору долго оставаться на одном месте и посему, даже если и возникала скоротечная

искра между ним и какой-либо очаровательницей, в костёр она превратится, как правило, не успевала.

С Лизаветой у Фёдора Сергеева получилось как-то иначе. Тут уж можно было бы поверить в то, что-таки тот самый загадочный фатум всё и подстроил. Вот так и возникла недостающая в романе линия — возникла в соответствии со всеми правилами драматургии — неожиданно, и обязывая героев к дальнейшему развитию событий. Два месяца и два дня его жизни полностью перевернули всё с ног на голову...

Первое мая — день, когда солидарности трудящихся во всём мире не было предела, Фёдор провёл как настоящий революционер.

Австралийский городишко Дарвин был не самым крупным, а по российским меркам — так, вообще, мелкота. Вся жизнь там крутилась вокруг шахт, и публика, работавшая там, отличалась от земляков Фёдора только английским наречием, и то многие из них говорили с акцентом. Азиатским, немецким, русским — Австралия это страна-причал. Она оказалась на пути у такого количества разношёрстной публики, что никто не удивлялся китай-

цу или русскому, говорящему на английском в припортовом кабаке, где работяги пропускали в конце дня по стаканчику. Фёдор не брезговал бывать в таких местах и справедливо полагал, что ничего не сможет изменить в мировоззрении этих людей, если не будет пахнуть так же, как они — рыбой, табаком и потом. В поисках единомышленников он поколесил по континенту.

Конечно, ему, не первый год прожившему в этой стране, издававшему там газету, было несложно сподвигнуть работяг на выступление в знак солидарности с трудящимися России и, вообще, всей Европы.

Уже второго мая мэр Дарвина распорядился разыскать и арестовать зачинщиков выступления, которые на несколько часов парализовали жизнь в городе. Мэр Дарвина не был демократом и терпеть не мог, когда в его городе шло что-то не так. Пока горняки шумели у себя на шахтах, за забором, он оценивал риски заражения городского населения левыми идеями и на приёме по поводу дня рождения своей супруги молча выслушивал жалобы начальника полиции на некоего русского, кото-

рого все звали Большой Том. Что смутян, что пользуется популярностью у всего портового сброда Мельбурна и шахтёров Дарвина и что суд не даёт санкцию на его арест, так как судья не нашёл в его действиях ничего предосудительного.

После того, как они прошли демонстрацией мимо его дома, который стоял на пути из окраины в центр, мэр напрягся больше обычного и вспомнил о Большом Томе. А первого мая — это была уже не сходка «по интересам» и не скоротечная демонстрация, это был полноценный митинг, на который, по оценкам полицейского управления, вышло около тысячи человек, причём были и приезжие. В руках у них были плакаты, они сами охраняли своё мероприятие, расставив самых крепких парней по периметру с интервалом в десять метров, они приволокли с собой сколоченный из досок постамент с перилами и ступенями, на который можно было взобраться и говорить крамольные речи так, что оратора слышали и видели все и, в конце концов, это раздражало мэра больше всего, они заняли на два часа главную площадь и прилегающие улицы. Тем самым демонстранты парализова-

ли торговлю, движение упряжек, редких автомобилей и разогнали всю почтенную публику, которая была ошарашена появлением в их красивеньком мирке такого количества простолюдинов с совершенно непонятными лозунгами и намерениями. Что там они собрались забрать? Заводы? У кого? У нас? Чего они требуют? Повышения зарплаты и укороченный рабочий день? Неслыханное событие для тихого городка.

Мэр был наслышан о смуте, которая поразила Европу и даже дошла до Америки. Это были революционеры. В каждой стране они назывались по-разному, но где бы они ни появлялись, везде начинались волнения. Представить, что эту болезнь заразную завезли к ним на каком-то пароходе с каким-то человеком, который не поленился две недели терпеть морскую качку и тошноту, было невозможно. Тут же мэр Дарвина отбил телеграмму в Канберру для Верховного Суда и правительства напрямую, в которой выразил глубокую озабоченность происходящим и посчитал смертельной ошибкой недооценивать деятельность Большого Тома и его единомышленников.

Но случай стал на сторону Фёдора: на ключе телеграфного аппарата сидела юная Кэтти, страстно влюблённая в одного из его бывших наборщиков-шрифтовиков. Вечером на свидании барышня восторженно поделилась со своим любимым новостью о Большом Томе. Это ведь тот самый Том, о котором ты столько мне рассказывал? Парень благоразумно пояснил юной леди, что она ошиблась, но теперь маршрут их прогулки несколько отклонился от обычного — они прошли мимо дома, в котором Большой Том, он же — Фёдор Сергеев, а ещё — товарищ Артём — снимал комнату. К счастью, хозяин оказался дома, и юная красотка не успела заскучать на пороге, пока юноша за пару минут поделился с Томом такой ценной информацией. Влюблённые пошли дальше наслаждаться вечерним океанским бризом, а Большой Том отправился в чулан, где уже давно пылился его верный саквояж. Чуть большего размера чем обычно их делают, он вмещал весь небогатый скарб своего хозяина — несколько пар сменного белья, рубашки, туалетные принадлежности и вторая пара кожаной обуви. Много ли холостяку надо?

Так начался его путь домой. В конце концов — сколько можно строить светлое будущее вдали от Родины? Семь лет в краях, где о морозах и снеге никто не имеет представления. Пароходом до Владивостока и потом на перекладных до Харькова. Весь путь занял два месяца.

Харьков в июле — жаркий и пыльный. Редко когда город накроет низкая свинцовая туча, но зато уж если накроет, так гроза смывала в Лопань всю пыль и грязь, отчего мостовые становились лощенно-блестящими, а воды речек местных, соответственно — мутными и коричневыми.

После одной из таких гроз, третьего июля, товарищ Артём прибыл в пролетарский Харьков для помощи революционному движению. Ещё из Ростова он отправил телеграмму о своём прибытии и попросил помочь с размещением на первое время, в чём ему и была оказана помощь по приезду.

Приютом товарища Артёма на первое время стала комната на первом этаже в подсобке Рабочего клуба, который располагался в угловом доме с колоннами по улице Петинской. Пусть и не большая, но чистая и с большими окнами, выходящими во внутренний двор, где располагался

тенистый сквер, комната его полностью устроила.

По всему было видно, что он здесь не первый и, скорее всего, не последний постоялец. В жилище было всё, что нужно для одинокого путника. Двум гостям здесь было бы уже тесно. Нехитрая мебель цельного дерева, довольно мягкая кровать, свежее постельное и работающий умывальник с канализацией в углу — для бывшего каторжанина это был верх мечтаний и комфорта.

Фёдор раскрыл дверцы шкафа, которые, несмотря на его возраст, не издали ни звука, и повесил туда весь тот гардероб, в котором сейчас не нуждался: пиджак и две рубашки. Подошёл к окну, створки которых также легко и почти беззвучно открылись — в клубе наверняка был хороший управляющий, если такие мелочи не доставляли неудобств. Свежий воздух с улицы, состоящий сегодня только из запаха грозы, наполнил комнату. Возможно, последние несколько дней, когда, как говорят местные, стояла сильная жара, в номере никто не жил, поэтому воздух был довольно спёртым, и теперь, с наступлением прохладной ночи, Фёдор посчитал, что сон с открытым ок-

ном придаст ему сил и позволит выспаться. Как же он устал от всех этих поездов, корабельных кают, пролёток, телег и прочего транспорта. Один из перегонов ему пришлось проделать в кабине паровоза. Причём — не пассажиром, а помощником кочегара. Только на таких условиях получалось продолжить путешествие. Конечно, для него это проблемой не стало — уж кем только он ни работал эти годы, махать лопатой по команде — не самое сложное из того, что ему приходилось делать.

Раздумья о двухмесячном путешествии домой прервал глухой звук из парка. Стемнело, и время приближалось к полуночи. Свет в комнате Фёдор выключил некоторое время назад, чтобы комары не испортили перспективу выспаться с удовольствием, и дышал вечерним свежим воздухом. Звук напоминал какую-то возню, и вдруг отчётливо раздался женский вскрик.

— Тихо, ты, с**ка! — возня продолжалась, а женский голос теперь издавал то ли всхлипывания, то ли мычание.

Не долго думая, Фёдор запрыгнул на подоконник и аккуратным, но быстрым шагом направился на шум. Нападавших было двое, а жертвой их была, судя по

силуэту, юная барышня. Один из гопников уже потрошил её сумочку, в то время как другой, приставив к её горлу нож так, что она была вынуждена стоять на носочках, бесцеремонно лапал. Весьма резонным поэтому было решение Фёдора использовать фактор неожиданности. Первым он посчитал нужным обработать того, что был с ножом, а потрошителя сумочек оставить на второе. Фёдор довольно быстро и близко подобрался к месту событий с тыла, но тут его выдала рубашка, белевшая на фоне тёмного сквера. Потрошивший сумочку заметил постороннего первым и, не выплёвывая папиросы изо рта, обратил внимание напарника на белое пятно, которое заходило к нему со спины. Возможно, парень заикался, возможно, растерялся от неожиданного появления Фёдора в этой сценке, но ничего, кроме мычания, он не издавал. Мычал и головой кивал в ту сторону. Пока его долговязый напарник оторвался от своего похотливого дела, пока повернулся, возмездие было уже близко. Совсем рядом. Возмездие нанесло удар снизу в челюсть такой сокрушительной силы, что пострадавший не смог издать никакого звука,

кроме резкого щелчка зубов, слившегося со звуком разрушающего челюсть кулака, и затем — аккуратный «шмяк» бесчувственного тела о землю.

Папироска была немедленно выплюнута, сумочка брошена прямо под ноги владельца и вот так, задом, задом, не выпуская из виду возмездие, грабитель, приняв позу «прошу покорно прощения, ошибочка вышла», растворился в парковой темноте.

Фёдор нагнулся над лежащим мужчиной и приложил три пальца к его сонной артерии:

— Жив. От такого не умрёт. Скоро очухается и дорогу домой, надеюсь, вспомнит. — Барышня не издавала ни звука, только тихонько всхлипывала.

— Финка. — Нож упал рядом с нападавшим. Фёдор поднял его и засунул в голенище своего сапога. — По крайней мере сегодня больше никому не навредит.

— Угу... — это всё, что смогла выдавить из себя перепуганная до смерти девушка.

Спаситель собрал содержимое сумочки и вручил её девушке со словами:

— Фёдор. Очень приятно.

— Е-е-е, — она продолжала всхлипывать.

— Елизавета.

— Неосмотрительный поступок — в таком платье среди ночи одна в тёмном парке. Неужто кавалер не решился проводить?

— Не-не — нет кавалера.

Елизавета держала сумочку за ручки, прижав её к груди, и тут вдруг, как только до её сознания добралась мысль о том, что всё позади, потоком слёзы хлынули, навзрыд завывала, и ноги подкосились. Фёдор успел поймать падающую барышню, чем спас новенькое платье от внеплановой стирки.

Лиза повисла на своём спасителе и рыдала ещё довольно долго, а тот не решался к ней даже притронуться, только держал руку, не прикасаясь возле талии: вдруг она опять начнёт равновесие терять? При этом Фёдор не прекращал держать в поле зрения тело в пиджаке, лежащее рядом, но, оно не подавало признаков физиологического возрождения.

Наконец, когда Фёдор уже почувствовал сквозь рубашку влагу от её слёз, он таки решился прервать истерику спасённой:

— Ну, будет вам, будет! Уже всё хорошо. Враг повержен и частично ретировался. Давайте я вас провожу.

Чтобы не рассказывать о причинах столь позднего возвращения, не будить ключницу, Фёдор таким же способом проник к себе в комнату, взял пиджак и вернулся к Елизавете. Набросив пиджак ей на плечи, он взял её под локоть и сказал:

— Показывайте дорогу, буду последовательным и доведу вас до двери. Чтобы наверняка.

По пути выяснилось, что Лиза в Рабочем клубе выступала с речью на мероприятии, что у них много общего — взгляды на жизнь, на происходящие события, на своё место в этих событиях. Редкое совпадение интересов. Кроме того, как только они вышли на освещённую фонарями улицу, Фёдор открыл для себя, что Лиза весьма недурна собой. Фигурка барышни имела очень приятные пропорции, соответствующие её юному возрасту (ей только недавно исполнилось двадцать), волосы средней длины были аккуратненько собраны сзади под заколку, и было заметно, что они слегка выются. Личико, несмотря на то что было заплаканным, всё равно оставалось очень милым и каким-то кукольным.

«И кавалера нет — странность какая, вот времена настали — вместо того, чтобы

любовь искать, барышни на митингах выступают. Многие изменилось, пока меня здесь не было», — Фёдор не хотелось с ней расставаться, потому он поддерживал разговор и пропустил уже двух извозчиков. Так они оказались на улице Ботанической, где жила Елизавета. Она снимала комнату с большими окнами на втором этаже в приличном доме под номером двенадцать. Адрес Фёдор Сергеев запомнил, а свои окна Лиза сама показала, взмахнув рукой: «Ну, вот мы и пришли».

О свидании на завтра долго договариваться не пришлось. Фёдор сделал это в духе времени, ну что же, от этого хуже не стало:

— Завтра я выступаю с лекцией в театре Муссури. Это не так уж далеко отсюда. Я могу рассчитывать на вашу оценку? Гарантирую безопасность и доставку до дома.

— Муссури? Как же, знаю. С удовольствием буду. Во сколько?

— В восемь.

На том они и попрощались, но каждый ушёл с каким-то новым ощущением. Как будто только что произошёл тот самый случай, который предопределяет всё твоё дальнейшее будущее.

— Куда едем-то? — кучер влоборота развернулся и спросил ездоков, которые так увлеклись беседой, что не назвали адрес.

— Ботаническая, дом двенадцать! — командовал Фёдор, и экипаж направился по новому домашнему адресу товарища Артёма.

Колонны в греческом стиле, три ступени при входе. Экипаж остановился к парадному, и дворник Прокоп внимательно, исподволь, осмотрел гостей. Привычка наблюдать за происходящим, считать людей — кто зашёл, кто вышел — осталась у него с царских времён. Начинаящие филёры частенько навевались к нему в каморку для налаживания контактов. Чем проветривать жиденькое пальто на холодных харьковских сквозняках, так лучше папиросами награждать Прокопа — уж он-то отработает.

Профиль нового жильца Прокоп различил на фоне газового фонаря. Только странно — жена его Фёдором кличет, а эти — Артёмом. Заковырка.

Хозяйка открыла дверь, и Фёдор, не оставляя ей никаких шансов, командовал:

— Лизок, на сегодня борьба за светлое будущее окончена, собирай на стол! У нас гости, да какие! Знакомьтесь — это Степан Черепанов.

Степан снял картуз, поздоровался, слегка смущённый таким шумным представлением.

— А это Павел, племяш его. Скажу тебе — парень из тех, кто не промах. В бой решительно идёт, без раздумий!

— Елизавета, очень приятно, — Лиза подала руку сначала Степану, потом — Павлу. Рукопожатие было по-партийному сдержанным.

Убранство комнаты никак не соответствовало её архитектуре.

Посреди громадного зала стоял круглый стол, который в любом другом помещении имел бы очень внушительный вид из-за своих размеров. Четыре стула, расставленные по сторонам света, были вплотную придвинуты так, что можно было подумать об экономии места, однако его было предостаточно. В углу разместилась кровать, рядом ней шкаф с двумя дверцами и ещё одинокая этажерка напротив, выполняющая функцию будуара — это всё, чем могла похвастаться молодая пара. На нижних полках этажерки — десяток книг — явно зачитанных, но дорогих своим хозяевам, а на самой верхней — зеркало. Эти четыре единицы мебели Лизе достались по наследству, как и комната. Однако, несмотря на

весь аскетизм обстановки, присутствие в жилище женщины без сомнения было заметно. Кружевные салфетки, подложенные под книги, несколько жестяных баночек возле зеркала и пара пейзажей на стене скрашивали ощущение пустоты.

— Что же вы, проходите, прошу! — Лиза бегом промчалась вокруг стола, отодвигая стулья, благо их на всех хватало. — Я на минутку, не скучайте! — И упорхнула в сторону кухни.

Мужчины повесили на крючки у входа свои шинели и прошли к столу.

— Спартанские условия способствуют умственной деятельности, — Фёдор был в чрезвычайно хорошем расположении духа — неожиданная встреча со старым товарищем подействовала как хороший допинг.

— Тебе деятельности ни у кого не занимать, — усмехнувшись, сказал Степан. — Твоя, Фёдор, деятельность вон сколько народу за собой потянула. Теперь только успевай за ними.

Лиза принесла самовар, щепки и спички, поставила на стол чайник и пряники. Красноречивый взгляд в сторону Фёдора поднял того с места, и хозяин принялся разжигать тульский самовар.

Так посмотреть может только любящая женщина, они уже понимали друг друга без слов и это могло значить только одно — они успели сродниться, притереться, и чувства их были взаимны. Фёдор был старше её на тринадцать лет и для неё, юной и начитанной гимназистки, он стал открытием.

До недавнего времени в её головке, кроме французского и немецкого языков, изученных практически в совершенстве, ещё размещался целый рой разных идей и мыслей, в которые она свято верила и «несла в массы». Лиза имела чёткое представление о том, как должно выглядеть общество справедливости, и была уверена, что это единственно правильный способ существования людей. Образование, умение убеждать и уверенность в собственной правоте делали её востребованным оратором. На этой почве у них с Фёдором было тоже много общего и иногда случалось, что в своих спорах «молодожёны» часто не замечали, как время переваливало за полночь.

Таких товарищей, которые досконально разбирались в революционных теориях, было вокруг неё всегда много — идейные и совершенно нищие студенты, заводские

активисты — мужики простые и прямые, но никто из них не вызывал у неё ни малейшей симпатии как мужчина. Поношенные сюртуки, одинаковые кепки, запах табака, они все были одинаковыми, нафталиновое мужичьё, которое, кроме себя и революции, никого вокруг не признают. Лиза, разговаривая сама с собой по ночам, задавалась вопросом: каким он будет, её любимый. И девичья фантазия, щедро вскормленная романтической литературой, такой образ выносила.

Покоритель Лизы непременно должен быть обаятельным. Ни в коем случае не снобом — надменности Лиза терпеть не могла. Очень неплохо было бы, если ОН сможет разделить дом и работу. Сколько её подружек по гимназии успели выскочить замуж за разного пошиба советников и прочих любителей рангов. И что? Скучно. Родила — и ты уже не нужна, или, по крайней мере, так им казалось. Сонечка Бельская, так та рыдала на плече у Лизы два года назад, когда встретились случайно в кондитерской. Совершенно не поняла Лиза тогда, в чём её беда. Обеспечена, состоятельна... Софья стала избранницей какого-то важного чина из полицейского

управления, каталась как сыр в масле — только роди сына. Родила. «Раскоровела!» — кричал ей муж, забирая сыночка на конюшню лошадок погладить. И Соня плакала ночами одинокими, свято поверив в то, что муж несёт службу государеву дено и ношно, позабыв уже давно мужнины ласки. Нет, такое не для меня — решила Лиза. Тем более, как ужиться людям, имеющим разные политические взгляды? Это невозможно. И Лиза продолжала фантазировать... Крепкий, конечно, с сильными руками, чтобы обнял нежно, но так, что уже не отвертеться. Добрый, хороший, справедливый, честный, заботливый, верный, любящий — после таких фантазий никогда не хотелось просыпаться. Со временем Лиза смирилась, что вокруг неё не найдётся ни одного такого принца, но ночные грабители подвернулись как нельзя кстати. Отчасти и от такой долгожданной встречи она тогда «поплыла» прямо к Фёдору в руки. А потом, после того как он проводил её домой, не спала всю оставшуюся ночь, сравнивая вымышленный образ со своим спасителем. Прямых соответствий было более чем достаточно.

Самовар вынесли на порог чёрного входа, чтобы он продымил и закипел, а Лиза в это время собрала на стол всё, что положено гостям. Снедь была нехитрая, но в этом году и картошка была в радость, и по случаю неожиданной встречи Фёдор достал из кухонного шкафа неприкосновенный запас. Пашке испробовать горячительного не дали, да и не очень он хотел: его первый опыт употребления закончился грандиозной дракой посреди родной улицы, после которой отец пригрозил лишить крова и пожизненно отлучить от семьи.

После положенных в таких случаях воспоминаний о бурной молодости Лиза ещё раз убедилась в правильности своего выбора — Фёдор, оказывается, бесстрашный! Не очень-то он с ней был разговорчив — многого не знала о его подвигах: и об участии в мятеже 1905 года в Харькове, об оружии, о слежках, хотя зачем ей это было знать? Другой бы уже расписал в красках свои похождения, тем более было что живописать, а он поскромничал, цену себе не набивал.

Наконец, когда Фёдор и Степан от души посмеялись над филёрами и полицейскими, их беседа стала более серьёзной.

— Времена такие штормовые, Степан, что не успеваем иной раз за ними. Новую страну строим, справедливую!

Степан фирменным движением расправил усы и усмехнулся:

— И много вас? Строителей?

Фёдор даже нахмурился от такой резкой смены тона. Ему показалось, что в словах Степана прозвучала лёгкая насмешка.

— Да уж хватает, дружище! Хватает! Нас пока не так уж много, как хотелось бы, и не успеваем всего — задач сейчас больше чем проверенных людей, но это временно — я уверен. По мере того как мы будем продвигаться вперёд, к нам примкнёт всё больше и больше людей. Пролетарии сейчас колеблются. — Фёдор встал и, почувствовав себя в родной стихии, продолжил:

— Хозяева заводы бросают, людям есть нечего. И ничего, кроме возмущения, в своих цехах они не высказывают!

— Ты не прав. В депо рабочий комитет принял решение о недоверии управляющему. — Фёдор был в курсе всех волнений и новшеств.

— Сменят и что? Что они будут возить? Воздух? Пока заводы не заработают, ни им, ни самим заводчанам жизни не будет! Только национализация! Исключительно!

— А кто управлять всем этим хозяйством будет?

— Вот! Вот видишь, ты уже задал вопрос, значит, ты задумался! А если ты задумался, ты найдёшь правильный ответ. Хоть методом проб и ошибок, хоть с помощью товарищей, но ты ищешь!

— Да я не ищу, Федя. Я уже устал от всех этих каруселей. Война, революция, работы нет, сколько ж можно? С девятьсот пятого всё ищем. Царь нам не такой был. А что, плохо жили разве? Я тебя спрашиваю?

— Э-э-э-э, дружочек, так ты разуверился? Ещё даже не половина пути, а ты сдрейфил?

Пашка с интересом следил за дядькой — он таким его никогда не видел. Их общение всегда сводилось к застолью на Пасху. Как и Лиза, Пашка открыл для себя много нового.

— Ты не перегибай, Фёдор! Не перегибай! Я такой человек, мне цель нужна. Вижу цель — иду. Не вижу — стою. А сейчас, хоть слепцом меня назови — не вижу! В упор не вижу! Все о народе заботятся, кому не лень — от попов до большевиков, и чем больше таких заботливых, тем хуже

становится! А я жить хочу. Сегодня, а не завтра.

— Вот. Вот ты сейчас сам цель себе и поставил.

— Я тебе сказал, что у меня в башке тупик! Тупик, понимаешь?

— Не-е-ет, Стёпа. — Когда товарищ Артём начинал слегка протягивать слова, это значило, что сейчас он в замечательном, неофициальном расположении духа. Обычно, на публике, он был в своих выражениях резок, оперировал чёткими формулировками и использовал короткие предложения.

— Чё нет? Ты меня, что-ли, лучше всех знаешь? Вон сколько годков не виделись. Я уж и подзабыл, как ты выглядишь. Кстати, здоровый ты стал! — водочка сделала своё дело, и дядька Степан уже слегка за-хмелел.

— Твой тупик от незнания и нерешительности. Ты себе цель уже поставил, теперь нужно действовать. И вот этих всех благодетелей, как ты говоришь, нужно или на нашу сторону переманить, или от дел отодвинуть.

— Ну ты, Фёдор, знаешь, что делать?

— Я знаю. Промышленность поднимать. Работать до изнеможения.

— Так война же!

— Так проиграем, если не справимся. Думаешь, немец — он, что, резиновый? У них ресурсов тоже негусто, а уже сколько потрачено. Ту кто кого.

— Ну, раз ты знаешь, то и команду! Строителей светлого будущего ведь не хватает, я так понял?

— Точно так. Зашиваюсь. И товарищи не справляются. Пятьдесят задач одновременно.

Пашка, слушавший уже второй час беседу двух очень уважаемых ним людей, посчитал, что теперь вот то самое время, когда пора обозначиться, а то так всё мимо пройдёт.

— Товарищ Артём!

Голос с другой стороны стола оказался неожиданно громким и уверенным.

— Товарищ Артём, а возьмите меня к себе.

— К себе? — Фёдор несколько опешил от неожиданности.

— Да. В помощники. Вы же не успеваете, зарываетесь?

Степан удивился такой решительности племяша:

— Ишь ты, проныра! Хотя... На твоё усмотрение, Фёдор. Пашка преданный.

Товарищ Артём посмотрел на молодого человека оценивающим взглядом снизу доверху.

— Грамоте обучен?

— Так точно! — отчеканил Пашка.

— С цифрами дружишь?

— Так точно! — голос Пашки стал ещё громче, он понимал, что ему не откажут.

— Реакция у тебя хорошая, грамотный, и фамилия у тебя проверенная.

— Не думай, Фёдор, не думай много. Наш он, Черепанов. — Степан тоже загорелся этой идеей — наконец парень толковым делом займётся. А опасность — так она и под домом может в виде гопников достать. Кто знает, что там, на роду, написано?

— Я нуждаюсь в таком человеке. Да. Определённо.

Пашка сиял от того, что его экспромт привёл к таким неожиданным последствиям.

Фёдор продолжил:

— Работы будет много. Будешь везде рядом со мной. Поездить придётся. Дальше Рогани бывал где-нибудь?

Тут Пашка слегка смутился и, опустив взгляд, негромко сказал:

— Да не приходилось, я больше по месту тут.

— Ладно, ладно! Не дрейфь, справимся! Как тебя только теперь величать? — Фёдор на несколько секунд задумался. — Адъютант? Так мы не в армии, а я не превосходительство. Секретарь? Так работа не конторская вовсе. Больше штабная.

— Товарищ Артём, ординарец. Ordino по-латыни значит «порядок наводить». — Паша своим этим изречением поставил Степана на время в тупик.

— Кх-мм... — откашлялся дядька Степан, — я же говорил, смышлёный парень!

— Ну, не знаю. Мне не очень. Помощником будешь. А там смотри — представляйся как заблагорассудится, — товарищ Артём подал руку своему новому товарищу, и Пашка убедился в её крепости.

Начиналась новая жизнь.

Дневник. Харьков

Вести дневник — дело девичье. Гимназистки и курсистки имели моду записывать свои переживания и страдания на бумаге. Бумага всё стерпит. Бумаге можно пожаловаться, окропить слезой, а по-

том плакать, взглянув на её высохший след ещё раз. Дневник — это склад переживаний, это собеседник, который никогда лишнего не спросит, глупых вопросов не задаст и уж тем более — не осудит. Этот собеседник будет терпеть всё, что с ним сделает хозяин, — и строки о неразделённой любви, украшенные ангелами и сердечками, и гнев на родителей, и при необходимости сгорит в печке, если хозяйка совершенно обезумеет от злости или отчаяния.

Павел знал о такой слабости кисейных барышень и потому сразу от идеи вести записи отказался. Что же я, революционер, пребывающий в самой гуще событий, рядом с такими людьми буду дневник писать? Но месяц назад, когда распри в Советах достигли своего апогея и в Харькове продолжился их Первый всеукраинский съезд, Пашка встретил одного интеллигента.

Щуплый паренёк немногим старше чем он, проносился мимо, опустив взгляд в пол. Убирать плечо Пашка не стал — какая наглость — вот так нестись, не глядя. Щуплый упал, споткнувшись о Пашку, и обронил все свои записи.

— Простите, не заметил, — студент (как прозвал его для себя Пашка) быстро принялся собирать листки с пола.

— Это ты сейчас историю обронил? — знакомый зычный голос сзади заставил Павла обернуться. Товарищ Артём дружески похлопал Павла по плечу и продолжил:

— Так с историей нельзя, товарищ ординарец! Она заслуживает большего уважения.

Щуплым студентом оказался корреспондент эсеровской газеты, присланный в Харьков по случаю переноса туда съезда. Его звали Арсений Песков. И был вовсе не студентом, а состоявшимся журналистом.

— Знакомьтесь, это товарищ Песков, — Артём представил Павлу неудачливого его оппонента, — очарован социал-революционной идеей и приставлен к нам своими товарищами как наблюдатель.

Арсений смутился и ретировался так же быстро, как и появился.

Товарищ Артём (только так называл его Пашка теперь, приучая себя к мысли, что Фёдор Андреевич Сергеев остался в прошлом), здороваясь налево и направо, взял под локоть Павла и заговорщицким тоном сказал:

— А ведь то, что сейчас происходит, действительно достойно хроники. Я не прошу тебя писать для газет. Пиши для себя. У тебя свежий взгляд, ты только начал, ты молод. Потомки прочтут и будут гордиться своим дедом. Революции раз в несколько поколений случаются, а тебе повезло попасть в этот водоворот молодым.

— Я себя не представляю писателем.

— А ты и не представляй, Пашка. Это несложно. Увидел — записал мысли. Дневник, если хочешь. С мыслями у тебя порядок, событий тоже достаточно. Не ленись, и получится летопись славных времён. Договорились?

Пашка никак не мог понять, как у него это получается? Только подумал о том, что дневник — дело бабское, как вот на тебе. Ну хорошо, пусть это будет не дневник, а хроника. Хроника перемен. Или великих дел. Или революции. Нет. Слово «революция» Павлу категорически не нравилось. Как только началась революция, оказалось, что город погрузился в хаос. В рюмочных даже завсегдатаев стало меньше. Намного меньше. Это может показаться странным, но выручка питейных заведений была одним из лучших индикаторов благосостоя-

ния. Как только в трактире становилось пусто, это значило, что жёны взяли власть в свои руки. А для этого могла быть только одна причина — мало денег. При зарплате рабочего в 20 рублей за месяц в хорошие времена поход в трактир обходился в 20–30 копеек. Фунт* говядины стоил 21 копейку. И при наличии детей, а семьи были большими, тех денег на прокорм на месяц не хватало.

Революция принесла разброд в умы и опустошила и без того неполные кошельки. Блошинные рынки стали процветать, потому что натуральный обмен заменил оборот денег. Денег попросту не было. Ежедневная оплата начислялась, но никто из управления не мог точно сказать, когда её выдадут.

Работы в семнадцатом не было катастрофически. Заводы остановились, перевозить стало нечего, и железнодорожники тоже стали бедствовать.

За свою короткую жизнь Павел всё же успел повидать те времена, когда люди ходили с радостными лицами, на ярмарках веселились от души, детям покупали

* 1 Фунт = 0,454 кг.

подарки и сладости, и эти воспоминания он держал в самом далёком уголке души. Вот такую он хотел жизнь — красочную, со счастливыми лицами вокруг, со смехом и весельем.

Война поселила в харьковчанах тревогу. Революция добавила в эту тревогу нищету. За что её было любить? Кто-то видел свет в конце тоннеля, как товарищ Артём, кто-то просто следовал вперёд, полный желаний перемен, вливаясь в революционные массы. А Пашка хотел одного — чтобы быстрее вся эта канитель упокоилась и мать могла бы испечь масленичные блины.

— Хорошо, товарищ Артём. Я попробую. Посмотрим, что из этого получится.

— И сохрани обязательно! Пусть внуки проверят, были правы или нет!

И с того дня, а это было 11 декабря, Павел стал вести записи, которые потом составят общее впечатление о том смутном времени, о фигуре товарища Артёма и обо всех интригах, которые сопровождали Пашку в дальнейшем.

«11.12.1917. Прибыл на Николаевскую площадь в Дом Дворянского собрания для участия с товарищем Артёмом в Первом

Всеукраинском съезде Советов. В этом Доме не бывал до сих пор и даже не мог себе представить, как он выглядит изнутри. Слышал, что здесь всегда раньше собирались дворяне для своих церемоний, выборов и балов. Само здание выглядит очень торжественно. Вроде три этажа — а выше чем все дома рядом. При входе шесть колонн высотой в два этажа из трёх, и дверь кажется очень маленькой на их фоне.

Внутри большой зал, в котором организована регистрация участников съезда. Публика разношёрстная. Никого не знаю, кроме товарища Артёма и Генриха Шпилевского, но со мной все здороваются, потому что я рядом с Артёмом. Много новых лиц. Всех не упомяну, пока путаюсь. Пытался записывать имена и фамилии, но потом бросил — дело бесполезное.

Шпилевский тоже постоянно рядом и много рассказывал о той части съезда, которая была неделю назад в Киеве. Если кратко — там все переругались. Большевики сделали всё так, чтобы мероприятие состоялось, но в результате оказались в несправедливом меньшинстве. Это и вызвало у товарищей некоторое недоумение. Их было всего немногим больше ста, ког-

да всего делегатов — почти две тысячи. Особое возмущение вызвало принятие резолюции в поддержку Центральной Рады. Не разобрался ещё почему, но для большевиков это было категорически неприемлемо. Как сказал товарищ Артём — «Не для того мы собирали Советы».

Теперь та часть делегатов, которая посчитала, что в Харькове соберётся пропорциональное представительство, собралась здесь. Люди с озабоченными лицами, мало кто улыбается, все рассуждают о происходящем, обсуждают Манифест к украинскому народу от Совета народных комиссаров. Все говорят о том, что Рада действует в интересах буржуазии и даже предаёт в военных вопросах, когда разоружает военные части Советов.

Делегатов, как оказалось после регистрации, около двухсот человек. Слышу разговоры о том, что ожидалось больше, но не все решились. Публика в основном пролетарского происхождения и сочувствующие из интеллигенции. Почему-то их так и называют — «сочувствующие», хотя среди них есть и большевики.

После проследовали в зал для заседаний. Теперь понимаю, почему буржуи так

гордились своим дворянским сословием. Здесь могли заседать только они и никто больше. Потолок так высоко, что до сих пор мучаюсь вопросом — как они добираются до ламп? На сцене несколько столов для президиума. Сама сцена находится в глубине той части зала, к которой обращены кресла. Я бы сделал иначе.

Заседание продлилось почти до глубокой ночи. Бесконечные выступающие, споры из зала с докладчиками, иногда до крика доходило. Всё идёт к тому, что Раду не признают. Товарищ Артём выступал уже два раза и говорил о том же, что и большевики обсуждали перед началом. Рада — орган предательский, который действует в интересах буржуазного элемента. Они воевать с немцами не слишком охочи, и это теперь понятно всем».

«12.12.1917. Второй день. После того как делегаты очень бурно провели вчерашний день, страсти немного успокоились. Вопрос был вокруг того, что изначально это был съезд депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов. А после прибытия делегатов Всеукраинского съезда из Киева всё смешалось. Договорились о том, что в первой половине дня будут

решать вопросы области, а во второй половине — вопросы Украинского съезда. Большевики голосовали против. Большевики вообще были против всего, что вызывало у товарища Артёма бурю эмоций. Пока единственное что удалось сделать — это избрать председателем областного Совета Магидова. Он хоть большевик. Прошлый был эсером. Фамилию даже вспоминать не буду».

Каждый день Павел возвращался домой поздно, и мать ворчала на него, но ужин всё равно на стол ставила. При свете керосиновой лампы Паша писал все свои впечатления о происходящем. Он многого не понимал, у него голова шла кругом от всех этих новых слов, но он не прекращал писать. Эта привычка потом станет для него отдушиной. Почти как у гимназисток, только события, описанные в его дневнике, будут гораздо более трагичными.

Отцы и дети

— Нашла время! — Тимофей Кирсанов был зол настолько, что вскочил с табурета, отбросил сапожную лапу на которой он тачал свой единственный левый кирзовый

сапог и, громко стуча культёй, надетой на обрубок правой ноги, поковылял к буфету.

Ногу Тимофей потерял в самом начале войны, когда их армия «пошла на Фридриха». Их целью был Львов. Им противостояли австрияки.

Тогда здоровый в прямом и переносном смысле харьковчанин правил битюгом, запряжённым пушкой, и толком сам ещё не успел понюхать пороху. Всё свое время на службе он провёл в переходах. Мундир новый, конь толковый, долго ехали в эшелоне и наконец выгрузились на каком-то полустанке. Стали в колонну и пошли на север. Разговоры в полку были только о том, как далеко успеют загнать проклятых австрияков до наступления зимы, но австрияки имели свою точку зрения на этот вопрос. То ли разведка полковая прошляпила, то ли австро-венгры оказались проворней, то ли карты офицерские подвели, в общем — снарядов было три.

Первый положил голову колонны во главе с командиром артполка Марецким, второй попал в хвост колонны, где шла кухня и провиант, а третий угодил аккуратно в телегу с боезапасом. Кирсанов со сво-

ей пушкой тянулись через одну телегу от места попадания. Может, оттого и выжил.

Полковой лекарь перетянул его правую ногу ремнём и, не долго думая, разрезал узкую полоску кожи, на которой держалась оторванная нога. Потом был госпиталь в Одессе, недельная щетина и принятие своей частичной недееспособности. Утешало одно — сосед по койке был без обеих ног. Он выл ночами не от боли, а оттого, что теперь его вечный спутник — инвалидская тележка, и людей он всегда будет видеть на уровне их колен.

— Это ж надо такое! Не успела материну юбку надеть, как уже задирать подол надумала? — Тимофей поставил на край буфета бутылку и налил себе мутной жидкости в стакан. Выпил залпом и тут же сделал шаг в сторону стоящей возле окна дочери.

— Убью! — костыль полетел в Полину, запущенный с силой, на какую способен здоровенный и пьяный мужик. Зазвенело разбитое стекло, и тут же в комнату ворвался холодный воздух с улицы.

— Чёрт окаянный! Она-то в чём виновата?

Мать подбежала к Полине, обняла её и закрыла собой.

Лёжа на полу, Тимофей расплакался. Он бил кулаками по полу так, что трещали половицы, рычал в бессильной злобе и повторял:

— Не отдам, не отдам!

Анна подошла к мужу и присела рядом с ним на пол.

— Всему своё время, любимый... Справимся, справимся... — она гладила его по лицу, и тот успокаивался с каждой секундой.

Таким взбешённым отца не видел никто и никогда. После его возвращения из госпиталя он был тише воды и ниже травы, понимал, что зависим от своих женщин. Анна недолго плакала. Вернулся — и слава богу. Ждала и надеялась, свечи ставила. С каждой историей о том, как кто-то потерял любимого, мужа или сына, она свечей ставила всё больше. Господь услышал её молитвы. Справили культу, костыли ещё в госпитале выдали и Тимофей стал потихоньку привыкать к своему статусу. Большой уверенности придавал тот факт, что он не спяну под паровоз скатился, а потерял ногу на войне. Орденов не привёз, но пострадал за царя-батюшку и отечество на фронте. Со временем Тимофей понял, что и со-

седи, и случайные люди, которые узнавали о его походе на Европу, не испытывали сочувствия к нему как к инвалиду, но прониклись уважением. Тимофей не клянчил денег, не ныл песен на углах, с придыханием повторяя, что он жертва войны, как это делали многие проходимцы в городе. Он сапожничал. Руки целы и слава богу. Тем самым он получил уважение и от своей семьи, но сегодня...

— Любят они друг друга, или не видишь? Ты же вроде не ослеп... — Анна продолжала гладить мужа по щетине. — Самто, помнишь, как меня добивался? С отцом моим подрался... Когда ж ты успокоишься?

Близнецы Надечка и Олечка стояли в дверях в ночнушках, держась за руки. Шум вечернего отцовского буйства разбудил их, и теперь они беззвучно плакали, глядя на то, как мать и отец тоже плачут, обнявшись сидя на полу. Одна Полина так и стояла у разбитого окна, ощущая спиной холодный зимний сквозняк, ворвавшийся в натопленный дом. Она, словно очнувшись, схватила покрывало с кровати и завесила окно. Удалось это не сразу, руки дрожали, слёзы мешали, и мысли были вообще не о том.

Пашка сделал ей предложение. Красиво, с цветами и коленопреклонением. Заявился посреди дня и прямо с порога ошарашил:

— Где родители?

Отец был в своей будке — мастерской, а мама только вернулась домой с полотном для шитья.

— Кто там, Полечка? — мать вышла из своей «швейной» комнаты, которая была завалена материалом и уже готовыми пододеяльниками.

— Знакомьтесь, мама это Павел. Я о нём рассказывала уже...

Пашка сделал кивок головой в знак выражения своего почтения. Сказать честно — он дома репетировал разные действия, чтобы произвести наилучшее впечатление на родителей любимой. Стоя перед зеркалом, он держал в руке веник и принимал разные позы — вполоборота, держал осанку и следил за убедительностью выражения своего лица, но Полину он о своём визите не предупредил, нагрянул неожиданно.

Пашка вообще решился на этот шаг сам для себя внезапно: всё больше он теперь занят с товарищем Артёмом, постоянно занят переездами с завода на завод, митинги, со-

брания, заседания, это всё стало бесконечным. С наступлением зимы они с Полиной встречались всё реже — погода портилась, темнело теперь рано, по улице не прогуляешься, а встречаться в доме — так нет повода, да и как родители еще посмотрят.

Никогда Павел не мог себе представить, что так будет скучать и тосковать за кем-либо. Были в его юношеской карьере поселкового ловеласа увлечения, как правило — не взаимные, но интерес к противоположному полу в этом возрасте — сила непреодолимая. Бегал Пашка на свиданки как и все, движимый зовом природы. Потом хвалились пацаны друг перед другом, кто дальше руку смог запустить под девичье платье. Привирали, конечно, дрались частенько, если объект внимания был один на двоих, и всегда в своем стремлении познать женщину они шли дальше.

Но сейчас был не тот случай. Пашка был аккуратен, возможно даже излишне. Он боялся обидеть Полину своим желанием, боялся оскорбить ее даже взглядом, хотя разглядывал ее стройную фигуру всегда с плохо скрываемым вождением.

Страсть, которую он испытывал, переживает каждый юноша в своей жизни. Эта сила

часто толкает молодых людей на безрассудные поступки, иногда заставляет их делать откровенные глупости, но Пашка был не из таких. Поля заняла его сознание полностью. Он думал о любимой ежеминутно: дома, в машине, на митингах, она всегда была в его сознании на первом плане. Возможно, именно поэтому влюбленных видно издалека. Симптомы этого состояния души сразу бросаются в глаза посторонним — рассеянный взгляд, улыбочивость безо всякой причины, иногда глупое выражение лица и неспособность расслышать вопрос с первого раза.

— Паша! Да сколько же можно? — Артем повторял уже третий раз свою мысль, которую Пашка должен был написать в письме юзовским товарищам, а тот все пропускал мимо ушей.

— Что ж ты такой зачарованный, Павел? Ты о чем думаешь все время?

— Прошу прощения, товарищ Артем. Задумался, да.

— Что тут думать, Павел! Жениться тебе нужно, жениться! Вроде и парень не из робкого десятка, а все боишься чего-то. Твоя судьба в твоих руках. Сейчас иначе нельзя. — Артем уже несколько недель наблюдал за эволюцией Пашкиной

рассеянности и безошибочно поставил ординарцу диагноз: влюбленность сильная, расстройство души на фоне разлуки с объектом обожания и прогрессирующий романтизм.

— Пожалуй, вы правы...

Вот и решился Павел брать крепость без предупреждения.

— А папы нет... — Полина была в растерянности, понимала, к чему дело идёт.

Мать стояла в такой же растерянности, глядя на цветы и не понимая, что происходит.

— Проходите, проходите... — мать по привычке вытерла руки о передник, хотя они были чистыми.

Пашка снял сапоги и проследовал в зал, если так можно было назвать главную, самую большую комнату в доме Кирсановых.

Тут же примчались близняшки, обуреваемые любопытством, а следом на одной ноге прискакал Лёха — он часто подражал отцу, когда тот передвигался без костылей.

— Достопочтенная Анна Ивановна, очень жаль, что Тимофея Аркадьевича нет дома, но я уже пришёл и должен сказать то, к чему так долго готовился! — Павел понимал, что предложение без присутствия

отца несколько теряет свою юридическую силу, но отступить было некуда.

— Анна Ивановна, я пришёл просить руки вашей дочери!

Мать понимала, что когда-нибудь это произойдёт, но представляла себе это иначе. Таких высокопарных слов она не ожидала от пацанёнка с соседней улицы. Мать присела на стул и прикрыла лицо рукой. Радоваться или плакать? Не поймёшь теперь.

— Обещаю любить Полину всю жизнь и беречь тоже обещаю. — Пашкина речь пошла не по плану, как и вся его торжественная затея, с самого начала.

Полина была в расстроенных чувствах: без сомнения, она тоже любила Павла, но их отношения имели своим пиком единственный поцелуй и тот был ещё до того, как Пашка подался в большевики. Потом он такой стал резкий и решительный во всех своих разговорах. На редких свиданиях только и говорили, что о справедливости, новом мире и товарище Артёме. Порой у Полины складывалось впечатление, что этот самый товарищ занимает в Пашкиной жизни гораздо больше места чем она. Отчасти это было правдой, и из-

за этого Павел решился на такой кардинальный шаг. Вот эта его затея со сватовством — это был только первый акт. Ещё Павлу предстояло сказать об этом своём решении своим родителям.

— Прошу вас, Полина, если будет получено благословение вашей матушки, станьте моей женой, — Павел стал перед ней на одно колено, протянул букет (и что же, что маленький) и опустил голову в смиренном ожидании.

Именно так он репетировал, именно так он представлял себе эту сцену, после такого отказ невозможен.

Близнецы с восторгом приняли происходящее, запрыгали на месте, хлопая в ладоши: «Тили-тили тесто, жених и невеста!». Их радостный визг вывел мать из ступора.

— Я не знаю... Без отца — не по-людски как-то... Люб он хоть тебе, дочка?

Полина долго не думала:

— Люблю, люблю очень! — и кинулась Пашке на шею, схватив цветы из его руки.

Анна смотрела на них, счастливых и беззаботных, и понимала, что не откажет. В конце концов — это ли не мечта каждой юной девушки? Сама она выскочила за-

муж вообще без благословения отца — Тимофей схлестнулся с ним после отказа так, что шансов на их дальнейшее сближение не было. И ничего — увёз её в Харьков, построил хату, зажили как все. Любились, миловались, детей родили.

— Раз так, то моё слово такое будет...

Молодые вспомнили, что дело ещё не закончено — слово матери неизвестно и тут же встали, словно школяры перед ней, держась за руки.

Близнецы орали всё громче, нагнетая торжественность момента: «Тили-тили тесто, жених и невеста!»

Мать цыкнула на них, те выключились как по команде.

— Я так скажу...

«Хоть бы согласилась, хоть бы согласилась» — Полина про себя повторяла одно и то же.

«Прошу, пожалуйста...» — сверлил её глазами Павел.

— Если любовь ваша настоящая, то всё у вас получится. Если вы оба сейчас были честными и будете честными и дальше, то я только порадуюсь за вас. Благословляю вас...

Поля подскочила от радости и повисла на своём женихе, а тот развёл руки в сто-

роны, чтобы не потерять равновесие. Или стеснялся её обнять при матери.

«Ура!!!» — близнецы включились так же синхронно, как и перед этим замолкли. И с этим победным криком они умчались в другую комнату.

— Вот уж, не ожидала... Только отошла от кройки, а тут такое... — теперь Анна позволила себе отставить в сторону официальный тон.

— Мама, он же меня тоже не предупредил! Вот он весь такой — неожиданный!

— Что же мы в самом-то деле — праздник ведь, а мы так не по-людски, — сказала Анна, — да и без отца — это неправильно.

— Папа не будет против, я уверена! — Полина не сомневалась в том, что отец порадуетя за неё так же, как только что это сделала мама.

— Значит так, молодые. Всё должно быть по-человечески. Свербит у вас, я понимаю, но без отца — никак. Приходи в воскресенье, Павел. Обсудим, поговорим. Тимофей будет иметь очень много вопросов к тебе, так что советую подготовиться, да и с интересом послушаю, как вы жить собираетесь.

Поля поцеловала Пашку в щёку и напутственно ему сказала: «Это всего лишь послезавтра».

И вот отец вечером узнал о визите Полькиного ухажёра, о предложении, обо всём.

Теперь Полина плакала, мать плакала, близнецы плакали, и сам Тимофей, не ожидавший от себя такого взрыва злости, тоже выл.

— Не отдам! — инвалид никак не мог уговориться, — ты мать бросаешь, сестёр, брата, ради кого? Ради первого попавшегося? Это что за любовь такая? За полгода решила всё для себя? Да он сам молодой селезень! Обрюхатит и будешь дома сидеть, пелёнки варить, а он в это время по углам тискать девок других будет!

— Не говори так, папа! Ты не знаешь, ты его не видел!

— Я жизнь видел, я таких на расстоянии чую!

— Не имеешь права! Не имеешь! Ты безжалостный и злой! Как ты можешь так думать?

— Стрекоза! Ты будешь отца учить? Тебе ещё матери помогать нужно! Какая ты жена, какая? — у тебя гроша за душой нет, всё приданое — три подушки и постельное!

— Он меня не за приданое любит, а за то, что я есть!

— И сам он — голытьба салтовская! И семья у них нищая! Где вы жить будете? Харчеваться где собираетесь?

Тимофей не прекращал кричать свои злые речи несмотря на то что дочь уже была вся в слезах. Анна помогла ему, подставив стул, и Тимофей вновь почувствовал себя главой семьи.

— Чем он промышляет? У него есть профессия?

Полина, всхлипывая сказала:

— Он это, как его, при товарище Артёме состоит. Ординарец.

— Это, что, лакей, значит? Ты не могла себе лакея постарше найти, у того хоть бы за душой пара червонцев накопилась!

— Он не лакей! Он ординарец! Он поручения выполняет!

— Лакей и есть! Так у лакея есть хозяин, есть дом, есть кров и жалованье! Что у твоего проходимца есть?

Полина уже рыдала в полный голос и тем более ей было обидно, что мать молчала, сидя рядом. У самой Анны душа рвалась на части между желанием отпустить дочь за счастьем (ей показалось, что было в Пашке нечто, достойное Полины) и правотой мужа.

— У вас с мамой много было, когда ты её привёз в Харьков? Много?

— Не твоё дело! — этот пример ещё больше разжёт ярость старшего Кирсанова.

— Не кричи, близнецы там режут в кровати уже, — Анна нечасто спорила с мужем, когда тот был на взводе, но тут она не выдержала и поддержала дочку:

— Ты ведь таким же сопляком был, когда я тебя полюбила. Юным и самоуверенным, за это и полюбила. Вот теперь история повторяется.

— Не повторяется! Тогда мир был, смуты не было, большевиков не было, тогда я знал, что прокормлю и тебя, и детей! Тогда власть была! А сейчас?! Сейчас что? Не успеют пожить, так его на фронт приберут и моргнуть не успеет как приберут! Ты будешь внуков на себе тащить? Или я со своей культей? У нас вон своих ещё трое есть!

— При чём тут большевики? При чём тут война? Что же, не жить теперь вовсе?

— Заткнись! Заткнись и не мели глупостей! Большевики и все эти революционеры (Тимофей нарочно исковеркал слово, чтобы подчеркнуть презрение к смутьянам) — это шушваль, которая загнала нас

в задницу! Это они царя-батюшку свергли, антихристы! Это из-за них мы голодаем и страдаем, это из-за них заводы не работают, это они бегают с пистолями по городу как окаянные! Ненавижу, твари! Жили спокойно от Паски до Рождества и горя не знали, я тебе пряников мог мешок купить, а что я щас могу? Что? И твой этот селезень? Что он сможет? При Артёме, говоришь, состоит?

Вот такого поворота Полина учесть не могла. Никогда отец вслух не высказывался на эти темы. Самое большое, что он себе позволял — это вспомнить свой короткий поход на запад и выпить чарку-другую за победу, и никогда он ничего до сих пор не говорил о революции. А он ненавидит и людей, её делавших, и всё, что она принесла.

— Это не тот Артём, что носится по заводам да фабрикам и люд рабочий на войну подбивает, а? Не тот ли это беглец, который из австралиев к нам добрался, а? Так я тебе скажу: он это, главный их заводила! Главный их смутьян! Недалеко заслали, надо было на самый север! На самый! Чтоб замёрз, издох там вместе со своей всей братией!

Отец орал так громко и говорил так отчаянно быстро, что шанса вставить хоть одно слово не было ни у кого в этой комнате.

— Ординарец, говоришь? Мало того, что лакей, так ещё и дьяволу этому служит! Их перевешают через год, попомнишь мое слово! Вдовой будешь, дура! — Тимофей стучал культёй по полу в такт своим резким предложениям. — Не бывать этому! Не бывать никогда! Убью обоих!

— Хватит! Хватит! — Полина схватилась за голову и вся в слезах убежала вон из комнаты.

— Эх, пропадёт девка... — Тимофей горестно вздохнул, глядя на жену.

— Дурак ты, Тимофей, ох и дурак! Любит же она его, уж несколько месяцев как... И он её тоже. А ты дурень старый, — туда же ушла и Анна.

Этим вечером Полина собрала свои вещи в узел и дождалась, пока все уснут. Крадучись в темноте, она приоткрыла дверь и шагнула во двор. Очень хлёстко били по лицу порывы февральского ночного ветра. И ещё мокрые снежинки больно кололи кожу, и ещё было очень противно внутри, там, где сердце. Оно билось

с силой большого церковного колокола и могло своим звуком выдать беглянку. По крайней мере ей так казалось. И снег тоже предательски громко хрустел, повторяя её шаги. Уже за калиткой шаг Полины стал увереннее, и она пошла быстрее, почти побежала, придерживая свободной рукой платок, чтобы не сдуло. Идти было недалеко, только боялась одного — примут ли? Шла долго, пробираясь сквозь сугробы. Особенно большие они были в тех местах, где ветер продувал улицу насквозь. Открытые места промёрзшей дороги обнажались льдом, и тут же перед ней выросал намет. Обходила, падала, поднималась, но шла всё быстрее от своего дома.

Дневник. Юзовка

«Выполнил поручение товарища Артёма. Ездил в Юзовку с письмом к товарищу Залмаеву. Дорога измотала, но телеграф не работал и неизвестно, когда его бы починили, а дело не терпело отлагательства. На словах получил поддержку в начинании о создании Республики, которая включала бы в себя все основные промышленные регионы.

Юзовка оставила впечатление двойное. Конечно, это не Харьков и даже не Бахмут, но здесь явно есть перспектива. Обилие рабочих посёлков, часто пронумерованных в соответствии с шахтами, поначалу путает, но в центральной её части всё четко и понятно. Юзовка расчерчена как под линейку в соответствии со сторонами света. Главная улица – Первая линия, а остальные нумеруются от нее.

Много рабочего люда. Торговцев, разных других жителей прочих специальностей, не причастных к жизни завода почти и не видать. Вся жизнь тут происходит вокруг металлургического завода и его гудка. Четыре раза в день он подаёт свой голос и так задаёт весь ритм жизни. По гудку жители ориентируются, который сейчас час. Для приезжего его звук необычен: ты находишься в степи, но слышишь паровой сигнал, местные же не придают этому никакого значения. Гудок – это просто часть их распорядка жизни.

Ночевал в гостинице «Великобритания». В Харькове не много домов с такими высокими потолками. Говорят, это сделали для того, чтобы здание стало самым высоким в Юзовке, хотя, внутри чувству-

ешь себя из-за этой высоты сводов не очень уютно.

Нашел местных пролетариев людьми достаточно энергичными, остроумными и общительными. Возможно, именно тяжелый труд делает их такими. Шахтеров видно издалека – их глаза имеют следы от угольной пыли, такого цвета, как делают наколки. Народ простой и незамысловатый. И выпить не дураки, и подраться могут, но более всего ценят честность и справедливость. На них можно опереться. Они настоящие».

Ремизов

«Мечта моя, любовь моя, моя Полина теперь – моя жена. Я так сильно этого хотел, что почти всё не испортил своим рвением. Она пришла к нам домой ночью, вся в снегу, руки красные, лицо обветренное и побитое метелью, глаза красные, плачет навзрыд.

Я только за ужином рассказал о своём решении, о своём предложении, о том, как чуть было не опозорился, только отец сказал, что не против, и мама пустила слезу и сказала – «Так тому и быть», как в дверь

постучали. Мама пошла открывать и привела с собой вот такую всю заснеженную Полину.

Понять, что произошло, удалось не сразу. Она сначала долго извинялась, потом опять плакала, потом её чаем стали поить, чтобы отогрелась. И вот когда Полина выплакалась, смогла наконец объяснить, что она ушла из дома, ушла от своей семьи. А так как ей идти больше некуда, она пришла к нам, за что третий раз извинилась.

Батя был гордый как капитан корабля, на который прибыло пополнение. Матушка тоже прониклась вся бедой и тут же стала называть её доченькой.

Конечно, постелили нам в разных комнатах, я теперь сплю с отцом, а Полина с мамой.

Свадьба наша была не мещанская, а скорее пролетарская. Никому не сказали, но родители настояли, чтобы мы повенчались. Мать считает, что так надёжней. Новый мир, новые правила, это хорошо, но нужно всё лучшее забрать с собой в новый мир. Чудная она у нас, мамочка.

Чем могли помогли соседи и дядька Степан. Народу нас было не много — человек двадцать. Но больше к нам в дом

и не поместилось бы. Отец всё расстроен, что зимой свадьба, вот если бы летом или осенью — мы бы во дворе подраскидистым виноградом расположились бы и все поместились. А матушка ему сразу и ответила — летом есть будет нечего, с каждым днём всё хуже и хуже, так что нечего ждать. А гостей всех не перегуляешь, отец у нас уж очень гостеприимный.

Поставили стол так, что он переходил из одной комнаты в другую. Соседка баба Варя принесла из своих запасов горячительное. Собственного производства. И крепкое, и настоечку для женщин в достаточном количестве. Раньше не замечал от неё такой щедрости, подозреваю, что или Степан, или отец ей заплатили.

Мать вместе с Полей успели всё поде- лать, да и баба Варя подмогла. Уж тут ей точно никто не платил.

Платье Полинке пошили — спасибо маме! Меня никто не подпускал даже глянуть, после того как портниха приходила мерить, Поля сама не своя была, до конца дня — всё хихикала. Дитё малое, честное слово.

Красавица она у меня! Пусть платье без фатина и жемчугов, но оно белое и Полина в нём царица. Нет, царевна. Пусть даже

сейчас это слово и нельзя, но уж очень красивая!

Отец только расстроен, что сватов нет на свадьбе. Как Поля рассказала, так уж лучше, наверно, и не нужно. Разных мы взглядов на жизнь, а праздник наш портить не пристало. Ни к чему это. Поживём — увидим, со временем сотрётся вся эта неприятная история. Я так думаю. Может быть, дети наши помирят её со своими родителями, увидим.

Очень и очень рад, что товарищ Артём нашёл время и приехал на наш праздник. Совсем недавно он с товарищами добился своего, и была образована Донецко-Криворожская республика. У него забот такое количество, что у меня уже голова дымит, но на этот день мне отпуск дал и ещё и сам приехал. Полина в таком восторге — вот всё-таки видно, что женщина — не выжить из них это никогда!

Артём пришёл уже в середине застолья, но место мы ему предусмотрительно оставили в первых рядах, как говорится.

И вот с улицы, с большой коробкой, весь холодный и в снегу он к нам заходит и зычным голосом своим начинает поздравлять. Ни шапку не снял, ни сапоги, с хо-

ду — пожелания добра, мира, детишек, дома тёплого и большого, а для начала — машина вам швейная. Зингер настоящий! Пелёнки-распашонки сами чтобы шили, излишне не тратились!

Полина вся в радости, она-то шить умеет, у нее мама швея уж сколько лет, а такой техники не имела.

Станину с громадным колесом товарищ Артём предусмотрительно передал дядьке Степану, и теперь любовь моя занята с утра до вечера. Обшивает всю семью свою новую».

Это была одна из тех редких страниц дневника, которые Павел посвятил личным событиям, но так как товарищ Артём принимал в них участие, то Пашка справедливо посчитал, что это тоже часть революционной действительности.

Вся Пашкина жизнь проходила в карусели событий.

— Ремизов. Кузьма Ремизов.

В дверях стоял мужчина, одетый в овчинный тулуп, на голове его была чёрная папаха, какие носили казаки, и он был накрест перепоясан — с одной стороны была кожаная командирская сумка, а с другой стороны висела деревянная кобура, в которой прятался маузер.

Павел был в кабинете для аппарата Совета народных комиссаров один, поэтому не приходилось сомневаться, что обращаются к нему.

— Чем обязан?

Через это помещение в день проходило сотни людей по разным вопросам — от просителей помощи до возмущённых искателей правды, и Павел принял человека с кобурой за одного из них.

— Пока ничем, товарищ Черепанов. Зашёл познакомиться. — Человек снял папаху, тут же резким движением струсил с неё на пол размокшие снежинки и без приглашения сел на стул рядом со столом Павла.

Такая бесцеремонность Черепанова не смутила, таких посетителей за день бывало много. Для себя он разделил их на несколько категорий: нуждающиеся, правдолюбыв и аферисты. Первых и вторых было большинство, и они действительно требовали внимания — одним необходимо было помочь, вторые могли помочь сами, а вот аферисты, хоть и составляли категорическое меньшинство в этом потоке, но тщательно маскировались. Ни один из типажей этому посетителю не подходил,

ни один из типажей никогда не приходил сюда с оружием, пусть даже и личным. Значит, это что-то новое в классификации, которую для себя установил Павел.

— Раз уж пришли, то давайте знакомиться, — ровным голосом ответил ему Черепанов, — раз вы меня знаете, представляться нет смысла. Так чем же обязан?

— Прибыл из Питера по предписанию коллегии ВЧК для помощи харьковским товарищам в борьбе с контрой. Имею к вам интерес, товарищ Черепанов.

О том, что революция должна быть с зубами, Павел знал. О том, что разброд и шатания, спекуляция, анархистские настроения вредны и смертельно опасны для дела построения нового мира, Черепанов тоже был с некоторых пор осведомлён. Не так давно среди ночи пришлось отправиться вместе с товарищем Артёмом в паровозное депо, где была замечена банда мародёрствующих контрреволюционных элементов. Под предлогом национализации вооружённые бандиты решили конфисковать с угольных складов топливо, предназначенное для локомотивов. В условиях жесточайшего дефицита угля и стратегического значения предприятия для города

Артём посчитал нужным лично принять участие в разоружении бандитов.

Пашка был рядом и всем своим видом выражал решительность и смелость, хотя сердце колотилось как ненормальное — первый раз в жизни ему, возможно, пришлось бы выстрелить в человека, револьвер ему выдали в машине. До сих пор стрельба по бутылкам и банкам давалась ему легко. Рука была твёрдой, а глаз — метким, но тут же совсем другое дело! Конечно, два грузовика с рабочими отрядами, двигавшиеся за их автомобилем «Руссо Балт К», придавали уверенности в удачном исходе операции, и Пашка из всех сил уговаривал себя, что он не трус и сможет выстрелить, если понадобится.

Кони, запряжённые в телеги барыг, ослепли от света фар их авто и тревожно заржали.

— Чьих будете, хлопцы? — Артём спешил ещё до того, как авто полностью остановилось.

— Тебе какое дело? Экспроприация! — раздалось из темноты угольного склада. — Больно любопытных сейчас потушим! Не слепи фарами! Мандат есть, что такие вопросы кидаешь?

— А как же, не без этого! Выходи, покажу.

За воротами понимали, что на авто приехать обычный человек не мог, уж больно редко были автомобили на улицах, да и частные владельцы давно или продали, или попрятали их в гаражах. Воры не торопились выходить на свет и явно тянули время. Пашка тоже вышел из машины, и они все втроем — он, Артём и водитель — обошли её сзади, чтобы хоть как-то прикрыться, если из темноты начнут палить, но в полоске света никто не появлялся. В это время дружинники выгрузились с другой стороны депо и фары грузовиков осветили площадку с противоположной стороны. У кого-то не выдержали нервы и началась пальба. Сухие винтовочные выстрелы чередовались с револьверными, и когда внутри склада кто-то заорал: «Ша, мы выходим!», Артём скомандовал: «Отставить стрельбу!».

Из-за ворот показались пятеро коренастых мужиков, которые тащили с собой ещё одного, раненного в ногу. Команды сложить оружие они не получили, так как сами демонстративно выбросили пистолеты впереди себя.

Расхитители были посажены в кузов

грузового автомобиля, их кони с повозками реквизированы в пользу рабочего отряда, а уголь возвращён на место.

С тех пор Павел Черепанов имел револьвер при себе, но совершенно не горел желанием ним пользоваться.

— Оружие имеете — это хорошо! Владаете? — Кузьма Ремизов сразу обратил внимание на факт наличия пистолета.

— В совершенстве! — не смущаясь, парировал Павел. — Давайте к делу.

— Конечно, конечно, — посетитель достал из внутреннего кармана свёрнутый вчетверо листок и передал для ознакомления.

«Всероссийская чрезвычайная комиссия
по борьбе с контрреволюцией и саботажем
при СНК РСФСР

Удостоверение

Предъявитель сего есть действительно Ремизов Кузьма Ильич, откомандированный в Харьковскую губернию для организации и обеспечения дальнейшей работы отдела ВЧК в г. Харькове, что, а также подпись его (далее следовала заковыристая подпись, выполненная пером),

подписями и приложением печати
удостоверяется».

Убедительности документу прибавляла фотография товарища Ремизова в левом нижнем углу, вырезанная в виде овала и также заверенная печатью.

— Можно считать, что знакомство состоялось, — Павел вернул бумагу.

— Вы, Павел Трофимыч, колючий. — Ремизов свернул мандат и тщательно, так, чтобы не помять, положил его в карман. — Я здесь с совершенно определённой целью. Можете считать, что сейчас я занимаюсь «обеспечением дальнейшей работы отдела». Пока один занимаюсь, но задач много, будем привлекать людей.

— Вы пришли меня привлекать? — Павел пока с трудом представлял функции этой новой комиссии, кроме того, что было указано в её названии. Ремизов был первым чекистом, которого Паша видел живьём, — так я занят с утра до вечера, как видите. И задачи свои выполняю в срок и аккуратно. Менять род деятельности не собирался. С чего это вы решили, что я приму ваше предложение?

— Разве я вам что-то успел предложить? — Ремизов достал портсигар и предложил Черепанову папиросу.

— Спасибо, пока не курю.

— Как раз о том, что вы подумали, я просить и не намеревался. Скорее — наоборот. — Кузьма Ильич прикурил и глубоко затянулся. — Вы состоите при товарище Артёме, не так ли?

— Так точно, ординарцем. Повсюду с ним, вот сейчас он в рабочем кабинете, а я здесь.

— Вот-вот. Президиум ВЧК обеспокоен судьбой товарища Артёма. Он для нас — ценный партийный кадр. Таких в партийном резерве единицы. Таких преданных, решительных, самоотверженных, и лишний риск для него совершенно неуместен.

— Чем же он рискует?

— Его смелый выезд на задержание в депо — образец для подражания, но вдруг шальная пуля? И потеряем такого товарища. Это недопустимо.

— Если вы знаете, вся его биография состоит из таких поступков. Слабак не сбежал бы из Сибири через Китай в Австралию, — Павел придвинул пепельницу к Ремизову.

— Вы сейчас только подтверждаете мои слова. Не в его характере отступить или отсиживаться, а его новый пост Председателя

Совета народных комиссаров Донецко-Криворожской республики подразумевает некоторое изменение образа жизни. Кстати, как вы относитесь к новой республике?

— Я как могу относиться к ней, если я работаю во благо? Нет сомнений. Считаю это начинание полезным для Донбасса и рабочего класса.

— В Питере тоже так считают и приветствуют инициативу товарища Артёма, но есть множество тонкостей, которые следует учесть, ну да ладно, мы сейчас можем долго спорить, вернусь к тому, с чего начал. Товарищ Артём и его безопасность. Вы ординарец — от вас много зависит. Постарайтесь в тех случаях, когда есть выбор, уберечь его от опрометчивых поступков.

Павел слушал собеседника и тут же попытался представить себе, как он это будет делать. Да разве Артём станет кого-то слушать? На него повлиять невозможно, это тот человек, который влияет сам.

Ремизов по выражению лица Павла понял все его сомнения.

— Поверьте, от вас очень многое зависит. Через несколько дней у меня в распоряжении появятся люди, на которых можно рассчитывать. Не дело товарища Артё-

ма лично ездить на задержания, уж оставьте это нам и красногвардейцам.

— Не могу обещать, но с вами согласен.

— Замечательно! И ещё — мы располагаемся рядом с вами, я буду захаживать. Посматривайте вокруг. Внешний враг — он осязаем, а внутренний опасен своим коварством. Ваша задача — беречь товарища Артёма. Возлагаем на вас это ответственное поручение.

Гражданская война

В этот раз причиной Пашкиных странствий стала армия Деникина, которая пошла в наступление как раз в их направлении. Цвета флагов над городами Украины тогда менялись с калейдоскопической частотой. Армии двигались только по одним им известным законам, то объединяясь, то опять расходясь по разным направлениям. Это напоминало брожение в поисках какой-то истины, а местное население в большинстве своем уже не понимало, кто прав, кто очень прав, а кто совсем прав. Важно было выжить, выкормить и сберечь детей, и было счастьем, если кормилец возвращался с фронта даже покалеченный. И

ещё — усталость измывалась над мирными людьми. Бесконечная, тоскливая и серая усталость от злости, недоедания, никому не нужных смертей и безвластия.

Такая она — гражданская война, когда правда находится в каждой голове, но таких голов — сотни тысяч и столько же версий правды. И победят необязательно те, у кого больше снарядов и винтовок, а может быть, и те, которые больше верят, которые свою правду берегут. Потом настанет время обращения в свою правду поверженных и равнодушных. Это тоже борьба, только не такая явная, не такая кровавопрлитная, но от этого не менее важная. Все гражданские войны одинаковы. Все они длятся до тех пор, пока одна из сторон не найдёт большей поддержки у мирного населения. Его голос в итоге окажется решающим. С такими мыслями Павел Черепанов уже какой день трясся в телеге в окружении отступающих красноармейцев.

С красноармейскими обозами Пашка, товарищ Артём и его супруга Елизавета оказались в Сумах.

Уже привыкший к своему месту в жизни их семьи, Павел был вправе считать

себя её членом, и когда Фёдор Андреевич впал в лихорадку, Пашка не на шутку встревожился, тем более что Елизавета не имела никакого представления о том, что нужно делать.

Пашка нашёл дом, где они смогли устроиться на ночлег, а как потом оказалось — на долгий постой до выздоровления Артёма, затем среди ночи отыскал доктора и притащил его туда.

Поверхностный осмотр показал, что больному нужна срочная госпитализация и карантин — специфическая сыпь, температура и бред указывали на то, что это заражение сыпным тифом. Обоз, долгая дорога и вши — самый коварный враг всех армий — сделали своё дело.

Черепанов взял инициативу в свои руки:

— Елизавета Львовна, от тифа умирают, если не лечить, а доктор — вот он, больница — вот она, и быть такого не может, чтобы такой сильный и духом и телом человек, как Фёдор Андреевич, сдался и помер такой простецкой, можно сказать, случайной смертью. Нет, это не его судьба, жить он будет ещё долго и сделает много полезного.

— Ой, Пашка... Да, сильный он, но боюсь я всё равно... Потерять боюсь.

Следующие дни Артём провёл в бреду, редко приходя в сознание. Горячка почти лишила его сил, ему давали только воду, какие-то микстуры и следили за ходом течения болезни. Лизе и Черепанову позволили ухаживать за больным, потому как теперь опасности заразиться не было. Одежду Артёма сожгли, Пашка нашёл на первое время для больницы новую, а свою они тщательно обработали.

У Павла Черепанова было необычно много времени для того, чтобы осмыслить череду событий, произошедших за последний год, а он прошёл так бурно, будто Павел попал в шторм. Новые знакомства, впечатления, знания, постоянные переезды — это можно было бы считать интересным и увлекательным образом жизни, если бы не война.

Центральная Рада заключила мир с Германией и Австро-Венгрией и теперь с запада по территории Украины продвигались австро-германские войска. Первого марта они были уже в Киеве и продолжили беспрепятственно двигаться на восток. Их целью были Харьков и Донбасс. Не успев

родиться, Донецко-Криворожская республика попала под удар. В спешном порядке начала организовываться армия, но удалось собрать чуть более восьми тысяч штыков, что, конечно, никак не могло остановить дальнейшее продвижение немцев.

В середине месяца, когда уже окончательно стали понятны намерения австро-германских войск, Пашка стал свидетелем того, как Совет народных комиссаров стал перед трудным выбором: биться до конца или предпринять меры для сохранения заводов и фабрик. Мнения были диаметрально противоположными — от «взорвать всё к чёртовой матери, чтобы им ничего не досталось» и до «мы ещё вернёмся и было бы глупо сейчас всё разрушать». В результате было принято компромиссное решение об эвакуации всех возможных средств производства и квалифицированного персонала.

Артём тогда громко хлопнул дверью и скомандовал Пашке:

— Бери перо, пиши!

Под рукой не оказалось полноценного листа бумаги, лишь какой-то порванный пополам лист. Ординарец, несмотря на взвинченный тон товарища Сергеева, ста-

рался сохранять спокойствие, придвинул чернильницу и всем своим видом обратился во внимание.

Артём ходил по кабинету большими шагами, гулко стуча сапогами.

— Главнокомандующему австро-германских войск генералу Герману фон Эйхгорну.

Пашка быстро окунул перо в чернильницу и стал писать дальше под диктовку.

— Продвижение австро-германских войск на территорию Донецко-Криворожской республики является прямой угрозой суверенитету нашего государства, которое не имеет решительно никакого отношения к Украинской Народной Республике и будет расценено как военное вторжение. Настоящим сообщаем, что появление подчинённых вам войск в пределах территории Донецко-Криворожской Республики будет равноценно объявлению войны.

Пашка почти дописал, но остановился:

— Фёдор Андреевич, так, а кто кому войну объявит? Они нам? Немцы за этим сюда пришли, да ещё и по мирному договору. Давайте так: «в случае продолжения наступления подчинённых вам воинских соединений ДКР будет считать себя в со-

стоянии войны с Германией, о чём посредством вас ставим в известность императора Германии Вильгельма».

— Подходит. Молодца. — Артём одобрил Пашкину правку и прочёл то, что он написал.

— Штамп есть?

— Так точно. — Пашка шлёпнул на бумагу фиолетовый штамп канцелярии и подвинул ультиматум для подписи.

— Видишь, какие времена, Павел, не до церемоний! — продолжал вещать товарищ Артём. — Ультиматумы на клочках бумаги ваяем, подписываем на коленке, ну ничего, будет ещё наше время...

Конечно, Павел тоже понимал, что в такой форме подобные вещи не делаются, но ведь и дипломатической миссии Республика тоже не имеет, и, в конце концов, главное здесь не форма, а суть: мы будем биться и лёгкой прогулки у вас, господа Гансы, здесь не получится.

Ремизов периодически наведывался к Черепанову и совершенно не всегда ему удавалось Павла застать на месте. Так как ординарец должен неотлучно находиться при своем командире, то Павел Черепанов принимал деятельное участие в работе эва-

кокомиссии, главой которой был товарищ Артём. Дни напролёт они носились между фабриками, заводами, учреждениями и железной дорогой. Вагоны были в большом дефиците, как и паровозы, и не единожды Черепанов был свидетелем того, каких усилий стоило выполнить поставленную задачу. Люди работали почти непрерывно, ночуя на местах, да и сами они не единожды спали в кабинете на стульях.

Кузьма Ильич появлялся в самый неподходящий момент и всегда старался разговаривать с Павлом тет-а-тет, из чего Черепанов сделал вывод, что Ремизов имеет на него какие-то свои планы.

— Павел Трофимович, как успехи? — услышал сзади знакомый голос Пашка.

— Справляемся, как видите! — ответ был кратким и вполоборота, Пашка сверял текст приказа со своими черновиками.

— На таких, как вы, революция держится. Не люди — кремень! — Ремизов попытался обратить на себя внимание ординарца.

— Кузьма Ильич, чего это вы сегодня такой торжественный? У нас митинг?

— Да... Недосып дает о себе знать.

— У меня очень мало времени, нам нуж-

но сейчас с товарищем Артёмом уезжать, нельзя ли кратко и по сути?

Конечно, Ремизова, как старшего по званию и по возрасту, покоробил такой резкий ответ, но он не подал виду.

— Нам известна позиция товарища Артёма по автономии Республики и, зная его довольно резкий характер и способность к решительным действиям, шагам, так сказать... — Ремизов достал папиросу.

— У нас здесь уговор — не курить. — Павел знал склонность Кузьмы Ильича заходить к сути издалека и постарался обрубить его длинный монолог. — Давайте к теме сразу!

Ремизов спрятал папиросу в довольно дорогой портсигар и продолжил:

— Так вот, зная эти его стороны, мы хотели бы предостеречь товарища Артёма от необдуманных шагов.

— Предостерегайте. Я тут при чём? — Павел начинал уже откровенно злиться.

— Для того, чтобы предостеречь, нужно знать от чего, а вы с ним днём и ночью. Мы не можем влиять на принятие решения в ходе какой-нибудь дискуссии товарищей, но с вашей помощью предостеречь — это в наших силах.

— Послушайте, Ремизов! Я никого предостерегать не буду.

— А от вас этого и не требуется. О всех скользких моментах отношений товарища Артёма и товарищей в Питере вы и так информированы, если по вашему мнению собирается гроза — успейте мне об этом сообщить.

— Раньше такая работа называлась — провокатор на службе охраны.

— Вы молоды и горячи, так же как и ваш руководитель, я сделаю на это скидку, но выражения все же выбирайте! — Ремизов уже сам находился на взводе.

— Кузьма Ильич, мы говорили о том, что моя функция — предостеречь товарища Артёма от непродуманных и отчаянных шагов, которые могли бы угрожать его личной безопасности и здоровью. Не более. Если вы рассчитывали найти во мне стукача, то ставка неправильная. И оставим эту тему без дальнейшего рассмотрения. Курить идите на улицу.

— Рассчитывал, да, но не стукача, а единомышленника в нашем общем деле. Вижу, что ошибся в вас.

— Не смею задерживать. — Подчёркнуто официально закончил Павел и стал собирать бумаги.

Об этом их разговоре с чекистом Пашка тогда не стал рассказывать Артёму — это было ниже его достоинства. Жаловаться было не на что, а в том, что он отказался быть информатором, не было ничего странного.

Немцы таки зашли в Харьков, но нашли многие цеха и паровозные депо пустыми. И война, которую товарищ Артём объявил кайзеру, по сути своей, оказалась проигранной. Уж слишком были неравны силы и самое главное — судьбу этой интервенции невозможно было решить ни из Харькова, ни из Луганска.

— Ну как тут наш больной? — спросил доктор, не вынимая левой руки из кармана халата. Если бы не пенсне и чистый русский говор, то его вполне можно было бы принять за кавказца — крупный нос и чёрные, смоляные, вьющиеся волосы создавали такое первое впечатление.

— Температурит... — Лиза внимательно смотрела на врача, который сейчас был для неё олицетворением всех высших сил.

— Не волнуйтесь, душечка. Не волнуйтесь. Вы вовремя оказались в нашем госпитале. Ничего критического, болезнь протекает, как и положено. Ещё парутройку дней это будет продолжаться. Но

с таким уходом, какой за товарищем Сергеевым, я уверен, он быстро пойдёт на поправку. — Это был комплимент в сторону Лизы, которая, как только ей позволили, от мужа не отходила и ночевала рядом на стуле.

Пашка смотрел на доктора и живо представил себе, как тот разговаривает с кавказским акцентом и казалось, что вот сейчас достанет откуда-нибудь спички и станет раскуривать трубку. Как Коба тогда, в вагоне. Да, судьба свела Черепанова со многими яркими личностями, но образ Сталина отложился у него в памяти отдельной строкой.

Когда они в начале лета оказались под Царицыном, судьба закинула его в штабной вагон, где он стал свидетелем встречи давних знакомых.

— Ай, вай! Генацвале! — усач, который на правах хозяина занимал единственный письменный стол, встал, снял фуражку и обнял гостя.

— Коба, а ты начал седеть! — Артём, не отпуская Сталина, оглядел его виски.

— Слушай, седеть или сидеть? — искренне рассмеялся кавказец. — Если ты меня за столом застал, так это не значит, что я штаны протираю!

— Зная твой темперамент, в этом сомневаться не приходится.

— Садись лучше ты, дорогой! — Сталин указал на свободное место на диване. Что, ты драпал из Харькова?

— Приняли решение оставить город, ушли в Луганск.

— Понимаю, решение здоровое. Нужно собраться с силами и вернуться, а у нас не то что штыков, у нас хлеба не хватает для рабочих, которые эти штыки куют. Наверное, не все достаточно хорошо работают, если где-то хлеб есть, а в Москве его нет. Вот, прибыл навести порядок в этом вопросе. Продовольственная мобилизация.

— Товарищ Народный комиссар по делам национальностей занимается продовольствием? — Артём искренне удивился.

— А ты, что, на грузчика в Австралии учился? Или на наборщика газет, а? — Сталин хитро улыбнулся. — Сейчас стоит такая задача, нужно будет воевать, товарищ Нарком по делам национальностей сможет воевать.

— Понимаю, понимаю...

— Слушай, как твоего мальчика зовут? — Сталин кивнул в сторону Пашки.

— Павлом его величать.

— Павел, а ну-ка, завари нам чайку. И себе. Кипяток в чайнике. Ему можно доверять?

— Как мне. Парень молодой, но из нашего племени. Ординарец.

Сталин продолжил:

— Ты говоришь, продовольствием приходится заниматься? Да тут, куда ни глянь, есть чем заниматься. — Сталин раскурил трубку. — Товарищ Троцкий отдал Красную Армию на откуп белогвардейским генералам. Где это видано, Том? Этот Снесарев носит генеральскую форму с погонами! А Троцкий ему доверил округ! Мы для них грязь, подковёрная пыль, понимаешь, а они образованные и белая кость.

— Но Снесарев же дал присягу.

— Что это меняет, Том? Он царю тоже присягу давал, так какой присяге он верен? Первой или второй?

— Человек от станка не сможет управлять полками, ты же понимаешь. У нас жесточайший дефицит кадровых военных. Погибнуть самому и загнать в гроб за собой ещё один полк — много ума не надо, а вот победить с минимальными потерями — это нужно знания иметь. Ильич тоже так считает, так что ты не горячись.

— Товарищ Нарком по нацвопросам, что, знания имеет? — эмоционально ответил Сталин. — Товарищ Нарком академий не заканчивал, но приехал сюда за пшеницей и видит саботаж. Что, ты бы молчал, а? Не-е-е-т... Ты бы ругался! И я ругаюсь! Слюнтяи все считают, сколько штыков на нас идёт в то время, когда окопы рыть нужно. Троцкий развесил свои уши и верит, всё ездит на своём бронепоезде. Слушай, а может, она это всё и организовал, а?

Пашка давно заварил чай, но никак не решался его принести, потому что в другом конце вагона беседа приобретала уж очень эмоциональную окраску.

— Так ты, Иосиф, договоришься до того, что и я предатель...

— Ты? Не-е-е-т. Ты, Том, дулю в кармане не держишь! А Лев Давидович держит. Ты говоришь и со мной, и на митинге одно и то же. Я тебе верю. А Лев Давидович сначала выступает с трибуны так, что у него самого и у всех коней в дивизии волосы дыбом встают, а потом пишет кляузы, что Ворошилов — безответственный простак и бездарный полководец. Понимаешь, Том? Это наш Клим, который сюда прорвался с рабочими отрядами!

— Ну, в отваге и таланте Клима сомневаться не приходится, тут он, конечно, перегнул. Я-то знаю, сколько вёрст вместе с Ворошиловым по фронтам пропылили...

— Так вот и я уверен. Военспецы не могут командовать. Пусть советуют, а мы взвесим всё, проверим и сами сделаем.

При выходе из вагона Артём похлопал Пашку по спине:

— Видал, как истина рождается? В споре.

— Ох, и горячий этот ваш товарищ Нарком по делам национальностей. — Пашка до сих пор не был уверен в том, что правильно сделал, что остался в вагоне.

— Горячий, но справедливый. Решительный тоже. И не любит, когда с ним спорят. Вот молчит, а потом если начнёт доказывать что-то — не отступит никогда, даже если не прав. Таких, как он, немного, но они очень нужны. Видишь — за всё берётся.

Эту истину — что нужно уметь всё, что тебе поручают, а может, и ещё немного больше, Пашка тогда усвоил твёрдо. Северный Кавказ и Украина, опять Бахмут — везде они занимались разной работой — от обеспечения армий и до подготовки восстания. Казалось, уже остановились в

ставшем родным для Черепанова Донбас-се, появилась мирная административная работа — Артём был избран председателем Донецкого губкома, как снова всё сломалось, и пушки помешали Пашке забрать к себе Полину. Для молодожёнов такая долгая разлука была невыносима.

Фёдор Андреевич пришёл в себя, горячка почти спала, и Лиза тоже успокоилась. Всё происходило так, как прогнозировал врач, похожий на грузина.

— Доктор говорит, долго жить буду. — Сухими губами прошептал Артём, который после нескольких дней изнурительной борьбы с болезнью был сам на себя не похож.

— Ох, и напугал ты, Фёдор! — Елизавета искренне радовалась тому, что наконец-то могла удостовериться, что самая большая опасность уже позади.

— Да ладно вам! Пойдём на поправку.

Лиза встала, намочила компресс, положила мужу на лоб и вышла переговорить с доктором.

— Фёдор Андреич, может, не к месту, но я должен спросить. — Павел жалел, что не задал этот вопрос ещё в обозе, когда была возможность поговорить.

— Ленин подписал указ о ликвидации Республики. Это что получается, всё было даром? Он, что, с самого начала был против?

— Ну, нашёл ты время, браток, для лекций...

— Вы простите, но столько сил, столько времени, и что теперь?

— Да, Пашка, Ленин был против. Почему у нас получилось? Потому что делали, а не спрашивали. Получилось ли? Не нам судить. Наверно, не всё. Но это не значит, что нужно руки опускать, что это ты захандрил? Разве важно, как республика называется? Всё ещё впереди — и работа, и борьба.

Дверь палаты открылась:

— Всё, всё... Уж никак не наговоритесь. Ещё успеете, мне укол надо поставить. — Медсестричка убедительно показала Пашке глазами на дверь и поставила на тумбочку свою кювету со шприцами.

Катастрофа

Тула изнывала от жары. Солнце ещё не достало до той стороны вокзала, которая выходила на перрон, поэтому все участни-

ки торжественной встречи аэровагона прятались в падающей тени здания.

Делегация от Российского коммунистического союза молодёжи состояла в основном из девушек приятной наружности, одетых в одинаковые кофточки с матросским вырезом и синим бантом впереди. Несколько молодых людей, одетых тоже по случаю праздника в одинаковые рубашки и светлые брюки, переминались с ноги на ногу, опираясь на древки транспарантов «Приветствуем делегатов Третьего Конгресса Коммунистического интернационала!», за что постоянно получали от своего старшего — «Стань ровно, не позорься!». Тут же, на перроне, среди множества прочих встречающих делегаций, руководителей разного ранга и просто любопытствующих зевак чинно беседовали между собой железнодорожники, обсуждая то, чего ещё не видели. Устройство аэровагона вызывало у спецов неподдельный интерес — чего же в нём больше, вагона или, собственно, «аэро»? Ещё одним предметом спора был вопрос о том, почему первый рейс этого агрегата был назначен именно в Тулу: из-за того, что их участок пути образцовый и имеет самый низкий коэффициент

аварийности, или по причине наличия красивого здания вокзала? Мнения разделились, но спорить никто особо не хотел — и сам вокзал был гордостью туляков, и железнодорожный узел, который находился в их ведении, считался одним из лучших на Московской дороге.

Тяжелее всего было оркестрантам. Одетые в белую парадную форму, они стояли в две шеренги возле центрального входа, готовые в любой момент дать марш. Тут же, прямо возле здания вокзала, была сколочена невысокая сцена с перилами, щедро украшенная хвойными гирляндами и красными лентами.

Вокзальные грузчики могли бы коротать время в своей прохладной каптёрке, благо здание вокзала было каменным, с толстыми стенами и сейчас внутри было спасение от зноя, но любопытство брало верх: ради прибытия какого-то чуда техники изменили расписание поездов, что само по себе было невозможно в принципе — расписание на железной дороге, это как устав у военных. Его необходимо знать наизусть, свято соблюдать и чтить. Каждый знает, что он должен делать в любую минуту, — от машиниста локомотива до

грузчика, иначе сложный железнодорожный механизм даст сбой, а за это можно поплатиться как минимум работой, а как максимум — свободой. Однако расписание на сегодня, 24 июля, было изменено по случаю такого неординарного события — в Тулу с испытательным рейсом прибывал аэровагон из Москвы, на борту которого (или в вагоне которого) находились делегаты конгрессов Коминтерна и Профинтерна, сам изобретатель этого чуда техники — Валериан Абаковский и товарищ Артём.

Павел Черепанов ещё раз обошёл весь перрон вместе с начальником вокзала, желая убедиться в том, что всё готово и идёт согласно плану. Он прибыл сюда вчера поездом Москва—Харьков для осмотра и проверки готовности приёма высокой делегации. Начальник нервно и часто посматривал то на свои часы, то на вокзальные. До прибытия оставалось несколько минут.

Семафоры были установлены в положение «путь открыт», сам первый путь был свободен, на перроне тульского вокзала многочисленные встречающие услышали звук, совершенно незнакомый этим местам. Такой звук слышали только те, кому

посчастливилось видеть самолёты. Это был гул авиационного двигателя. Ни дыма, ни свиста пара, ни специфичного звука паровозного привода — только равномерный гул, снижающийся в своём тоне по мере приближения аэровагона. Такой звук издаёт самолёт при уменьшении оборотов двигателя.

Дирижёр тут же занял место спиной к перрону и лицом к оркестру, но всё равно краем глаза поглядывал в ту сторону, откуда слышался шум. Члены молодёжного коммунистического союза развернули транспаранты, девушки с искренним интересом тоже выглядывали, что же сейчас придет? Все встречающие повернули головы туда же.

Гул нарастал, меняясь в тональности, и на железнодорожном пути появился агрегат, движимый авиационным двигателем. На перроне его появление было встречено искренними возгласами восторга и бравурным маршем в исполнении военного оркестра.

Двухлопастный винт перестал вращаться в тот момент, когда вагон медленным ходом подошёл к платформе и дальше, уже не издавая такого шума, накатом, плавно

сбавляя ход, прибыл к месту назначения — прямо напротив трибуны.

Вагон своим внешним видом отчасти не оправдал ожиданий железнодорожников. Чудо техники действительно было установлено на шасси вагона, но имело меньшие размеры. В тупик профессионалов поставило отсутствие каких-либо окон, позволявших увидеть путь впереди. Абаковский, когда заводил аэровагон на путь, высунулся из бокового окна почти по пояс, и это сразу же бросилось в глаза специалистам. Клиновидный нос, следующий сразу за пропеллером, напоминал корабельный — острый, агрессивный, предназначенный для рассечения потоков воздуха. С вагоном агрегат имел мало общего — разве что дверь и три окна стандартного размера, а первое же окно было необычайно большим.

Начальник вокзала подбежал к двери, чтобы её открыть, но не успел. Дверь открылась внутрь и товарищ Артём вышел на перрон, отвечая на приветствия встречающих искренней улыбкой и поднятой вверх рукой. Вместе с делегатами он прошёл к трибуне и, дождавшись, пока последний из его попутчиков тоже поднялся,

жестом руки попросил оркестр завершить марш.

— Товарищи! Дорогие туляки! Перед вами пример того, как инженерная мысль служит на благо народа, на благо пролетариата! — перрон взорвался аплодисментами, — конечно, аэровагон — это было зрелище, но ведь сам товарищ Артём в нём прибыл!

— Благодаря таланту и настойчивости конструктора Абаковского материализовалась техническая идея, которая позволит забыть о громадных расстояниях в нашей стране! — сам герой скромно остался в вагоне ввиду необходимости проведения регламентных процедур.

— Новейшее изобретение товарища Абаковского развивает скорость до ста сорока километров в час! — присутствующие ещё раз перебили оратора аплодисментами.

Павел в это время находился в сторонке, рядом с трибуной. Эта поездка не доставляла ему удовольствия, потому как он должен был впервые находиться в разных местах с Фёдором Андреевичем. До сих пор, на протяжении трёх лет, он был рядом каждый день. Не одну тысячу километров намотали они по фронтам и городам. Орди-

нарец не вправе оставить своего начальника. Потому пережил Павел вместе с товарищем Артёмом и эвакуацию из Харькова, и оборону Царицына, и многочисленные поездки в Москву и Петроград. Бои с Деникиным, тиф, Башкирия — на это время пришлось оставить Полину в Харькове — и разлука давалась Паше очень тяжело.

В этот раз Фёдор Андреевич сам отдал Черепанову распоряжение отбыть в Тулу. И не потерпел возражений.

— Ух, и агрегат, здравствуй, Паша! — Сергеев был сам впечатлён необычным решением Абаковского и очень доволен тем, как прошло путешествие из Москвы в Тулу, — Домчал как ветер! Внутри сидишь — полное ощущение, что в самолете! Ревёт как зверь!

Товарищ Артём был в восторге ещё и потому, что первыми пассажирами аэровагона стали товарищи — делегаты, соратники из Европы. Знай наших! Воевали несколько лет против внешних врагов и внутренних, жили впроголодь, но победили, страну удержали и теперь созидаем! Езжайте домой, товарищи, расскажите, какие у большевиков конструкторы, какие машины у них уже есть!

— Тебе, Паша, будет поручение. После встречи с горняками нужно забрать резолюцию, потом заехать в горный профсоюз и забрать бумаги для Конгресса. Там недалеко, но мы сразу в Москву отправляемся, так что, считай, тебе отпуск на день — завтра вернёшься. А потом попрошу тебя проработать кое-какие материалы. Не так давно у меня состоялся пренеприятный разговор со Сталиным.

— Исполним в лучшем виде! — Паша в шутку отдал честь Артёму.

— Сколько раз тебе говорить — к пустой голове не прикладывай! — рассмеялся товарищ Сергеев.

Встреча с шахтёрами Тулы продлилась не долго, но продуктивно. В конечном счёте все понимали, что основной целью была не сама встреча, а испытания необычного транспортного средства и его представление перед делегатами Конгресса.

По прибытии делегации на железнодорожный вокзал аэровагон был уже развёрнут в сторону Москвы. Фотограф в спешке перебрался на соседнюю платформу, чтобы издали запечатлеть исторический момент: делегаты, товарищ Артём и тульский пролетариат на фоне чуда техники. Он громко скомандовал выстроиться всем

на фоне вагона, две женщины заняли места на стульях, которые предусмотрительно были принесены из здания вокзала, и спрятался под тёмной материей, нагнувшись над треногой. История отпечаталась на фотопластине, и под звуки того же оркестра и восхищённой публики Абаковский завёл двигатель. Винт завертелся с бешеной скоростью, создавая позади себя на перроне сильное движение воздуха. Форсаж — и у кого-то сдуло кепку, а барышни едва успели усмирить подвижные создаваемым сквозняком юбочки. Чудо техники отправилось в обратный путь, оставив после себя на перроне ошарашенных грохотом железнодорожников, членов союза молодёжи, оркестр, грузчиков, прочих зевак и любопытствующих и Павла Черепанова.

Изнутри аэровагон имел вид довольно аскетичный. В носовой части располагался пост управления с полным набором стрелочных приборов, какие обычно перед собой видят авиаторы, несколько рычагов, позволявших управлять жизнью двигателя, и ещё один большой рычаг, который приводил в действие тормозные колодки. Пилот — а именно так нужно было бы

именовать машиниста этого транспортного средства — имел возможность присесть в пути следования на металлическое кресло, расположенное ближе к правому борту. Салон облагородить не успели, поэтому были видны заклёпки. В остальном аэровагон напоминал трамвай: фанерные стены, дощатый пол, сиденья для пассажиров, установленные попарно с обеих сторон, поручни возле дверей выхода, плафоны освещения под потолком.

Почти два года Валериан Абаковский — молодой тамбовский механик — собирал своё детище. Достать двигатель ему помогли в ЧК, где он работал водителем, здраво рассудив, что молодой инженер талантлив и ему нужно помочь, помогли и с мастерскими. Правда, процесс строительства держали под постоянным контролем и не афишировали — а вдруг вражеские негодники положат глаз на перспективное изобретение? Редко когда Валериан прибегал к посторонней помощи — только в тех случаях, когда сам не мог осилить ввиду тяжести процессов. Сам выкатывал дрезину с установленным уже на ней двигателем для обкатки мотора, сам рыскал в поисках дюралевых авиационных листов,

клепал их, подбирал самые лёгкие, но прочные детали, отбраковывал их в целях уменьшения веса и сам обкатывал. Конечно, с ним в вагоне присутствовали и инженеры, и чекисты, но никогда и никому он не передавал рычаги управления.

— Зверь прожорливый? — Сергеев подошёл к машинисту-пилоту Абаковскому, но тот не сразу его услышал. Разговаривать в салоне было невозможно, хотя Валериан озаботился этой проблемой, но пока решить не смог. Требовалось отделить салон от машинного отделения, что неизбежно привело бы к увеличению веса агрегата и изменению его центра тяжести, который и так был смещён вперёд. И ещё — либо меньше топлива в дорогу, либо меньше пассажиров. Вопросы комфорта на первом плане пока не стояли, сначала нужно было убедиться в надёжности конструкции. Только после того как Валериан проделал на своём изделии более трёх тысяч километров, он получил добро на этот показательный рейс.

— Чем кормишь? — в этот раз Артём почти кричал на ухо Абаковскому.

— Керосин! Авиационный керосин!

— Недорого выходит покататься? —

каждый раз Артём, чтобы услышать ответ, поворачивался к Валериану ухом.

— В расчёте на километр пути — гораздо дешевле чем паровозная тяга. Так и быстрее же!

— Точно, точно! Ты эту дорогу знаешь хорошо?

— Да, так точно! Впереди Серпухов!

— Есть здесь место, чтобы разогнаться? Давай проверим гостей на крепость?

— Сделаем! — и Валериан дал форсаж.

Вагон начал быстро ускоряться и восторженные пассажиры показывали товарищу Артёму жестами, что агрегат мощный.

Девяносто, девяносто пять, сто, сто десять километров в час... Телеграфные столбы мелькали за окном с такой скоростью, какой ещё никто из них до сих пор не ощущал. Это был восторг, смешанный с некоторым чувством страха, — аэровагон двигался быстрее любого поезда, и всё это напоминало аттракцион.

— Всё, больше не могу! Впереди изгиб пути! — Абаковский стал плавно снижать скорость, используя обороты двигателя.

— И этого достаточно! Молодец! — Артём в знак благодарности похлопал конструктора по плечу и направился к своему месту.

Сто, девяносто, восемьдесят пять километров в час. Аэровагон плавно вошёл в изгиб дороги, которая в этом месте была проложена между холмами.

Страшной силы удар потряс машину, и она одним бортом накренилась так, что сошла с рельс в кювет. Вместо чудо-машины в кювете теперь лежала коробка без колёс с погнутыми винтами впереди, двигатель которой тут же захлебнулся и заглох, подавившись пылью, которая облаком накрыла место крушения.

24 июля 1921 г.

Председателю Совета
народных комиссаров РСФСР
Ленину В. И.

Сегодня, 24 июля 1921 года, в 18:30 на 104 версте Курской дороги потерпел крушение экспериментальный аэровагон конструкции В. Абаковского, который следовал по маршруту Москва—Тула—Москва. В вагоне находились 21 пассажир и сам Абаковский. На данный момент установлено, что в результате аварии погибло шесть человек, в том числе Председатель ЦК Всероссийского союза горнорабочих, член ВЦИК Сергеев Фёдор Андреевич, Абаковский

Валериан Иванович, а также четыре делегата Коминтерна: Отто Струнат (Германия), Гельбрих (Германия), Хсоолет (Англия), Константинов Иван (Болгария). Ранены ещё шесть пассажиров. Причина схода с рельс аэровагона устанавливается, на место для выяснения причин происшествия прибыли сотрудники ВЧК, уполномоченные для ведения дознания.

Председатель ВЧК
Дзержинский Ф. Э.

Кто предатель?

Голова гудела как Царь-колокол, пить хотелось так, будто шёл по пустыне несколько дней, но даже если бы сейчас и нашлось несколько капель, он не смог бы раскрыть рта, чтобы принять желанную жидкость. Пальцы, руки, ноги, рёбра — сплошная боль.

Мозг думал только о боли, он пытался её унять, справиться, но её было так много, что мозг таки сдался. Отключка.

Лязг замков. Где я? Ах, да... Подали кружку воды. Пока подносил к лицу, расплескал большую часть. Руки не слушаются. Глоток. Ещё глоток. Пей, пей! Дадут ли ещё? Пей впрок!

Глаза резанул свет. Идти не могу. Тащат. Лампы, лампы, лампы... тащат лицом вверх, видно только потолок.

Кинули на пол. От удара затылком потемнело в глазах. Или потушили свет? Нет. Вот она, лампа. Настольная. На улице жара, а здесь прохладно. Сколько я здесь? Лето закончилось?

Замки. Опять лязг засова. Шаги. Шелест бумаг.

— Так и будешь валяться, Черепанов?

Не отвечать. За любой ответ бьют. Когда молчишь, бьют меньше.

— Дежурный!

Лязг, шаги. Опять...

— Поднимите его так, чтобы я видел.

Хорошо хоть не за голову, оторвал бы наверняка.

— Пить хочешь?

Кивнул. Говорить ничего нельзя. Будут бить за любое слово.

Льётся вода. Это стакан, это не кружка. В подстаканнике, для чая. Какой же он неудобный. Взял двумя руками. Так не пролью. Зубы стучат о стекло. Двух верхних, похоже, нет.

— Вернёмся к нашей теме, — дознаватель взял перо и придвинул чернильницу.

— Ты должен был ехать в вагоне назад, в Москву. Так?

Кивнул.

— Кто тебя надоумил остаться в Туле?

— Ннн.

— Громче! Не слышу!

— Нннникто.

— Это что ж за фамилия такая? Никто?

— Ещё раз спрашиваю, почему ты не сел в вагон?

— Приказ.

— Чей приказ? Чей?

— Товарища Артёма.

— Решил поиграться? Товарищ Артём погиб, он этого не подтвердит, а то, что ты, твердолобый, обязан был обеспечивать его личную безопасность и нарушил все возможные циркуляры и инструкции, это как понимать? Ты оставил пост!

Киваю головой. Виноват.

— Кто приказал оставить пост?

Молчать. Всё равно не поверят. Пока молчишь — не бьют.

— Мне проще всего, Черепанов, в расход тебя пустить. Вина твоя доказана, контра поганая! Ты знал, что пути завалят камнями!

Бьют. Сильно. Боли нет. Голова летает в стороны.

Облили водой. Пью. Солёная.

— Твои подельники сознались! На тебя указали! Кто за тобой? Кто организатор?

Я не знаю. Я не знаю что сказать. Бьют.

— Не перестарайся, он уже как куль с дерьмом.

— Когда ты встречался с военкомом Троцким?

Качаю головой — нет.

— Дурачина ты, об их вражде известно всем. Товарищ Артём выполнял личный приказ Владимира Ильича о горной промышленности, ты не знал об этом, гнида?

Качаю головой — да.

— А то, что Троцкий почуял опасность, ты тоже знал? Он говорил тебе об этом?

Качаю головой — нет.

— Так, значит, ты с ним встречался...

— Нет. Нет...

— Заговорил, собака бешеная. Хоть звук издал. Дежурный — свободен!

Бить не будут пока. Этот сам не марается.

— Почему ты остался в Туле? Ты знал, что будет катастрофа! Так?

— Начальник...

— Слушаю.

— Начальник вокзала.

— Какой начальник вокзала?

— Толстый. Тула.

— И он с тобой? Отлично! Эта тварь с тобой в деле? Он руководил или помогал тебе?

Киваю головой — нет.

— Твой связной?

Боже, какой связной? Как же тяжело говорить!

— Рядом был.

— С кем рядом? Что ты мне голову морочишь?

— Артём послал за документами. В Москву разрешил завтра. Начальник вокзала слышал.

— Спросим, что он слышал, обязательно спросим! Начальника дистанции пути уже спросили!

Хроничев — тот самый начальник дистанции был взят под арест прямо на месте крушения. Морально он был уже готов к ответственности, но не предполагал, что будет сразу арест.

На допросе в Тульской ЧК, куда его привезли прямо из дома, Хроничев показал, что перед рейсом аэровагона обходчики пути прошли всю его дистанцию на дрезине и не обнаружили никаких не-

нормальностей. Всё было согласно регламенту, однако когда они прибыли на место аварии, то, кроме покорёженного вагона и трупов людей, на колее были обнаружены камни неизвестного происхождения.

Вдоль дороги не было ни обрывов, ни каких-либо окаменелостей естественной природы, поэтому не могло быть речи о том, что они сами каким-то образом туда попали. Это были четыре крупных камня, довольно тяжёлых, но один человек вполне бы с ними справился.

От удара колёсной тележки один из них раскололся, и это место пути, где самолётопоезд стал на левые колёса, а затем сошёл с рельс, было повреждено. Задние его колеса прошли по деревянным шпалам, продавив на них колею и оставив след в виде вздыбленной щепы, а потом траектория движения тележки пересеклась с рельсой и в этом месте колёса отделились от рамы. Дальше вагон летел под откос вместе с пассажирами без рамы. Она прилетела следом и, вполне возможно, если бы не она, жертв было бы меньше. Тележка и колёса раздавили некоторых пассажиров, которые от удара вылетели из салона. Од-

нако товарищ Артём погиб внутри, по всей видимости, от многочисленных травм, полученных при кувыркании коробки салона. Фанера в некоторых местах оторвалась, и весь ужас того, что пережили люди, был виден сразу. Выжил только тот, кто вылетел и не попал под колёсные тележки.

Хроничев был задержан для дальнейшего разбирательства и выяснения его причастности к произошедшему.

Полуправда

Группа дознавателей, которые работали с арестованными и свидетелями в Тульском, а затем и Московском ГубЧК, ежедневно формировали доклад на имя руководителя комиссии по расследованию обстоятельств аэровагона.

Комиссия заседала один раз в неделю, не считая выездов её представителей в тюрьмы и на допросы. Товарищ Абель Енукидзе, которому партия поручила коллегиально расследовать обстоятельства гибели преданного большевика Сергеева и депутатов Коминтерна, требовал от чекистов максимум материалов и в сжатые сроки. По делу проходило подозреваемых

девять человек, свидетелей более сорока, и следствие докладывало, что все они в один голос давали показания о том, что ничего не могут даже предположить.

— Я вас не спрашиваю, что вы думаете! Я вас спрашиваю, это был несчастный случай или спланированная врагами диверсия? — несмотря на то что заседал орган коллегиальный, Енукидзе продолжал говорить от своего имени.

— Опираясь на материалы дела, мы можем утверждать, что его обстоятельства довольно сомнительны. — Докладчик от ЧК — товарищ Ремизов — руководил бригадой дознавателей и уж какие только он не предпринимал методы для выявления правды! Ничего не удалось ни выспросить, ни выбить.

— Послушай, товарищ Ремизов! — Енукидзе привстал над столом, опершись на кулаки. Его речь становилась тем более кавказской, чем он начинал волноваться. — Партия потеряла своих лучших сынов! Актив Коминтерна, товарищ Артём, это больно для партии, очень больно! А ты тут разговариваешь такими обтекаемыми формулировками! Ты большевик, товарищ Поляков, и это должна быть и твоя боль тоже!

Енукидзе окинул взглядом длинный стол, за которым в количестве семи человек сидели члены комиссии и получил их немое одобрение, кто-то легко кивнул, кто-то бросил укоризненный взгляд на Полякова, в целом атмосфера складывалась не в пользу чекиста.

— Дознание после рассмотрения всех версий считает, что произошло трагическое стечение обстоятельств, — Ремизов встал и продолжил свой доклад перед членами комиссии.

— Доказательств того, что авария аэровагона стала следствием спланированной акции — нет. Конструкция рельсолёта Абаковского нова и нигде нет опыта эксплуатации вагонов подобной конструкции. Единственное, что мы можем утверждать точно — это то, что в целях увеличения максимальной скорости и снижения центра тяжести Абаковский гнался за снижением веса конструкции. Салон вагона был фанерным, вагонная рама была укорочена, все детали салона максимально упрощены и облегчены. Эти показания дали нам товарищи из гаража Тамбовского ГубЧК, где Абаковский трудился над своим изобретением.

— Как вы поясните показания выживших о том, что колёсная пара будто налетела на препятствие и только потом вагон начал переворачиваться? — спросил Енукидзе, перелистывая папку с материалами, предоставленными чекистами.

— Да, действительно, товарищ Миков и другие выжившие товарищи описали произошедшее как налёт на препятствие и потом на месте катастрофы нами вдоль пути были обнаружены камни. Но мы не считаем это истинной причиной произошедшего. Бывает такое, что детвора из окрестных деревень подкладывает под поезда различные предметы и потом смотрит, что произойдёт. Перед аэровагоном за десять минут этим же путем шёл товарняк. Машинист видел камни и паровоз без труда их преодолел. Если аэровагон сошёл с рельс по этой причине, то, во-первых, не он был целью, во-вторых, если бы он не был таким лёгким, авария не произошла. Налицо инженерный просчёт Абаковского в прочности конструкции и трагическое стечение обстоятельств.

Енукидзе встал и в задумчивости пошёл вдоль длинного стола.

— Ну что же, товарищи... Не доверять

мнению чекистов мы не можем... Проведена большая работа, опрошено множество людей, с материалами мы ознакомлены. Пришла пора определяться и держать отчёт о нашей работе перед товарищем Лениным и Советом народных комиссаров.

Кузьма Ремизов сел на место, а Енукидзе продолжил:

— Скажите, товарищ Ремизов... — тот опять поднялся, но Авель жестом попросил его присесть, — значат ли ваши выводы о произошедшем, что никто не наказан, не арестован и так далее?

— Товарищ Енукидзе, все задержанные по данному делу отпущены после выяснения обстоятельств аварии. У Чрезвычайной комиссии к ним нет вопросов.

— Вот это хорошо. Вот это правильно. Тогда мы с вами можем голосовать за итоговый документ...

Одиночество

Москва была неприветлива. Москва колотась иголками снега с дождём и била по щекам ветром. Пять месяцев она искала мужа. Харьков, Ростов, Тула, Москва — нигде никто не знал Павла Черепанова.

Только месяц назад благодаря дядьке Степану ей удалось найти ниточку. Якобы Павел в Лефортовской тюрьме.

О том, что он арестован, ей не сообщили. Павел просто пропал летом прошлого года. Должен был быть в Туле с товарищем Артёмом. Потом, когда узнала, что Фёдор Адреич погиб, долго и горько плакала. Среди погибших Павел не значился, но и дома не появился. Дядька Степан всё утешал её, всё рассказывал, что так не бывает, чтобы люди исчезали бесследно, но по глазам его сама видела — он неискренний. В союзе горнорабочих тоже сказали, что после катастрофы его не видели и сами волнуются.

Только когда в октябре Степан начал наводить справки в ЧК, появилась первая благая весточка — Пашка жив. Тогда Степану Черепанову сказали, что разберутся по справедливости и попросили зря не беспокоить. Даже при всём уважении к его большевистским заслугам. Упрямый дядька не отступал и ещё два месяца ходил по разным кабинетам. Кого он только не упрашивал. Таки под новый год Степан нашёл того человека, который ему помог и принёс Полине нерадостные вести: её муж Павел был

арестован по делу о крушении аэровагона. Подозревался в организации диверсии на железной дороге, но осуждён по факту неисполнения своих служебных обязанностей по линии ЧК. Не предотвратил, не озаботился, не предусмотрел и, что самое главное, оставил товарища Артёма. Как сказали Степану — уж лучше бы он погиб вместе с ним, слишком много случайностей.

Место его содержания стало известно только в первых числах января, и Полина отправилась из Харькова в Москву. За тот год, что они с Павлом жили в Москве, она никак не могла привыкнуть к её размерам. Харьков не мал, а Москва ещё больше. Иной раз приходилось проделывать большой путь, на который уходил целый день, но благодаря таким своим путешествиям она изучила все улицы и свободно ориентировалась. Обидным было то, что Пашка был всё это время рядом. В Лефортово. И там же, на валу, они жили в общежитии. Когда к началу осени мать прислала письмо о смерти отца, Полина поехала в Харьков. На похороны она, конечно, не успела, мать была в таком состоянии, что её просто не узнать, близнецы и Алёшка ей не в помощь, так что пришлось остаться. Тем

более, что дядька Степан пообещал устроить её в Дом культуры.

И вот опять Москва.

Сразу с вокзала Поля отправилась в Лефортово. Здания тюрем и так не отличаются радужной архитектурой, а тут ещё и зимние тучи, полные снега. Злого снега, не пушистого, как в детстве, а игольчатого, ледящего руки и лицо. Вот она... Закрытая решётками, обнесённая забором, только крыша металлическая видна. Очередь на передачи была длинная, люди пришли рано утром, ещё затемно. Полина стала в конец этой людской ниточки и молчала вместе со всеми. Когда совсем замерзшая, она нагнулась к окошку, голос оттуда спросил: «Фамилия?»

— Черепанов. Павел Черепанов.

С той стороны замолчали, как будто искали фамилию, и тот же голос опять сказал:

— Свидания не положено. Можно передачу.

Полина протянула в окошко узелок, и тот быстро и бесследно исчез.

— Носки, одежа... — вслед негромко промолвила молодая женщина.

Пауза затянулась, но Полина терпеливо стояла, переминаясь с ноги на ногу.

— Принято, — сказала окошко.

— А письмо, там письмо внутри, вы видели?

— Переписка разрешена. Принято. Следующий!

«Переписка разрешена!» — это звучало музыкой. Он узнает, что я его нашла, он узнает, что не один...

Осень в Москве выдалась на удивление переменчивой. Иной раз дула резкими ветрами, а иногда с самого утра грела светом солнечным да так, что казалось, будто зима уже позади и вот-вот опять потеплеет и запах свежей зелени напомнит о скором лете. Однако нет. Тут же из подворотни по-разбойничьи налетал холодный сквозняк, и все мысли о тепле улетали следом за листьями.

Лиза поправила берет и воротник своего пальто так, будто готовилась к этому налёту, хотя сегодня как раз было тепло и почти не ветрено. Она терпеть не могла эти осенние дни, когда уже начинало рано темнеть и воздух становился сыроватым и холодным. А эти бесконечные утренние туманы, которые потом опадают с мокрых веток росой на сухую мостовую! Они же

просто уничтожают мир! Вот совсем недавно было зелено и тепло, а теперь те же самые, знакомые каждой веткой, деревья превратились в чёрные мокрые скелеты. Туман украл все краски, одел людей в чёрные и серые одежды, заставил извозчиков кутаться в кожану, и мостовая становилась противно скользкой.

Раньше Елизавета не обращала на такие подробности внимания, ей было некогда. За своей любовью она не замечала ничего, что раздражало других. Вокруг не было ничего, кроме Фёдора. Он имел такое свойство — занимать собой всё пространство вокруг себя. Хоть на съезде, хоть на диспуте в компании единомышленников и не очень, хоть в её душе. Громкий и справедливый, жизнерадостный и честный, добрый, сильный, решительный — таких эпитетов она могла подобрать десятки. Уже больше двух лет Лиза жила воспоминаниями. Внешне виду не подавала, но в каждой ситуации примерялась — а как бы он поступил, а что бы он посоветовал? В первые дни выплакала все слёзы, а потом просто замкнулась. Никого не хотела видеть, никого не хотела слышать, хотя сочувствующих было предостаточно. В ней зароди-

лась злость на несправедливую судьбу, которая забрала любимого Фёдора неожиданно и нелепо, лишила любви, поддержки, всего лишила.

Что судьба оставила? Оставила воспоминания и сына Артёмку. Такого же коренного и напористого как отец. Внешне очень похожего и с характером — как под копирку: если уж хочет чего — так добьётся любой ценой.

Вот и сейчас он плёлся позади, совершенно не желая к матери на руки. Шёл не спеша, тревожа по пути опавшую листву палочкой, предусмотрительно подобранной по дороге.

— Тёмочка, идём быстрее, давай на руки возьму, — Елизавета присела перед сыном в очередной попытке его уговорить, а в ответ получила насупленный взгляд и сердитое сопение. Всем своим видом Артёмка отказывался подчиняться и максимум на что согласился — это дать маме руку, а свободной он всё равно волочил за собой палочку, цепляя жёлтую листву и опавшие каштаны.

Особняк на Малой Никитской выделялся из прочего ряда строений своей плавностью линий, необычной оградой, напомина-

ющей морские волны, и входом. Чтобы попасть в здание, нужно было пройти сквозь колонны, которые подпирали навес и образовывали вместе с балконом арку. Такой дом мог захотеть построить только человек, характер и привычки которого выбивались из общего ряда. Это была целая усадьба, состоявшая из собственно дома, нескольких строений и внутреннего двора. На уровне второго этажа дом был украшен необычной красоты мозаикой с ирисами и орхидеями. Окна его имели плавные формы, повторяющие мотивы ограды, — овалы и слегка вытянутые линии добавили столярам столько труда, что прохожим оставалось лишь догадываться об их стоимости.

Бывший хозяин усадьбы — предприниматель Степан Рябушинский — слыл в своё время человеком порядочным, но очень закрытым и странноватым. Тот узкий круг людей, что был вхож к нему в дом, мог в полной мере составить впечатление о хозяине исходя из внутреннего убранства особняка. Проект был заказан у одного очень модного архитектора — Федора Шехтеля, а тот простых и незамысловатых зданий не создавал. Да и разве был достоин обычного дома человек, первый

решившийся наладить автомобильное производство? После 1902 года, когда Рябушинские только въехали в свое новое гнездо, салонные сплетни частенько в красках разносили слухи об особенной его внутренней архитектуре, о лепнине на потолке, о мраморной лестнице с чудными перилами, да с таким рисунком, что не видывали доселе. Очевидцы с исключительным придыханием описывали люстру в форме медузы и шикарную мебель цельного дерева с резными фасадами.

Тогда, в начале века, даже выдавшие виды ценители модерна были в восхищении. Дом стал достопримечательностью и образцом отменного архитектурного вкуса его создателя и его хозяина. Однако Февральская революция в одночасье смела налёт пафосности и с этого дома, и со всей Москвы. Уже давно не мелькали в экипажах бобровые воротники, уже давно драгоценности не касались холёной кожи своих хозяек и в моду вошли шляпки попроще — без перьев и всякой мишуры, — способной вызвать внезапный гнев пролетариев или матросов. Изменилось всё. Уклад жизни, ценности, ориентиры... Поэтому спустя пятнадцать лет своего суще-

ствования дом осиротел. Рябушинские оставили в Москве всё, чем владели — предприятия, банк, родовое гнездо, — и спешно уехали в Италию.

В ожидании новых хозяев дом скучал недолго: мародёры успели там побывать и поживились столовым серебром, всякой утварью из кухни, свечами из кладовой, а дворник Терентий, после того как получил кочергой удар по шапке и едва после этого остался жив, обратился к Богу со словами благодарности за ниспосланную свыше разнарядку оставить его в списках живущих в городе Москве.

Так Терентий и жил дальше в дворницкой, оставаясь неизменным комендантом особняка при всех учреждениях, которые там квартировались. Он видывал за эти годы и одетых по европейской моде дипломатов, и степенных сотрудников Наркомата иностранных дел, и шумных служащих издательства, и каждая организация считала нужным переделать что-то в доме на свой вкус и в угоду производственной необходимости. Так, дом лишился одного из двух мраморных каминов, части мебели и своей барской души. Теперь он служил народу и был его собственностью.

Потому как сам Терентий до тех пор, пока не покалечил кисть правой руки, работал на заводе Рябушинского, он вполне полноправно мог именовать себя пролетарием, а значит, принадлежал к классу гегемону, а значит, это была и его собственность тоже.

Нынешние квартиранты Терентия доставляли ему хлопот больше, чем кто-либо раньше. Нет, Терентий, конечно, любил детей. У него самого внуков не было, потому как единственный сын после фронтов Первой мировой вернулся на культе и быстро спился. Каждый детёнок был Терентию дорог, но когда у тебя этих сорванцов несколько десятков, нужно иметь особое терпение и склад характера, чтобы не надрать им задницы. Всем вместе и каждому по отдельности.

Теперь старик состоял в штате Детского дома — лаборатории «Международная солидарность». В его обязанности входило всё, что касалось содержания дома, двора и прочих подсобных помещений. А так как это много времени не занимало, то ещё и соблюдение чистоты на территории. Вот эта часть его работы — дворницкая специальность — доставляла ему больше всего

удовольствия. Свежий воздух, порядок и сорванцы, которые всегда считали нужным при первой же возможности устроить ему мелкую пакость — то листву разбросать, то ключи припрятать, а потом вымогать бублик, то забить замочную скважину спичками и смотреть с балкона, как дед рычит на замок. Всё им прощалось, и за это Терентий получал нагоняи от Веры Фёдоровны:

— Терентий Иваныч, ну как же так! Вы же срываете нам исследования!

Дед с трудом понимал, какие исследования можно проводить над детьми, но видел, что те не бедствуют — ходят в чистом и накормлены. А все эти мудрёные занятия, к которым он не был допущен по ранжиру, проходили за закрытыми дверями: Вера Фёдоровна Шмидт категорически не позволяла никому там присутствовать даже по деловой необходимости. Раньше она сама там закрывалась, а теперь у неё появилась коллега — Сабина Николаевна со сложной фамилией — Шпильрейн. Терентию она сразу не понравилась. Прямо с фамилии все и не заладилось, поэтому, когда нужно было обратиться или окликнуть, дед просто звал её: «Николавна».

Артёмка издалека заприметил Терентия и теперь шёл за мамой «след в след», чтобы никак не выдать своего присутствия. В прошлый раз, когда они здесь были, бородастый старик вызвал у Артёмки панику, протянувши руку и сказав: «Давай знакомиться, малец». От здоровенного дворника пахло махоркой, и ручищи у него были такие здоровенные, покрытые грубой кожей, а одна из них так и вовсе на руку была не похожа — вся скукоженная, два меньших пальца отсутствовали, а средний торчал, неестественно изогнувшись в обратную сторону.

Малыш помнил этого человека и его метлу — такую толстую, набитую прутьями, как у Бабы Яги, наверно. Мама потом сказала, что это не волшебная метла, обычная и что для волшебной нужна ещё ступа, но Артём, когда увидел перед входом Терентия с метлой, всё же решил, что за маминой спиной будет поспокойней, она его в обиду не даст.

Терентий Иваныч поправил шапку, приставил свою страшную метлу к забору и засунул в карман передника ту самую руку.

— Здравствуйте, Терентий Иваныч! —

Елизавета улыбнулась, слегка покосившись взглядом назад, где прятался за длинным её платьем Артёмка.

— Мы к вам, пустите?

— Отчего же не пустить, проходите, гости дорогие, — и Терентий специально сделал жест рукой так, чтобы малыш увидел его.

Артёмка боязливо высунулся из-за мамы, словно проверяя, чей это там такой добрый голос — с видом грозного старика он никак не совпадал. И в этот момент неправильная рука протянула ему пряник. Большой, пахучий, медовый пряник.

— Давай дружить будем! Будешь моим другом? — малыш, конечно, не мог понять, что от него хочет этот старик с метлой, но его слова и пряник заставили Артёмку улыбнуться. Он посмотрел на маму, потом на деда, потом опять на маму, которая тоже улыбнулась и одобрительно кивнула, и протянул ручонку к прянику.

— Вот и хорошо, — пробурчал дед сквозь густую бороду — я тебя, малец, в обиду не дам!

Терентий взял малого за ручку и повёл в дом.

— Не нужно было, Терентий Иваныч, не стоило, — виновато тархтела сзади

Елизавета. Тульский пряник был угощением праздничным, ним баловались не часто.

— Так дружочку же не жалко, Елизавета Львовна!

Внутри было тепло, светло и шумно. Терентий усадил мальчика на мраморную лавочку, что была устроена рядом с лестницей и обдувалась тёплым воздухом из специального вентиляционного окошка, и Елизавета принялась снимать с сына ботиночки.

— Лизонька, как добрались? — даже когда Надя говорила приветливые вещи, тон ее был предельно сдержанным. Да вся она была такая строгая, словно под линейку — начиная от простых линий чёрного платья и заканчивая аккуратно собранными в гульку волосами.

— Прогулялись с удовольствием — погода просто чудесная! — ответила подруге Елизавета.

Они успели подружиться несколько лет назад, когда их мужья — Иосиф Сталин и Фёдор Сергеев — однажды по случаю какого-то праздника устроили совместный семейный ужин. Тогда Иосиф упрекнул друга: «Что ты прячешь свою кра-

савицу? Не уведу, не бойся!». Молодые женщины имели много общего во взглядах, в укладе семейной жизни — они обе были не только любящими жёнами, но и образцовыми помощниками — именно тот случай, когда «замужем». За мужем. Обе считали своим предназначением не семейный очаг, а помощь в работе. Кипеть вместе со страстями революционных лет, строить и создавать, помогать мужьям — на этом мотиве они и сошлись, хотя характерами были абсолютно антагонистичны. Лиза оставалась всё такой же студенткой-активисткой, только легкомысленные косички сменила на короткую стрижку, а Надя была всегда подчёркнуто строга и дисциплинированна. И когда стал вопрос о создании детского учреждения для детей, партийный выбор пал на них. Сопредседателями были назначены Елизавета Сергеева и Надежда Алиллуева. При их добросовестности и ревностному отношению к делу не могло быть сомнений в удаче этого начинания.

Первым делом было принято решение о том, что это не будет детский дом для элитных детей. «Кого мы хотим вырастить?» — Иосиф имел свою точку зрения — «Пусть

живут как все». На правах классового равенства набрали двадцать пять детей с улицы и столько же детей ответственных работников. Первых достали прямо из асфальтовых котлов, в которых они грелись, вторых привели родители. Одежду беспризорников тут же сожгли, заменив её на ту, что смогли собрать по семьям, чумазых отмыли, накормили и обогрели. Все пятьдесят воспитанников стали объектом изучения для детских психологов. «Русское психоаналитическое общество» — организация новая и продвинутая (сам Фрейд заинтересовался их изысканиями в психологической науке) — подключилась к исследованию процессов становления личности при условиях классового равенства.

Подчёркнутое равенство, труд и справедливость — эти принципы были в основе воспитания, и многие воспитанники этого заведения потом стали хорошими и честными людьми. А сейчас им от роду было по три года, по четыре, пять лет и все они были счастливы, что есть дом, харчи и друзья.

— А вот и Васька! — Лиза поймала пробежавшего мимо карапуза и прижала к себе. — Смотри, Вась, теперь тебе нескуч-

но будет, я же обещала! Вот, Томика горшок даже забрала!

Для Артёмки друг Василий был дорог как тот пряник от деда Терентия. Внешне они были совершенно разными — Артёмка круглолицый и щекастый с хитрым прищуром отцовских глаз, а Васька худой и лопоухий, почти на голову выше, несмотря на разницу между ними в девятнадцать дней. Вместе они являли собой гремучую смесь мальчишеского любопытства, задиристости и гиперактивности, что сразу же было отмечено в записях Веры Фёдоровны Шмидт и в уме дворника Терентия Иваныча.

С этого дня они оба поступали в распоряжение педколлектива экспериментального детского дома — лаборатории «Международная солидарность» с постановкой на содержание, с правом столоваться три раза в день, иметь сменную одежду и постельное, а для своих мам — Надежды Сергеевны и Елизаветы Львовны они становились воспитанниками. Такими же, как и остальные сорок восемь. И вся их дальнейшая жизнь будет связана друг с другом и с отцом Васьки — Иосифом Виссарионовичем Сталиным, отцом народов,

генералиссимусом, человеком, который привёл страну к победе и благополучию, но на этом пути пожертвовал несчётным количеством людей.

Всё это будет потом, а сейчас Васька и Артёмка со своими горшками и новыми, рано осиротевшими друзьями должны были научиться жить как настоящие взрослые люди.

Детский дом

Она так хрустнула, эта калитка, будто все силы природы и времени были против. Терентий Иваныч услышал этот рвущий душу звук даже сквозь опущенную ушанку — мороз нынче стоял такой, что в народе говорят — «воробьи на лету падают». Никто, конечно, этого не видел, но все знали, что кто-то таки этих воробьёв подбирал.

Намедни у Терентия было предчувствие, и он смазал петли. Выходит, схалтурил. Вчерашний снег обильно притрусил Москву пушистым, белоснежным одеялом, и вместо того, чтобы превратить его в отвратного вида жижу, замерзающую по ночам — кошмар для прохожих — зима

решила утвердиться в своих правах и ударила морозом. Оттого вся работа Терентия пошла насмарку.

Посторонним на территории находиться не следовало — это была одна из его обязанностей, и Иваныч, воткнув лопату в свеженабранный сугроб, пошёл на звук. Калитка находилась за углом, где уже было расчищено, оттого походка старика была решительной и быстрой, тем более — в такой мороз.

— Чьих будете? — спросил дед. Возле двери стояла фигура женщины в осеннем пальто, замотанная сверху в громадный пуховый платок поверх обычного, красного. Руки её были тоже красными, но от холода, и аккуратные сапожки на средней высоте каблучке выдавали приезжую с юга.

— Полина. Елизавета Львовна мне назначила, я правильно пришла? Это детский дом?

Исключительно голос женщины, замотанной в пальто, помог Терентию Иванычу понять, что в этой бесформенного вида фигуре без возраста скрывается в общем-то молодая особа.

— Правильно, правильно... — Терентий сбавил ход, разобравшись, что всё не так

уж срочно. Тем более, что галоши в его валенках были настолько истоптаны, что никак не помогали на гололёде.

— Что ж ты, милашка, не бережёшь себя совсем? — перед дедом открылось очень даже милое создание, с розовыми, как у всех нынче барышень, щеками и маленькими капельками слёз от мороза во внешних уголках глаз.

— Управы что ли на вас, модниц, нет? Был бы я твоим батей, уши уже оборвал бы!

— Вы зря шумите, просто немножко не рассчитала, у нас в Харькове тепло и дождь...

Полина никогда не призналась бы, что единственная зимняя одежда — белый и дорогущий тулуп с овчинным воротником, который отец много лет назад подарил ко дню рождения, был продан прошлой осенью на барахолке по причине отсутствия денег, мужа, счастья, удачи и, вообще, от безысходности и надобности ехать опять в Москву.

— А, харьковская... Там всегда теплее... Настоящей зимы у вас не бывает! — Терентий Иваныч проследовал по ступеням ко входу и чинно, как дворецкий в царские времена, приоткрыл дверь.

— Пожалуйста, не стесняйтесь! — настоящий дворецкий никогда себе не позволил бы такой фамильярности, но Терентий зато много раз видел, как те открывают двери перед хозяйскими гостями.

Поля кивнула с благодарностью и прошла внутрь, на секунду почувствовав себя той самой почётной гостьей.

Внутри её окатила волна тепла, уюта и запах еды. Это был тот запах, который она давно не знавала. Дом пахнул иначе, когда он был счастлив. Таким он помнился. Там когда то-то были нотки отцовского сапожного клея и мамино мыла для стирки, еды из печки и немного чужого от пришлых заказчиков, что иногда заходили забирать мамино шитьё, но всегда это был аромат её дома. Особенный и родной. Даже когда печь дымила внутрь и мать нещадно ругалась с покойным отцом по этому поводу, всё равно он был свой — этот запах.

Первый шаг в этот новый для неё и большой дом, который приютил детей, знавших тепло асфальтовых котлов, показался ей правильным. Есть такое чувство — когда ты рискуешь и принимаешь неожиданное даже для себя решение — и душа не нахо-

дит себе места. Ошиблась ли, предадут ли по пути, все эти мысли и тревоги едят тебя поедом до тех пор, пока уже дороги назад не будет. И вот после всех сомнений, тягот выбора и решений ты прибываешь на место и понимаешь — это оно. Здесь не обидят. Вот этот аромат пшённой каши с тонкой ноткой сливочного масла, которую сразу отличит человек, забывший давно его вкус, гомон детишек везде — и на первом, и на втором этажах, и люди в передниках, озабоченно снующие с кастрюлями в дверном проёме, и этот бородатый дворник — вот это всё оказалось для Полины как нельзя кстати. Наконец-то она почувствовала себя в тепле, безопасности, почти как дома.

Терентий заботливо предложил снять жиденькое для этого времени года пальтишко и показал Полине место для обуви.

— Пожалуйста сюда сапожки ваши модные, а Львовну я покличу, — бородач сам снял одежду и направился в глубь детского дома, туда, где на первом этаже в совершенно небольшой комнатке располагалась администрация. При хозяине там был гардероб, при министерствах иностранных — тоже, а вот нынешними хозяевами было

решено, что использовать площадь особняка следует рациональней, исключительно в пользу его главных квартирантов — детишек, и вся администрация, состоявшая из двух человек — Аллилуевой и Сергеевой, — удовлетворилась лишь парой столов в этой каморке.

— Поляночка! Наконец-то! — с той стороны, куда только что исчез Терентий, появилась Лиза. Дед толком не понял, почему его доклад о госте из Харькова произвёл такое впечатление на Елизавету Львовну. Она бросила перо, резким движением сняла очки и устремилась ко входу, как будто на её пути никого не было. Иваныч только и успел — что отступить в сторону.

— Сколько ждала тебя, ни письма, ни весточки! Решилась-таки! — Елизавета Львовна обняла Полину с той силой, что может себе позволить человек только в отношении родственника, но это всё же был немного не тот случай. Это было почти так.

После крушения, гибели Артёма и ареста Павла Черепанова их объединила общая беда. Все мытарства Полины в поисках Паши были известны Лизе, но толком помочь или посоветовать нечто дельное она

не могла. Сама долгое время пребывала в прострации, и эта Полина скорее была ей полезна чем наоборот. В те редкие разы, когда бывала в Москве, несмотря на то что иногда уж совсем руки опускались, Поля находила в себе силы и помощь предложить, и с малышом посидеть, и в лавку сбегать — самой-то Боженька пока не дал детишек, да и как быть, если муж под арестом? А ближе и родней чем Сергеевы у Поли людей в Москве не было.

— Лизонька, наконец-то! — Поля плакала и всхлипывала на плече у Елизаветы.

Около полугода назад Елизавета Львовна отписалась на харьковский адрес Полины Черепановой:

«Затеяли дело новое и благое — деток воспитывать будем, поможем им стать настоящими и порядочными людьми, своего Томика тоже в этот новый детский дом отдала наравне со всеми. Дело интереснейшее, дело нужное и благое. Воспитание будущего поколения — это первостепенная задача и, наверное, Фёдор Андреич был бы доволен её выбором. Конечно, он мог бы дать много умных и нужных советов, но что уж теперь...

Большая благодарность товарищам из ЦК и Кобе. Тяжело было, невыносимо, толь-

ко новорождённый сын стал окошком для души, только благодаря ему не выплакала все слёзы до конца и не сорвалась, смогла взять себя в руки, но всё равно сильно разболелась. Артёмку тогда взяли на обеспечение, Коба лично отвечал перед товарищами из Политбюро за исполнение этого вопроса. Может быть, благодаря ему и Наденьке, его жене, не сложила руки, не потерялась и, похоже, опять обрела жажду жизни. Теперь вот посвятила себя несколько неожиданному делу, особенно неожиданному после того, что провела столько времени с любимым мужем в поездках, в борьбе, эти постоянные митинги, собрания и съезды... Теперь понимаю, что семьи-то толком и не было. Любили искренне, но гнездо свить не успели. Может, и к лучшему, потому что ещё сама не разобралась, где в женщине та тонкая грань, разделяющая природное стремление иметь своё жилище, где она будет создавать уют для любимого, и мещанским образом мысли. Вопрос разрешился сам собой. Уют создавать больше не для кого, а нам с Артёмкой много ли надо? И вряд ли ещё когда-нибудь я смогу полюбить ещё кого-то так крепко и искренне, как Фёдора.

Ну да ладно, хватит обо мне. Наслышана, что тебе очень нелегко. О том, что Павел арестован, тоже знаю, но это всё. С деталями не знакома.

Давай так: находясь в Москве, ты сможешь быть к нему ближе насколько это возможно. Тем более, что ты сможешь работать в нашем учреждении, я посодействую, это в моих полномочиях.

Полечка, не то время сейчас, чтобы брезговать работой, пусть даже это и должность нянечки. Кроме денежного содержания, будет обеспечение продуктами и жильё. Прямо во дворе, в соседнем корпусе вместе с некоторыми нашими товарищами. Коллектив хоть и разношёрстный, но так как все движимы общей идеей, то никаких трений нет. Каждый на своём месте. Я уверена, что ты со своим трудолюбием, порядочностью и кристальной честностью не будешь иметь никаких сложностей и легко вольёшься в наши ряды.

Приезжай. Я жду тебя в Москве по адресу: ул. Малая Никитская, дом 6.

Вместе как-то справимся, всё же лучше чем в Харькове».

Ответа на это письмо Елизавета не получила и уже посчитала, что Полина Черепан

нова скорее всего не решилась оставить мать и младших. Действительно, Поля очень долго колебалась, и когда уже для себя приняла решение, что нужно ехать, ещё несколько дней подбирала слова для мамы. Конечно, оставить их одних в такое тяжкое время было сродни предательству, но ведь у неё есть своя семья! Есть Павел, который её любит, и она просто обязана быть рядом. Хотя бы в одном городе с ним. И потом, как же она ему поможет, если будет сидеть дома? Ведь нужно искать возможности, писать в разные инстанции, добиваться правды.

Эти слова Полина маме и сказала. Без эмоций, без слёз, без надрыва, на что Анна Кирсанова дочери ответила:

— Я ждала этого. Я поступила бы так же.

Следующие дни в детском заведении, ставшем и для нее домом, прошли в постоянных знакомствах. Запомнить имена всех пятидесяти сорвиголов категорически не представлялось возможным.

— Тётъ! А тебя как зовут? — сзади кто-то дёрнул за платье, и Поля чуть не уронила стопку тарелок.

— Полина, ну или Поля, так проще.

— Тётъ, а ты к нам надоВго? — дёрнула юбку с другой стороны маленькая ручонка.

— Надолго, мой хороший, а тебя как звать?

— Я Тимка! А я Димка! А я Павлик, а я, а-я, а-я-я-я-я... — они все сновали под ногами, и Полина иногда приостанавливалась перед дверным проёмом, чтобы её никто случайно или специально не сшиб. Они обожали прятаться, а потом громко и внезапно появляться из ниоткуда и с криком маленького туземца следовали дальше по своим, только им известным делам.

Полина стала для них такой же доброй подружкой, каким уже был дворник Иваныч. Эти двое могли стерпеть любую их шалость, и дети это сразу поняли. Нельзя было из-под лестницы напасть на Сабину Николаевну или Веру Фёдоровну, а на этих было можно. Дед Терентий иногда так пугался, что прямо сразу давал сушку, но только с уговором, что сегодня больше его не пугать.

— Поля! А мама? — эти двое любили вопросы задавать вместе, перебивая друг друга, одновременно. Как им это удавалось в неполные три года, было неясно, но уже тогда они мыслили и действовали синхронно.

Того, что поменьше, — круглолицего —

звали Томиком, хотя его настоящее имя было Артём. Томик — было уменьшительное от партийного псевдонима его отца — Том. Так прозвал его Иосиф Сталин. Человек, обещавший своему другу и отцу Артёмки — товарищу Сергееву, что будет заботиться о нём. Эту фразу как-то случайно обронил Фёдор: «Всё может случиться. Присмотри за моим». Знал ли Сергеев старший, как судьба повернётся? Пришлось Кобе исполнять свое обещание и раз уж так распорядилась судьба, то и своего младшего сына Иосиф решил отдать в этот новый экспериментальный детский дом.

Васька имел взгляд прямой и любознательный, округлостью разреза глаз очень напоминавший отца в юные годы. При этом оттопыренные уши сразу позволяли определить, где он находится в стайке одинаковых, стриженных почти наголо мальцов.

— И чья мама нам нужна? А? — Полина подхватила их обоих на руки, сразу ощутив, что Томик существенно тяжелее.

— Моя! — опять одновременно и громко прокричали мальчики, подняв руки вверх. Наверняка они думали, что так их будет лучше слышно. И уж только собралась их отнести к мамам, как Сабина

Николаевна, наблюдавшая это всё со стороны, сделала ей строгое внушение:

— Полиночка, вы поступаете против наших правил. Ведь вас с ними ознакомили, не так ли?

Действительно, Лиза давала ей читать какой-то Устав заведения, но больше рассказала на словах: здесь полное равенство, здесь нет любимчиков, здесь никто из детей не может быть обласкан больше чем другие. Трудиться, учиться, жить и отдыхать они могут только вместе и только на равных.

Причину такой строгости Полина поняла не сразу, тем более, что к Томику у неё сложилось в силу обстоятельств большая симпатия чем ко всем остальным. Но ведь они же «знакомы» ещё до того как. А так как Томик и Васька были неразлучны и на горшках, и за столом, то и ко второму образовалась некоторая предрасположенность.

— А ну-ка, бегом в спальню! — обоих малышей Полина опустила на пол и, шлёпнув слегонца по мягкому месту, задала направление движения. Парочка с визгом, свойственным малолетним разбойникам, умчалась в нужную сторону, и Полина

осталась один на один со старшим воспитателем.

— Поймите меня правильно, я вынуждена быть требовательна ко всем и к себе в том числе. — Товарищ Шпильрейн и так являла собой образец строгости и профессорской неприступности, но до сих пор Полина видела применение этих её качеств исключительно по отношению к воспитанникам. С коллегами и службой у неё были отношения ровные и равные.

— Видите ли, голубушка, если вы берёте на руки этих двоих, то вы обязаны взять и остальных. У нас всеобщее равенство и в еде, и в беде. А теперь сосчитайте их. Получится пятьдесят. У вас просто руки отвалятся, милочка! И потом, вы своей излишней эмоциональностью и избирательностью влияете на чистоту наших исследований.

Полина стояла перед ней как гимназистка перед настоятельницей школы для девочек — руки по швам и лёгкий румянец на щеках.

— Возможно, у вас есть история отношений с Елизаветой Львовной, но я хочу обратить ваше внимание также на то, что ни она, ни Надежда Сергеевна никогда не

позволяют себе подобных слабостей. Даже имея собственных сыновей в воспитанниках. Берите с них пример. Ещё прошу заметить, что за результаты работы нашей лаборатории отвечаю я лично, и рефераты доктору Фрейду отсылаю тоже я. Поэтому я буду требовать неукоснительного выполнения всех установленных здесь правил. Я могу рассчитывать на понимание с вашей стороны?

— Да, конечно, Сабина Николаевна. Я всё поняла. — Полина чуть не сказала «фрау», уж настолько немецким было это наставление, но вовремя одумалась.

— И не смейте на меня обижаться, слышите? Просто давайте попробуем любить их всех вместе, а не каждого по отдельности, — товарищ Шпильрейн приобняла её за плечо, растворив осадок от такого неожиданно строгого внушения.

Шнифер

Холодно было невыносимо. Стены, которые от осенних дождей покрылись влагой даже изнутри, а потом обильно поросли чёрной плесенью, теперь были покрыты замёрзшими капельками росы.

За два с половиной года пребывания в разного рода изоляторах, камерах следственных отделов Павел уже научился высматривать даже в самых малых мелочах что-нибудь положительное.

Сокамерники попадались ему самые разные — от карточных шулеров и до классовых врагов графских кровей, но кастовость на воле и кастовость здесь, в заключении, была абсолютно разной. Не имело почти никакого значения твоё прошлое. Все заслуги, богатство, связи и гонор оставались с той стороны решётки — на воле. Кто имел характер, знания, силу воли и духовитость, тот мог на что-то рассчитывать по эту сторону прутьев.

Особенности пребывания в ограниченном пространстве в обществе малознакомых и часто пренеприятных персонажей меняют в сидельце всё. Характер, привычки, внешний вид, манера говорить — всё мимикрирует для достижения одной цели — не совершить ошибку и выжить. Кто ошибался в правилах тюремного поведения, нарушал здешние законы, мог пострадать и физически, и морально, и потерять в статусе настолько, что потом было уже не подняться. Кто ошибался в людях, мог раскрыть

душу перед «наседкой» и сболтнуть лишнего о поделниках или о себе. После таких подсадных уток многие получали новые сроки, а иногда и высшую меру.

Павел поначалу попал в камеру к такому же как и он, «политическим». Год назад был у них священник, отец Евгений — всё наставлял сокамерников на путь истинный. Вроде и не лез в душу, а так, пару слов вставит и на разговор выводит о жизни, о вере, о Родине, о родителях. Понемногу с ним стали советоваться, особенно после того как получали письма от родных.

— Что, сынок, весточка пришла? — хоть поп и был классовым врагом, всё же его тихая, с лёгким оканьем речь располагала к общению. Так говорили в вологодских краях — там, где жизнь никогда не была сытой и люди, как и почти везде, находили отдушину в церкви.

Пашка развернул свёрток, не так давно упакованный его любимой, и достал вязаные носки. Они пахли её руками. Такими нежными и белыми руками любимой женщины.

Он дышал этим запахом, не в силах оторваться от аромата. Глаза нашли свёрну-

тую записку, которую она аккуратно положила между парой рубашек и тёплыми штанами, но при досмотре свёрток тщательно проверили и так и передали — навалом, обернув в ту же бумагу. Письмо было тоже прочитано и пропущено к адресату.

«Милый мой, хороший Пашка. Как же я за тобой скучаю! Почему ты там оказался? Как можно? Не знаю что и думать. Никто мне не докажет, что ты заслужил сидеть в тюрьме. Разговаривала с Ремизовым. Он тоже не верит, что ты в чём-то виноват. Буду рядом, чего бы мне это не стоило. Буду искать справедливость.

Люблю тебя.

Полина»

Отец Евгений бросил вопросительный взгляд.

— Что, отец Евгений, переживаете о моей душе? — Пашка привык ловить любой взгляд в свою сторону.

— Нет, сын мой... Вижу, беспокойно тебе.

— Мне беспокойно уже давно...

— Так поделись, не страдай. Исповедуйся.

— Не грешил я, отец, чтобы исповедоваться. Пусть другие очистят душу.

— Гордыня — тоже грех. Если ты здесь, значит, Бог послал тебе испытание. Может быть, в наказание, а может, и для того, чтобы проверить, на что ты способен. Ты считаешь своё заключение несправедливым, а Он думает иначе.

Пашка протянул попу письмо молча, как будто нехотя, а тот не спеша надел очки и начал читать вслух.

— Что ж, скажу тебе только, что человек, который писал это, тобой дорожит. Может быть, рука Божья направит его в нужную сторону и всё сложится. Я не знаю. Может быть, этот Ремизов станет его посланником для тебя... Я понятия не имею, кто это. И знать не хочу. Сам разберёшься. И меня вспомнишь.

Где сейчас этот отец Евгений? Может, там же, где и Артём, а может быть, пошёл по этапу и машет кайлом как его бывшие сокамерники. Как вы, отец, там говорили? — пути Господни неисповедимы?

Черепанов вспоминал эти речи священника, свернувшись калачиком на верхней полке. Поп был у них в камере недолго, около месяца, но стал единственным, кто получил доступ к его сокровенному. Много часов они провели за беседами о правед-

ном, о зле и добре, о справедливости. Но в один из дней дверь открылась, и служивый в синем околыше прокричал:

— Кочетков, на выход с вещами! — Кочетковым, как оказалось, был священник. А Пашка даже и не знал, что у него есть фамилия...

Сидельцы в камере с того времени уже много раз сменились, и теперь паханом был Севан. Уголовник из элитных — считалось, что шнифер*.

Пашке было непонятно, почему такой элемент попадал в тюрьму НКВД, но их там было много. При этом уголовники кочевали по хатам и всегда имели вид почти холёный и сытый. Не в пример проворовавшимся бухгалтерам, служащим и странным сидельцам, которых взяли «ни за что».

Севан не был армянином, скорее под него маскировался. Ничего общего с озером в благословенных краях он не имел, хотя был не против, если кто-то думал именно так. Никто не знал, как его окрестили при рождении. Поговаривали, что откликнулся на имя Всеволод, но его крупный нос и волосы с лёгкой проседью по

* Шнифер — вор, специализирующийся на взломе касс и сейфов.

бокам придавали такой кавказский вид, что однажды Севан решил для себя, что если так полезно для дела, то пусть будет.

Севан был из нахичеванских воров. Но не из того Нахичеваня, что на реке Нахичеванчай, а из того, что на Дону. Таганрог, Ростов, Екатеринослав и окрестности одно время полнились слухами, что сейфы банков и кредитных обществ по ночам теряли содержимое как толстяк после диареи. Сколько ни билась царская полиция, а наглеца так и не арестовали. Ходили слухи, что взломщика взяли на притоне вместе с корешами, то говорили, что он ушёл в Одессу со всеми кушами и оттуда чухнул в Америку, но каждый раз взломы происходили опять, причём суммы становились всё больше и больше.

Никуда Севан не уезжал и даже не собирался, самой дальней точкой его гастролей была Варшава, где его райзен* окончился весьма прибыльно — он очистил два ювелирных магазина. Просто с очередной партией тюремных ходоков запускались «утки» с историями о счастливом побеге самого ушлого в Ростове взломщика касс,

* Райзен — путешествие с воровской целью.

что некоторое время вводило ищеек по ложному следу.

Первая ходка известного взломщика образовалась на волне нэпа. Севан за годы революционных перемен истосковался за работой, да и поизносился к тому же, а общий уровень состоятельности граждан оставлял всё меньше шансов на встречу с жирным «медведем». И тут на радость коммерсантам и всей братии, их обиравшей незаконными способами, власть объявила, что можно зарабатывать. Стали появляться новые вывески — продуктовые магазины, рестораны с полным набором деликатесов, даже меховые лавки, торговавшие сибирской пушниной, но настоящим праздником для Севана стало открытие Ростово-Нахичеванского Общества взаимного кредитования.

Около года Всеволод Щепнин ждал, пока Общество зажиреет. По его философии, на тощую рыбу и крючки точить не стоило. Риск должен быть оправдан, потому и выжидал Севан, пока у клиента пойдут дела. За это время обзавёлся знакомыми среди участников, а его компаньон Жора закрутил шуры-муры с их делопроизводителем Верочкой, отчего та витала в облаках и трепалась о работе на каждом

свидании. Таким образом, информация о деятельности финучреждения стекалась к нему из двух источников, что позволяло её перепроверить.

Неспешно и очень скрытно Севан вёл подготовку к штурму. Расположение комнат ему было известно точно, график работы был неизменным, что существенно облегчало процесс планирования.

Один раз в год Общество собирало все свои займы для дальнейшего перераспределения среди старожилов и новых участников. В этот день проводился приём платежей, заседание Наблюдательного совета, и на следующий день средства раздавались вновь. Кому на месяц, кому на три, но не более чем на год.

В один из тёплых майских дней 1923 года Жорик ворвался на их малину весь светящийся от восторга.

— Верка завтра на свиданку не придёт!
— И что, сорвался лохматый гулевон?
— Севан не вставал с лежанки, не понимая, чему так радуется подельник.

— Мысли глубже, корешок! Сказала, на работе будет допоздна, готовят отчётность для заседания. Завтра долги будут собирать!

— Та ты шо! — вот тут Севан подорвал-

ся с койки. — А говорила ж, что в конце месяца!

— Так все готовы, и начальство решило на завтра раздачу устроить.

— Боевая тревога! — Севан начал живенько доставать сапоги и наматывать портянки, — ты сидишь здесь до поступления команды. Я исчезну на пару часов и вернусь. К бутылю не прикладываться! Смотри мне! — Так же быстро, как обулся, он исчез в дверях, услышав только вслед: «Да понял, святое дело, чай не вчерашний...»

Через пару часов, как и обещал, Севан вернулся, только уже переодетый в новый пиджак и сорочку.

— Опа, клифт на пожертвования прикупил? — Жорик любил острить.

— Пришлось обновить гардероб по случаю нового дельца. Ходил денег займа просить.

— Тю, ты шо, последнюю корку доедаешь? — на лице Жорика было написано искреннее недоумение.

— Потому ты и в подмастерьях, Жорж, что не умеешь видеть дальше своего короткого носа! Мне что надо было спросить — «Когда сейф будет от капусты ломиться? Я устал ждать?»

— И шо сказали? Когда дадут?

— Сказали, мол, послезавтра все уважаемые получают, а тебе отложим в тумбочку, приходи послезавтра. От эти нещасные твои сто пятьдесят червонцев нам погоды не сделают.

— Талант! И кем ты прикинулся?

— Шаланду собрался брать. Осетрину хочу бить, собираюсь ходить аж за Мариуполь, там ямы, рыбные места, буду артель развивать на паях, вот так вот! — Севан хитро подморгнул Жорикю, — а там, если повезёт, и на флотилию хватит.

В назначенный день они с Жориком толклись напротив здания конторы Общества, прикинувшись извозчиком и грузчиком. Здоровый битюг, по такому случаю взятый в аренду якобы для переезда, в самой Нахичевани был совершенно не против стоять целый день и жевать свежую траву из мешка, привязанного к сбруе. Пару-тройку раз пришлось отбиваться от назойливых клиентов и в краткой, но по-ростовски доступной форме пояснить, что телега занята и «та там работы минут на десять» не прокатывает.

По их подсчету, членов общества, которые прибыли для того, чтобы доброволь-

но расстаться с заёмными деньгами, было не менее пятидесяти. Определить их было довольно легко. Во-первых, заёмщик вёз с собой крупную сумму и был всегда не один, а в сопровождении какого-нибудь детины, а то и двух. Во-вторых, этот тревожный взгляд и саквояж, двумя руками прижатый к себе. В-третьих, каждому было назначено на определённое время и возле кассы их накапливалось не более трёх, а значит, каждый заёмщик с уже умиротворённым выражением лица выходил не более чем через десять минут.

Удовлетворённые своими подсчётами, они удалились сразу после того, как контора закрылась. Внутри оставались сторож, вооружённый охранник и сейф лондонской фирмы «Ratner Safe Company», полный добычи.

Конструкцию этого инженерного чуда Севан в своё время изучил досконально. Ригельный замок, как положено, во все четыре стороны и ещё один замок — вертушка со шкалой цифр для набора кода. Такие вертушки он как раз и ломал в Варшаве, а ригель образца начала века ставился почти на все модели этой фирмы. С учё-

том почтенного возраста изделия можно было не сомневаться, что головоломка будет посильная.

Около одиннадцати часов вечера, когда южное небо проводило солнце полностью и покрылось точками звёзд, напарники выдвинулись на дело. Немного странным мог показаться их внешний вид, если бы случайный зритель был внимателен и искушён в мелочах.

— Т-п-р-р-р... — Жорик остановил битюга в квартале от места и отдал поводья пареньку лет четырнадцати, задача которого состояла в том, чтобы отвести телегу во двор и вернуться через четыре часа.

— Смотри мне, заснёшь — лучше сам утопись! — Жорик хлопца знал издавна, но так же он и знал его способность засыпать как только стемнеет.

— Не бойсь, не подведу! — в тишине ночных ростовских улиц телега скрипела на всю округу, а подковы звенели о мостовую так, будто литавры в оперном оркестре.

— А шо я? Мне ему на копыта валенки надо было одеть? — Жорик с присущим ему темпераментом ответил на немой укор Севана. — Не отвлекайся, начальник!

Пролетарского вида парни, не издавая

лишнего шума, двинулись через улицу. В руках у Севана был средних размеров саквояж, а Жорик тащил под мышкой зонтик. Нет, ну в мае, конечно, в этих местах бывали славные грозы, да такие, что если бы не булыжные мостовые, так смыло бы не одну улицу, но именно этой ночью погода была ясная, а соловьи разрывались трелями от желания найти себе партнёршу.

Пара силуэтов проследовала подворотнями на искомый адрес и через чёрный ход поднялась на второй этаж в квартиру номер два, которую снимала уже как два месяца молодая пара, якобы для не столь регулярных встреч и измен своим супругам. Хозяйка — бывшая купчиха Метёлкина, после того как муж исчез на поезде вместе со всем капиталом, имела только один источник дохода — сдача угла в аренду, но в этот раз предложили хороших денег и она освободила для такого дела квартиру полностью, съехавши в свой загородный домик. Первый этаж этого дома занимала контора Общества взаимного кредитования.

Открыв дверь без единого скрипа (предварительно был смазан замок и дверные петли), воры прошли в самую дальнюю от входа комнату, где, по мнению бывшей

купчихи Метёлкиной, изредка предавались любовным утехам неверные своим семьям квартиросъёмщики.

— Взяли, — Севан прошипел это слово тихо и взглядом указал на двуспальную дубовую кровать.

Мебель была добротная и тяжёлая, поэтому сдвинуть её бесшумно не получилось, но всё же она перекочевала к противоположной стене, под окно.

Жорик раскрыл саквояж и фомкой сорвал паркет в том месте, где указал старший напарник. Затем при помощи коловорота было проделано отверстие в полу, и вот здесь и понадобился зонтик. Он напоминал трость с изогнутой ручкой и был очень длинным. После того как они убедились, что на нижнем этаже тихо, Севан вставил его в отверстие, раскрыл и закрепил ручкой за коловорот, лежавший на поверхности пола. Теперь аккуратно, по чуть-чуть, отверстие расширилось до таких размеров, чтобы Севан мог туда спуститься и обломки разрушаемого перекрытия падали в зонтик, не издавая шума. Несколько раз они его поднимали наверх и снова опускали вниз, пока Севан, не примерившись, сделал жест, означающий «хватит».

В ход пошла сплетённая специально верёвочная лестница, которую надели на ближайший угол кровати, увенчанный дубовой шишкой.

Комната с сейфом на первом этаже была небольшой, в половину спальни, за счёт того, что отдельной кладкой был закрыт доступ к окну.

Севан был доволен собой, они пробрили потолок прямо над сейфом. Ещё раз прислушавшись к звукам первого этажа, он начал спуск и только потом принял от Жорика керосиновую лампу на верёвке. Несколько метров, и вот он на полу. Сверху Жорик подал саквояж с инструментом, и началась та часть работы, которую воры его специальности всегда выполняют в одиночестве.

Севан погладил его по бокам, осмотрел спереди, заглянул ему за спину в поисках каких-нибудь проводов от сигнализации, довольный присел перед ним на корточки. Теперь ты, кусок железа, один на один со мной. Вот и проверим, кто крепче. Если тебя сделал человек, то человек сможет тебя открыть.

Спустя без малого час ригель сдался и оставалось самое сложное — цифровой

замок. Может быть, для некоторых его коллег было бы наоборот, но Севан помнил, как долго он с таким возился в Польше.

Он отмерил нужное расстояние от центра колёсика со шкалой и провёл дугу. Под углом 51° — от вертикальной оси нашёл пересечение с дугой и достал сверло. Вот тут была самая утомительная и долгая часть работы. Сначала следовало просверлить первое тело, потом прослойку теплоизоляции и затем второй — не менее прочный корпус.

Жора сидел наверху молча, лишь изредка поглядывая из-за занавески на улицу. Уже над крышами слегка посветлело небо, но задавать вопросы он побаивался. Можно было по-богатому нарваться. Не сейчас, так потом.

— Давай, давай, сдавайся! — сверло провалилось в пустоту, и взломщик вытер пот со лба.

Отмычка нырнула в отверстие в поисках специального флажка, который запирает весь механизм этой рулетки, и тут сзади кто-то дёрнул ручку хранилища. В такой позе Севан замер в ожидании следующего звука — будет ли это скрип открывающейся двери или же шаги по коридору.

Раздались шаги. Охранник проверил дверь и ушёл.

«Нужно быть тише», — разговаривая сам с собой, он компенсировал одиночество и контролировал сам себя со стороны.

Нащупал кончиком инструмента нужный флажок и поднял его вверх.

Взялся за ручку, потянул на себя... и вот оно!

«Спокойно. Не спешить!» — легко было сказать, когда добыча была на расстоянии вытянутой руки...

Эвакуация ценностей прошла гладко, и компаньоны всё утро провели в дележе. Это был куш меньший, чем в польской ювелирке, но оттого, как сложно он достался, он был не менее ценен.

А в Общество взаимного кредитования тем временем стали прибывать те же люди, что и вчера, только теперь они доверили свои саквояжи держимордам. Ознакомленные со вчерашними протоколами, они распределили очерёдность и ожидали на улице, но спустя некоторое время очередь разошлась, обмениваясь слухами об ограблении.

Всё было бы хорошо, если бы Жорик не нарушил одно из главных правил. Спу-

стя два дня он таки встретился с Верочкой и подарил ей антикварного жука, исполненного в янтаре с золотой оправой. На блошином рынке запросили недорого, может, вещь была ворованная, но управляющий Обществом, товарищ Семёнов, вовремя проявил бдительность, и следователь милиции сразу вызвал Верочку.

Препирательства длились недолго, и уже вечером в результате обыска у Жорика часть денег была найдена. Хозяйка рассказала приметы второго, пацан — погонщик битюга — тоже упирался не более получаса, так Севан попал в загон.

А самое интересное для шнифера началось позже — когда следователи доложили руководству, что сейф, который вскрыл Всеволод Щепнин в Ростове, полностью аналогичен тому, который был вскрыт в Туле в 1922 году. Только находился он не в кредитном обществе, не в страховой компании и не в банке, а в отделе НКВД. И все материалы оттуда исчезли.

Так Севан оказался не в обычной тюрьме, а стал клиентом самой мощной и всемогущей организации Советской России, но сейчас он был занят не своей судьбой, а

чтением малявы в камере номер 37 Лефортовской тюрьмы.

Она была короткой: «Умер Ленин».

— Ну что, братва, нас ждут беспокойные времена! — сокамерники привыкли слушать, что говорит главный, и прекратили всякие разговоры.

— Лысый откинулся. Быть беде.

Надежда

После похорон Ленина в стране отменены все торжественные мероприятия, в том числе и маленький концерт, который воспитанники детского дома готовили к приезду важных гостей. Вместо концерта детский дом полным составом отправился на церемонию торжественного прощания, где оплакивали вместе со всеми ушедшего вождя.

Терентий тогда бухтел о том, что только самый худой хозяин в такой мороз выгонит собаку из дома, а тут столько малышей.

— Ну надо вот это, а? — старик не унился после того как утром привёл двор в порядок.

— Терентий Иванович, беда ж ведь пришла, великий человек умер, как же не

проститься-то? Вон на день отложили, чтобы все успели приехать, народ по нескольку дней добирается... — ответила Полина.

— Дети тут до чего? Они, что, знают кто такой Ленин? От горшка три вершка! Они его вон на фотографии только и видели! Таких Лениных на их веку ещё будет — ого-го! Свято место пусто не бывает. — Злился дворник.

— Неправильные вещи вы говорите, Терентий Иванович. Такого, как Ленин, уже не будет никогда.

— Дочка! Говорю тебе, на Руси так заведено: один царь ушёл, другой пришёл. Поплачут все, а потом новому будут поклоняться, да так, чтобы он видел — любит народ его пуще прежнего правителя. Я не одного царя похоронил, знаю, о чём говорю! При моей жизни обоих Александров и Николая отпели! — дед остервенело тыкал шилом в детские валенки, чтобы успеть притачать заплату. — Где это видано? Уж думал я, что управители наши умные, ежели знают чего такого, что я не знаю, да, видать, если Надежде Сергевне и своего не жаль на мороз выталкивать, так ума-то там не боле чем у меня, старика!

— Тс-сс! — Полина умоляющим взглядом посмотрела на Иваныча.

— Что ты мне цыкаешь? Кого мне бояться? Я своё отжил, а вот им щас задницы и носы поотмораживает! Не жаль, что ли, совсем? — валенок улетел в угол к галошам, а его парный брат попал на растерзание в мощные, но искалеченные руки дворника.

— Не переживайте вы так, Терентий Иваныч! Мне вот целую банку гусяного жира дали, мы им носы-то смажем. — Полина всё пыталась успокоить деда.

— Вот себе смазать не забудь, пигалица!

Полина уже успела привыкнуть к крутому нраву деда-завхоза и точно знала, что злиться по-настоящему он всё-таки не умеет. Так, для поддержания авторитета «держит всех в тонусе». Это выражение стало его любимым после того как Вера Фёдоровна Шмидт рассказала ему о своих педагогических приёмах.

Носы и щёки были густо смазаны тем самым гусиным жиром, а всё остальное — завёрнуто поверх детских тулупчиков в пуховые платки, собранные по случаю такой крайней необходимости у всех знакомых.

Для детей прислали две подводы на санном ходу, так что эта часть их выхода на

траурное мероприятие им показалась праздничной — те, кто помладше, визжали от восторга, особенно когда тронулись, и все воспитатели одновременно принялись их успокаивать — негоже верещать сегодня, вон даже прохожие оборачиваются.

Потом они попали на площадь, где люди с портретами и плакатами молча извергали клубы пара, а когда заиграл оркестр, все заплакали. И Вера Фёдоровна, и вечно строгая Сабина Николаевна, и Надежда Сергеевна с Елизаветой Львовной тоже плакали, а Полина вместе с ними. От этого и Томик стал плакать, но его расстроила не смерть вождя — что может понимать в вождях малыш трёх лет, он увидел мамины слёзы. Следом заголосил Васька и ещё двое воспитанников, которые совершенно не понимали, почему такое яркое путешествие на подводе заканчивается общим рёвом.

— Эх, бусурманы, а ну, не ныть, сейчас слёзы в льдинки превратятся! — Терентий снял варежку и стал тёплой ладонью собирать с намазанных гусиным жиром щёчек хрусталики детских слёз.

После, когда он их грузил в обратный путь, малыши всё же опять стали тихонь-

ко хихикать, но грозные взгляды воспитателей тут же заставили их замолчать.

— Кто же следующим-то будет? Уж жил бы долго, да и в мороз не помер бы, а то ему уже всё равно будет, а народу мучиться... — Терентий приобнял Ваську Сталина и Артёмку Сергеева, чтобы не вывалились, и подвода тронулась в обратный путь.

После того, как с детворы сняли зимние доспехи, отогрели, накормили и уложили спать, Полина тоже собралась ко сну. Электричество отключилось, как это иногда бывало этой суровой зимой, и пришлось взять свечу.

— Полиночка, зайди на минутку, — услышала она вслед, пройдя дверь комнаты, в которой жила Елизавета Львовна.

— Проходи, моя хорошая, — Елизавета Львовна отодвинула стул от круглого, накрытого ажурной скатертью, стола, — Сегодня не грех и выпить. У отца твоего годовщина, а тут только я твоя семья. Не стесняйся, присаживайся.

Поля поставила подсвечник на стол и зарылась носом в шаль, опустив взгляд.

— Вижу я, ты сама не своя ходишь. — Елизавета Львовна достала из серванта две

хрустальные рюмочки на ножке и графинчик с чем-то тёмным — при свете свечи было не различить сразу.

— Это кагор. Терентий уже к Пасхе готовится, вот под клятвой молчания заставил меня взять бутылочку. Что ж это я... уже и проболталась.

Свеча колыхала тени на стене, за окном был трескучий мороз, уже поздняя ночь — Полина не стала отказываться, тем более что за работой она почти и не виделась с Елизаветой Львовной и поговорить по душам было не с кем.

— Всё молчишь... Давай, как положено, помянем добрым словом Тимофея Аркадьевича, отца твоего. Такую дочь не мог воспитать плохой человек.

Лиза подняла рюмку и отпила маленький глоток. Поля же выпила эту рюмку полностью и, не успев донести пустую до стола, беззвучно расплакалась. Она плакала так, как плачут зрелые женщины, хлебнувшие беды. Прикрыв рот рукой, стесняясь своей слабости, совершенно без истерики и почти без слёз.

Лиза подошла к подруге, села напротив, взяла её за руку и ждала, пока та успокоится.

— Хорошая моя, плачь. Только не молчи, я прошу тебя.

— Лиза, я уже вся извелась. Пишу Пашке письма, пишу, всё пустое дело. Свидание не дают, что там, как там, ничего не знаю. Что ж у меня за судьба такая, Лиза?

Елизавета Львовна прижала её к себе и стала гладить по голове, приговаривая:

— Зато живой, зато твой. Мне есть с чем сравнивать, просто поверь, всё ещё будет.

— Когда, Лиза? Я отчаялась уже. Я не пробью эту стену, даже если головой буду об неё биться. Остаётся только ждать, я готова ждать, люблю его, но сколько? Сколько же ждать? Я даже не знаю, осудили его и на сколько...

— Полечка, я так и думала, что это причина твоих терзаний, и вот какая мысль пришла мне в голову. Давай-ка я похлопочу. Наденькин крёстный — большой человек — Авель Сафронович. Он руководил комиссией, которая расследовала аварию. Он должен знать, он может помочь, Надежде Сергеевне он не откажет.

— Что я должна сделать? — в свете пламени свечи слёзы в глазах Поли показались Лизе громадными.

— Ты ничего не можешь сделать. Давай сначала попытаемся разобраться. Потом посмотрим.

Остаток ночи они провели за душевными воспоминаниями о том, как всё было хорошо, когда их любимые мужья были рядом...

Ретроспектива

— Прахади, дарагой!

Голос с кавказским акцентом принадлежал хозяину кабинета — Народному комиссару по делам национальностей товарищу Сталину И. В. Фёдор Сергеев приехал на Трубниковский переулок, 19, в здание Наркомнаца, после звонка своего партийного и боевого товарища:

— Есть разговор, Фёдор. Домой не приглашаю, Надежда совсем разболелась, но видеть тебя хочу обязательно.

— К девяти буду, Коба.

Иосиф имел обыкновение вести беседы с близкими товарищами в квартире и, как правило, — ночью, после рабочего дня. Жил он в том же доме с женой Надеждой, а соседнюю квартиру занимала её семья, что отчасти компенсировало постоянное

отсутствие мужа. В этот раз Иосиф пригласил Артёма в кабинет, значит — разговор будет исключительно деловой, хотя вся история их дружбы была основана на общности интересов, целей, взглядов и редко когда разговор заходил об ином. Только с весны, когда с разницей в девятнадцать дней у них родились сыновья, изредка могли обмениваться улыбками при упоминании наследников.

— Проходи, проходи, товарищ Артём! — Иосиф сделал акцент на слове «товарищ» и встал из-за стола, чтобы приветствовать друга.

— Гамарджоба, генацвале! — Артём уже давно умел здороваться по-грузински.

Как обычно, крепкое рукопожатие и трубка в левой руке. Два кресла возле рабочего стола, обитого зелёной тканью и такая же зелёная лампа, оставлявшая на столе пятно жёлтого, тёплого света. На стене карта, где расчерчены какие-то области и указаны зоны ответственности национальных представительств. Окна зашторены тяжёлыми портьерами наглухо. В воздухе аромат табака.

Собеседники сели в кресла, и Сталин приложился трубке, выпустив густую струю дыма.

— Я попросил тебя приехать, чтобы посоветоваться по одному очень важному вопросу.

— Важные дела не имеем привычки откладывать на завтра, говори, Иосиф.

— Мы с тобой пыли на фронтах поглотали, потому считаю, что могу поделиться с тобой сокровенным. — Сталин говорил не спеша, подбирая слова.

— Ты, товарищ Артём, видишь, что происходит? Нас бросает то в жар, то в холод. Товарищи ведут дискуссии и ищут пути решения самых насущных, самых жизненно важных вопросов. Партия сильна чем? Партия сильна коллегиальностью принятия решений. Я прав?

— Не следует подменять дискуссию демагогией, Коба, там очень тонкая грань и за ней — бездействие и преступное разбазаривание времени, но в целом ты, конечно, прав, да.

— Я продолжу тогда...

Сталин встал и подошёл к своему столу, где начал извлекать в пепельницу прогоревший табак.

— Некоторые выскочки, которые нам с тобой, товарищу Ворошилову рассказывали в Гражданскую о том, как правильно

управлять армиями, сами при этом не брезговали брать в советчики контрреволюционных элементов в качестве военспецов. Теперь эти некоторые продолжают почитать на лаврах вождя победоносной Красной Армии, предпочитают авторитарный, силовой способ управления на всех, порученных партией фронтах.

— Я понимаю о ком ты, Иосиф.

— Конечно, председатель рЭввоенсовета — фигура влиятельная и в определённых кругах популярная, но разве нужен нам сейчас, когда первоочередной задачей является необходимость поднимать экономику, такой взбалмошный и истеричный Бонапартик?

— Старик*, конечно, не прост в общении, да и стиль руководства у него, прямо скажем, особенный. Ты хочешь знать моё мнение? Я не считаю Трудовые армии прорывом в организации народного хозяйства. Нельзя переносить организационный опыт военного времени на мирное. С каких пор принудительный труд стал продуктивным? Огромные массы красноармейцев возвращаются домой и вместо того, чтобы

* «Старик» — один из псевдонимов Льва Троцкого.

заниматься хозяйством, кормить страну, что они делают? Примыкают к восставшему элементу, к куркулям, недовольным продналогом. Это те люди, которые умеют управляться с оружием и пока, я подчеркиваю, Коба, пока на нашей стороне. То есть у них выбор — или в трудармию или домой, в голодные края. Что делает Троцкий? Организовывает новые труд-армии, несмотря на несомненный провал этой инициативы. Мне не всегда понятна логика его действий, Коба. Продналог нужно убирать, а не прижимать крестьянство.

— А тебе не кажется, мой дорогой друг, что Троцкий умышленно загоняет ситуацию в угол?

— Что ты имеешь в виду, Иосиф?

— Я имею в виду, что Лев Давидович создает проблему, чтобы её потом решить. Откуда ему сегодня брать лавры? Он без них не может! Откуда ему брать людей на митингах? Он и без них не может! Он вообще не может без митингов! — Тон Сталина повысился, и он даже стал жестикулировать. — Человек, обладающий фактически второй должностью в Республике, озабочен своим будущим? Как ты думаешь, друг?

— Он тщеславный и эмоциональный, на грани истеричности, но это ширма, мне кажется. Посмотри, Иосиф, он всегда в итоге оказывается на коне. Лев никогда не будет действовать, исходя исключительно из реалий сегодняшнего дня, там в голове — всегда завтра. Я только для себя не могу увязать твою логическую цепочку. Ты, что, считаешь, что он на место Ленина метит? Да не смей меня, друг! Ни один съезд, ни один пленум не поддержит его в этом начинании. Насколько я знаю, Зиновьев тоже не одобряет его бурные порывы и экспромты.

— Быть вождём в России еврей не сможет никогда. Это я тебе как Народный комиссар по делам национальностей говорю. Несмотря ни на какие способности не сможет. — Коба открыл верхний ящик стола, достал оттуда ещё одну трубку и стал её набивать. — И Троцкий это прекрасно знает. Для их племени есть потолок. Они могут крутиться вокруг царя, вокруг Керенского, вокруг Ленина, но никогда не смогут их заменить.

Трубка получила свою порцию табака, и Сталин, чиркнув спичкой, стал её раскуривать.

— Тогда я вообще не понимаю твоей озабоченности, Коба. Есть коллегиальный орган — Центральный комитет. Ты вспомни, сколько самодуров и просто откровенных дурачков было убрано за последний год с партийной работы голосованием товарищей. Война закончилась. Партиец должен быть универсалом, который полезен и сейчас тоже, либо профессионалом, который занимается только войной, а махать шашкой по любому вопросу — от Юденича и до плавки стали — удел недалёких фанатиков. Да что там ЦК — на любом уровне здравый коллективный разум всегда побеждал. Благодаря этому нам удалось избежать очень многих ошибок.

— Так вот, не сможет он заменить Ленина. Товарищи не позволят. У него другой план действий...

— Какой же?

— Он не собирается быть царём. Он собирается влиять на царя.

— Зачем ему это, Коба?

— Быть в тени вождя тактически правильно. Он теряет во всём. Он противостоит многим. Какой путь бы ты выбрал, если бы нужно было спастись?

Коба хитро прищурился и не сводил

глаз с Артёма. Тот встал и, заложив руки за спину, стал размышлять вслух:

— Я бы согласовал свои позиции с ЦК, провёл бы, так сказать, работу над ошибками и двигался дальше.

— Вот этим вы и отличаетесь, Том. Ты практик, а он теоретик и трепло. Трепло такое, что любые уши заговорит, но этой своей сильной стороной он воспользуется исключительно для достижения своей цели. Кстати, как ты думаешь, товарищ Троцкий возрадовался, когда узнал о твоей инициативе о создании Всероссийского союза горнорабочих? Он ищет себе опору в массах, а сейчас это не армия, а трудящиеся. Кто авангард пролетариата? — и тут же, не дожидаясь ответа, сам себе ответил. — Правильно, шахтёры и металлурги. Ты выбил одну из ножек под его табуреткой.

— Иосиф, куда ты клонишь?

— У нас с тобой появился мощный и часто непредсказуемый соперник. Он нас ненавидит. Он Ворошилова ненавидит, Зиновьева, ты правильно сказал. Он всех ненавидит, кто на его пути стоит, а знаешь, куда он путь держит? Весной будет избираться новый состав Политбюро и Генеральный секретарь. Товарищи Каме-

нев и Зиновьев прорабатывают свои предложения по этому поводу. Я уверен, Ильич согласится.

— Ещё почти год, сейчас всё меняется впятеро быстрее, чем раньше.

— Э-э-э-х! — Сталин по-кавказски эмоционально махнул рукой, в которой держал трубку. — Ты же никогда не страдал близорукостью, Том. Не почти год, а только год. Всего лишь меньше года, Фёдор Андреевич! У нас времени не осталось.

— Ты вступаешь с ним в борьбу за этот пост?

— Нет, что ты. Я не собираюсь его даже к этой борьбе подпускать. И ты в этом вопросе — мой надёжный союзник.

— Ну хорошо, допустим, что ты прав и должность Генерального секретаря таки учредят. — Артём начал ходить по комнате, пытаясь привести свои мысли в порядок. — Там же будет какая-то процедура выдвижения, без голосования никак...

— Фёдор! — резко прервал его Сталин. — Ты меня услышал или нет? Он не должен вообще рассматриваться как кандидат. Нет кандидата — нет проблемы!

Фёдор остановился и посмотрел в упор на Сталина:

— Ты что, убрать его задумал?

— Что ты такой грубый стал, друг мой? — Иосиф подошёл вплотную. — Не убрать, а устранить. Если у нас не хватит политических рычагов, то нужно быть готовым к физическому устранению. И в этом я рассчитываю на тебя. У нас ведь общие с тобой цели или я ошибаюсь? — Последняя фраза была произнесена медленно, с расстановкой слов и завершающим жестом. Всё-таки Сталин был матёрым мастером монологов.

Артём отошёл в сторону, сел в кресло и взял паузу. Он не мог сейчас поверить в то, что ему предложил Коба. Да и какой ему лично Троцкий соперник? В чём? Их пути теперь пересекаются только на крупных партийных мероприятиях, при чём здесь профсоюз? Нет, Иосифу нужно решить его задачи, только его.

— Коба! Ты знаешь, я бьюсь с открытым забралом. Никто меня не может обвинить в том, что у меня нож в кармане. Я так не привык. Тем более, я не собираюсь устраивать заговоры. Тем более, по таким вопросам. — Он говорил чётко и достаточно громко, — Сказать, что я удивлён твоим предложением, это ничего не сказать.

Ты превращаешь борьбу за правильный курс в борьбу со своими конкурентами. Каким бы ни был этот наш кучерявый трепач, я считаю, что террор и убийство — это недопустимые сейчас методы. Тем более, по отношению к однопартийцам. Если ты не можешь справиться с ним другими, легальными способами, то ты слаб. А я не верю, что ты слаб, Иосиф! Не верю!

В кабинете повисла пауза сродни той, что в театре делают актёры перед финальной фразой, чтобы сорвать гром аплодисментов.

— Ай, какой молодец! Настоящий большевик! — Иосиф проследовал неспешным шагом к своему столу и сел на кресло. — В том, что мы с тобой общих взглядов, я убедился. Прости старого друга, хотел проверить, как далеко ты готов зайти в их отстаивании. Скажу тебе так: я удовлетворён. Ты вовремя остановился, Том. Теперь у меня нет сомнений, что вместе мы любого врага одолеем. И внутреннего, и внешнего. Спасибо тебе!

Артём был в недоумении — только что этот человек сверкал глазами и предлагал немислимые вещи, а теперь вёл себя как кот на печи.

— Это всё, что ты хотел узнать о моих взглядах?

— Всё, Федор, всё... Увидимся, я так надеюсь... — Сталин поднялся, подошёл и подал руку.

— Увидимся.

Артём руки ему не подал и, по-военному развернувшись на каблуках, направился к двери.

«Какой же ты вспыльчивый, Том... Прежде чем отправляться в плавание, нужно знать, кто будет с тобой в одной команде. Сейчас, мой друг, ты сел не в ту лодку...» — подумал Иосиф Виссарионович, протягивая руку к эбонитовой трубке чёрного телефонного аппарата:

— Соедините меня с Енукидзе... — Дальше Сталин говорил по-грузински, — Авель? Гамарджоба! У тебя найдётся десять минут для встречи со своим земляком? Да с кем, со мной, конечно! По такому случаю у меня найдётся бутылочка Хванчкары с родины. Да. Жду.

Ошибка

Перенесенный концерт таки договорились сыграть. Постановка была незамыс-

ловатая и приуроченная к новому году, но из-за постоянной занятости гостей и всемирного траура его пришлось тогда отменить.

Ключевым элементом был «Колобок» в постановке Веры Фёдоровы и исполнении воспитанников при участии Полины, в обязанности которой входило двигать бумажный лес для правдоподобности изображения бегущего по нему Колобка.

Колобком был назначен Томик, из-за чего Васька категорически обиделся, но никакой, даже самый талантливый постановщик не осмелился бы пригласить его на эту роль, уж больно он был худющий. Поэтому Ваське доверили роль лисы, а ещё пятеро актёров постарше по очереди читали слова сказки, то и дело обращившись в сторону главных героев.

Голова лисы, которую мастерили всем миром из папье-маше почти неделю, издавала рык, похожий больше на волчий, после чего Колобок помчался по импровизированной сцене в сторону занавеса, и чтецы продекламировали:

— Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл и от тебя уйду!

На Томике был надет оранжевый жи-

лет, набитый ватой, что ещё более подчёркивало его схожесть с главным героем.

Под бурные аплодисменты зрителей вся труппа вышла на поклон после счастливого конца сказки. Полина построила всех в рядок, и они отвесили низкий поклон, при этом голова с лисы упала на пол и лопухий Василий увидел полный зал взрослых не через дырочки в маске, а вживую, от чего пришёл в смятение и запоздал с уходом со сцены.

— Какие они потешные, — товарищ Авель Енукидзе был главой делегации ВЦИК, потому сидел рядом с Надеждой Сергеевной Аллилуевой и Елизаветой Львовной Сергеевой.

— Надюша, а твой актёр ещё тот! Рычать уже умеет! — продолжил Авель Сафронович, не прекращая аплодировать.

— Надеюсь, это ему не пригодится, — улыбнулась Надежда Сергеевна своему крёстному и предложила:

— Не хотите пару добрых слов сказать?

— Конечно, моя дорогая! Конечно! — и почётный гость направился к сцене.

Аплодисменты тут же прекратились и публика сложила в почтении руки.

— Дорогие наши, любимые! Смотрю на

всё, что вы тут создали и слеза наворачивается! Вот честное слово! Ещё недавно многие из ваших воспитанников жили на улице, недоедали, бродяжничали, воровали, а теперь они в тепле, накормлены, учатся грамоте, учатся быть хорошими людьми. Страна тоже недоедает, страна лежит в послевоенной разрухе, но она всегда найдёт для вас, её новых граждан, и кусок хлеба, и время на ваше воспитание, и лучших специалистов для этого. Я не сомневаюсь, что с такими воспитателями выпускники этого детского дома, когда подрастут, станут лучшими специалистами. Врачами, учителями, военными — нам все нужны только лучшие! Потому что страна наша справедливая, честная, лучшая! Спасибо вам всем!

Авель Сафронович приложил руку к сердцу, сделав лёгкий кивок в знак благодарности, и публика снова принялась усердно хлопать. Маленькие ладошки издавали звонкие хлопки, и малыши от старания подпрыгивали на стульчиках.

Эта речь означала конец мероприятия, и Лиза подняла руку, показывая Полине, чтобы та подошла. Енукидзе, сопровождаемый своей свитой, двинулся в прихожую.

— Поля! Полечка, ну быстрее же!

Когда девушка пробралась ближе к процессии, Лиза обратилась к уважаемому гостю:

— Авель Сафронович, вам большое спасибо за помощь в содержании нашего учреждения и мы очень рады, что вам понравилось. Взамен ничего лишнего не попросим, потому как пролетарская скромность нам этого не позволяет.

Енукидзе улыбнулся и стал надевать пальто. И Лиза в спешке продолжила:

— Товарищ Енукидзе, у меня только одна будет просьба: найдите время выслушать нашу сотрудницу. Я не сомневаюсь, что вы поможете разобраться и восстановить справедливость, если это будет возможно.

Лиза выдвинула Полину на первый план, и Авель Сафронович, окинув её оценивающим взглядом с ног до головы, промолвил:

— Отчего же не выслушать, вам, Лизочка, я не могу отказать, вы же знаете. Как зовут нашу прелестную сотрудницу?

Полина ощутила, как её лицо налилось краской.

— Её зовут Полина. Полина Черепанова. Там дело личное, но, наверное, в вашей власти.

— Ну, вот и свиделись... — всё, что смог выдавить из себя Павел. Она повисла на нём, уткнувшись в холодный бушлат, и плакала навзрыд.

— Поль, Полечка, здравствуй, моя любимая, я вернулся...

А она ничего не могла сказать, она плакала.

— Я с пустыми руками, понимаешь, отсюда гостинцы не привезти... Ты... ты сама дома? — этот вопрос он должен был задать.

— Конечно, сама, а ты что подумал? Что ты подумал, дурачок? Я же ночей не спала, тебя ждала. Всё искала, всё писала, каждый свой новый адрес тебе писала... а от тебя ничего...

— Да нельзя мне было отправлять почту. Часто писала?

— Да каждый месяц почти...

— Мне дали только одно твоё письмо, с этим адресом. Сжалились, наверно...

— Есть Боженька на свете, всё-таки есть... Да что ж мы тут стоим? — Полина поправила полотенце, которым была обмотана мокрая голова.

— Пойдём, пойдём домой, — взяла его под руку и потащила в комнату.

Соседи по квартире стали шушукаться на кухне, услышав их этот разговор. «А Польшка, дождалась-таки, счастливая... Да, молодец девка, не сдалась, верила, вот воздалось ей за терпение и эту веру... А ты руки сложила... И твой вернётся... Ой ли?» — заголосила одна из женщин, которая каждый месяц тоже писала письма...

Поля прибежала на кухню, где доваривались её щи со светящимся видом:

— Девочки! Вернулся! Вернулся, девочки!

Та, которая сидела в углу и утирала уголком передника слёзы, прошептала, не поднимая головы:

— Счастливая...

— Да! Сегодня я счастливая! А завтра ты будешь счастливая! Всё будет! Вот так откроется дверь, а там твой Иван. Главное — сознание не потерять! Девочки всё будет хорошо, нужно ждать и верить! — Полина подхватила горячую кастрюлю и убежала к себе.

Как пахнет домашняя еда, любимая женщина и дом? Если бы счастье имело запах, то он был бы именно таким. Капуста в щах была несказанно вкусной, и кусок мяса парил на тарелке, источая давно забытый аромат.

Павел ел уже вторую тарелку вприкуску со свежим чёрным хлебом. Это был совершенно не тот хлеб, который он ел в лагере. Это был мягкий, пахучий, совершенно не липкий хлеб. Такой хлеб ели на свободе.

Полина не умолкала, рассказывая мужу о своих годах без него. О том, как искала, о том, как жила, о детском доме, только о случае с грузином умолчала. Сказала, что даже высокие руководители пытались ей помочь. Оттуда и узнала о побеге:

— А скажи, Паш, зачем ты бежал? Ко мне?

Павел выпил рюмочку, которую она перед этим наполнила, и зло так сказал:

— Это было ровно четырнадцать лет назад. Теперь я понимаю, что кому-то было нужно, чтобы я в лагере застрял. Не бегал я, Поля. Мой старый харьковский знакомый — товарищ Ремизов — благодаря этому эпизоду продлил мою командировку в заключении. А я, дурачок, поддался на провокацию. Ровно четырнадцать лет назад... Тоже в апреле.

«Ты сейчас сделала самую большую ошибку в своей жизни! Теперь я точно найду твоего муженька!» — Много раз она вспоминала эту фразу товарища Енукидзе и не

могла простить себе того легкомыслия. Много раз она укоряла себя в том, что, возможно, навредила и теперь всё сложилось. Да, навредила, да, стала причиной ещё стольких лет разлуки с любимым Пашкой.

— Прости меня, прости, Полечка! — бросился успокаивать её Павел, посчитав, что она своими слезами отреагировала на его резкий тон.

— Это я должна просить у тебя прощения, любимый... — и она рассказала ему о той встрече в квартире Енукидзе и о его словах вслед.

— Если бы не моя глупость, если бы не моя наивность, всё было бы иначе. Гораздо лучше было бы.

— Забудь это всё как страшный сон. — Павел гладил её по щекам, вытирая слёзы. Ты отказала и получилось так, как получилось, но если бы ты тогда согласилась, результат в отношении меня был бы точно такой же. И как бы ты потом с этим жила?

— Я даже не знаю... Наверно, не простила бы себе. И ты, наверно, не простил бы.

— Всё, пошёл он! Не хочу больше ничего знать! — и Павел взял её за руку.

То, что было дальше, мы описывать читателю в подробностях не будем. Ска-

жем только, что все соседи искренне радовались за Полину, которая много лет не знала, вдовой ли себя считать или просто женой врага народа. Стоны из их комнаты раздавались почти всю ночь, отчего та соседка, что тоже ждала мужа из лагеря, безудержно рыдала.

Уже под утро, когда сил не оставалось у обоих, Павел достал папиросу, закурил и стал расспрашивать жену обо всём, что она не успела рассказать. Не могли они никак наговориться, любое слово было любо, любая подробность, ведь эту часть своей жизни они прожили порознь, а на самом деле — вместе.

Самой большой наградой Павлу за все испытания, которые выпали на его долю, была встреча с любимой женщиной. Он много раз думал на нарах о том, в чём смысл его существования. Выжить? Не опуститься? И это тоже, но только ради того, чтобы вернуться. Ночь арестанта коротка и эти часы Павел проводил наедине со своими воспоминаниями. Он в подробностях помнил все их свидания в конфетно-букетный период, бурные ночи новобрачных, Полины слезы при расставаниях и ее искреннюю радость при встречах.

Надежда на то, что всё это может повториться, придавала сил и добавляла жажды жизни. Той жажды, без которой даже внешне крепкие люди сдавались и гибли в лагерях.

Прав был отец Евгений – любовь спасет человечество, и Павел смело мог считать себя спасённым. Его любовь помогла выбраться из лагерного ада целым и невредимым. И его женщина, его любовь, которая большую часть их жизни была с ним только в мыслях, вот она, рядом. Теперь беречь её, любить так как мечтал все эти годы, беречь и жить ради неё.

– Как там семья Фёдора Андреича? – спросил Павел.

– Да как... Томик взрослый стал, артшколу заканчивает вместе с Васькой Сталиным. Иосиф Виссарионович его же к себе забрал. Лиза то болела, то работала, а Томик на воспитании у Сталина остался.

– Томик – это Артём?

– Ну да, товарищ Сергеев, помнишь, имел партийный псевдоним – Том. Артёмка Томиком стал, долго не думали. Он и похож на него. Просто вылитый. Живут сейчас в Доме на набережной. Васька – тот в лётчики собрался. Небом бредит. Всё

говорил — я буду как Чкалов. Я раньше, чем он, стану Героем.

— Да... а я Артёмку только новорождённым видел. Сейчас, наверно, и не узнаю...

— Если бы увидел, то не ошибся бы никогда. Невысокий тоже, крупная кость как у отца, лицо его. А как рассмеётся — нет сомнений, чей это сын. Лиза даже обижалась иногда, говорила, ну неужели ничего от меня нет? Сын же на маму должен быть похож.

— Я бы хотел, конечно, но что я ему скажу? Для его военной карьеры вредно со мной контакты иметь. Хоть и искупил, а всё же — враг.

— Ладно, тебе, враг! Ты своё действительно искупил. Смотри, что я сохранила! — Полина подбежала к буфету и достала оттуда Пашкины тетради. — Читала часто, сопли пускала...

— Вот это да! Дневник мой!

Павел перелистал его страницы и пообещал:

— Требуется продолжения. Есть что написать, бумага всё стерпит. Пообещай, что сохранишь его.

— Я? Да нет уж, сам теперь его храни! Пиши, береги, детям передашь!

Павел обнял её и опять завалил в кровать:
— Детям, говоришь?

Утро для них настало после обеда. Не было ни сил, ни желания вставать и разлучаться, пусть даже на несколько минут, и Павлу пришлось сделать некоторое усилие над собой, чтобы сказать жене о своих планах:

— Поля, тут такое дело... — она налила чай и поставила на стол сахарницу.

— Какое, любимый?

— Мне нужно в Ростов съездить. Срочно нужно.

Полина молчала, только вопросительно на него посмотрела.

— Понимаешь, там ответ на главный для меня вопрос: что тогда, в двадцать первом, произошло.

Полина села на стул, понимая, что решение принято, и она на него никак не повлияет:

— Можно я с тобой?

— Да незачем, Поля, я быстро — туда и обратно.

— Вот уж не думала, что так быстро расстанемся.

— Это не разлука. Это нужно сделать, и больше я никогда никуда от тебя ни на шаг — хорошо?

— Ну, тогда хоть приодеть тебя нужно. Тулуп этот сжечь. Сапоги выбросить. Шапку туда же.

Через два дня на Ростовском вокзале из вагона поезда Москва—Ростов вышел коротко стриженный человек в сером костюме и фетровой шляпе, надвинутой на брови, в руках которого был коричневый кожаный портфель. Можно было подумать, что это приехал в командировку сотрудник каких-нибудь органов, но он был уж очень худощав и имел грубые, крупные руки. Такими руками ни перо, ни револьвер не держат. Хотя такие точные наблюдения не были уделом патрульных, но если бы они захотели проверить документы ростовского гостя, то увидели бы справку об освобождении на имя Черепанова Павла Трофимовича.

Человек в сером костюме после коротких консультаций с местными сел на нужный трамвай и потом вышел по искомому адресу. Радиально изогнутая улица имела право называться кольцевой. Дома все были одинаковые, из красного кирпича с зелёными крышами, отличались только воротами и различными изысками на окладах и ставнях. В зависимости от благосостояния

и вкуса хозяев, они были или просто окрашены масляной краской, или украшены разными петухами и цветочками.

«Да, сиделец в таком доме с петушками не стал бы жить...» — подумал человек в костюме, когда прошёл мимо дома № 71. Следующим был нужный адрес — одноэтажное строение с тремя окнами, что выходили на трамвай. Покосившиеся ворота говорили о том, что их уже несколько лет не открывали, а перед калиткой красовался старый абрикос. С чердака раздавался стук молотков и звук падающего строительного мусора.

— Эй, там, наверху! — Павел не раздумывая, кинулся в бой, потому что то, что он увидел не оставляло времени на раздумья. Что он будет делать дальше, он ещё не знал, но в соответствии с лагерными привычками отреагировал моментально — сначала нужно ошарашить врага, а потом будем разбираться. Врагами в данном случае были трое шабашников, которые повисли на стропилах крыши дома № 69. Они разобрали почти половину, круша старую, местами покрывшуюся мхом черепицу.

— Чё хотел, страдалец? — один из работяг и не думал останавливаться, сбросив с грохотом во двор стопку старой черепицы.

— Хозяева дома? — Павел уже подошёл к калитке, и она была закрыта.

— Нету хозяев! И пущать никого не велели! — раздалось с крыши.

— А мне разрешение не требуется! Открывай, жилкомхоз!

— Ух, ты, грозный какой! А по сусалам? — ответил голос сверху.

Павел, не долго думая, перемахнул через дряхлый забор, засунув портфель под мышку, и взобрался на крышу по приставной лестнице.

— Кто тут умничает? Чифира давно не хлебал? — Павел сразу определил самого борзого — из бывших арестантов — это читалось по наколкам на худощавом теле.

— А ты заваришь? — сбавил обороты нахальный шабашник.

— Кум заварит. А потом ещё и прикурить даст! Разрешение есть?

Шабашники переглянулись, и главный осторожно спросил:

— Какое ещё разрешение? У нас хозяева есть. Вот дом купили, решили обновить. Они тут распоряжаются, у них и спрашивай.

— Вот из-за такого самоуправства потом идохнут в угаре, — ответил Черепанов. — Разрешение на перестройку дымохода.

— А-а-а-а. Так мы дымоход не собирались крушить. Перекроем по-новой, и отвалим!

— Сиди, я разберусь! — Павел принялся осматривать полуразобранный чердак с видом знающего человека. Ощупал стропилы, как будто проверяя их на прочность, пошатал трубу, которая оказалась довольно прочной.

— Самоуправство! Кругом одно самоуправство! — А ну-ка, сгоняй за молотком, трубу простучу, — скомандовал Павел бригадир. Остальные двое уже и так спустились от греха подальше на перекур.

— Нашёл шныря, — нехотя пробурчал тот, спускаясь по лестнице.

За это время Черепанов быстро проследовал в левый дальний угол и принялся прощупывать пространство под крышей. Вот он! Вот он, свёрток размером с папку, перевязанный крест-накрест бечёвкой. «Инспектор жилкомхоза» рывком вытащил его из-под деревянных перекрытий и сразу засунул в портфель.

— На, лови! — В его сторону полетел молоток, но благодаря природной реакции Павел его поймал на лету.

— Следующий раз будь аккуратней, в обраточку прилетит — и вякнуть не успеешь!

— Слышь, браток! — обратился к Павлу шабашник. — А как же тебя на службу приняли? Могал же, я вижу!

Павел для вида простучал кладку трубы, струсил пыль с рук и отдал молоток:

— Как? Да быстро и без вопросов. Уметь надо.

Цель была достигнута, и дальнейшие препирания с бывшими коллегами были не в тему. Павел одобрил дальнейшие работы при условии, что труба останется в таком же виде, как сейчас.

— Ну, бывай, начальник! — попрощался бригадир шабашников, пожимая ему руку.

— И вам не хворать!

По пути в Москву единственное, что Павел сделал — это взглянул на титульные листы папок. Да. Одна из них была озаглавлена: Уголовное дело № 16/2537. И красным карандашом в углу было написано: «О крушении аэровагона».

Дневник. Последняя запись

Уже неделю Черепанов не выходил из комнаты. Он внимательно перечитывал листки допросов, заключения экспертиз и показания свидетелей. Полина не вмешивалась, а Павел ничего не говорил. На единственный вопрос: «Что там интересного, что ты уже десятый раз перечитываешь?» Павел спросил у неё:

— А этот Енукидзе, он кто вообще такой был? Кто над ним главный?

— Мы же договаривались, что забыли, Паш!

— Забыли ту историю, а мне сейчас понять многое нужно.

— Ну как кто? Он был большим человеком. Секретарь ЦИК СССР. Главнее его, может, только Сталин...

— И что, он только ему подчинялся? — спросил Павел, перекладывая бумаги.

— Ну, скорее всего, да. Вообще-то орган коллегиальный и исполнительный, но ты же понимаешь, если был на этой должности столько лет, то пользовался безусловным доверием товарища Сталина. Ну, как оказалось, до поры — до времени, но тогда — да.

— И никто, кроме Сталина, был ему не указ?

— Конечно. На этом, говорят, и погорел. Очень наглый тип, везде его именем прикрывался.

— А-а-а... Ну ладно, ты спи, родная, я тут ещё почитаю...

Раздался один звонок, бурчащий сосед пошёл открывать:

— Кого ещё принесла нелёгкая!

Дверь комнаты открылась без стука, и на пороге показался участковый.

— Гражданин Черепанов?

Лёгкий холодок пробежал по его спине. Опять эта форма, этот тон превосходства...

— Так точно. Я, — спокойно ответил Павел.

— Что же вы, гражданин Черепанов, такой безответственный, заставляете органы за вами бегать. Вы когда должны были прибыть в отдел отметить?

Павел ничего не ответил.

— Вы должны были в день прибытия отметить. Меня вот из-за вас на ночь глядя отправили проверять, — участковый достал какой-то бланк, заполнил его и дал

Павлу расписаться. — Завтра не побрезгуйте прибыть лично. Показаться, так сказать.

— Непременно, — ответил Павел.

Участковый встал и, глядя на стол, спросил:

— А что это у вас?

— Да так, историей заинтересовался. Решил углубить понимание истории, — Павел прикрыл верх папки с надписью «Уголовное дело».

— Ну-ну... Решили завязать, наукой занимаетесь? Редкий случай, это похвально. Это хорошо. Вот завтра о своих планах на жизнь подробно и доложите. Тунеядцев в нашей стране не терпят.

— Это точно. Прибуду. Простите, что доставил неудобство.

Участковый ушёл, и Павел смог перевести дух.

— Поля, где ты говоришь, Сергеевы живут? В Доме на набережной?

— Ну что ты задумал опять? — Полина была встревожена и этим визитом, и его новыми планами.

— Я должен Артёму рассказать правду. Я должен рассказать, как я её понимаю. Времени совершенно на это нет. Уйду рано, тебя попрошу — дневник спрячь.

Всю ночь Павел писал, прилёт на пару часов с рассветом, а в шесть уже поднялся и отправился в путь.

Утренняя Москва была прекрасна. С востока, с той стороны, где был Сталинский район, поднималось солнце, и воробьи приветствовали это ежедневное событие радостным треском своих шумных стай, радовались так, будто по его приказу оно светит каждый день. По Москва-реке шла баржа, потрёпанный вид которой никак не совпадал с торжественностью стен Кремля. На строительстве Большого Каменного моста, который был уже почти закончен, собирались рабочие и начали шевелиться стрелы подъёмных механизмов. Голосистые прорабы орали «Майна — вира», закидывая пачки с камнем наверх.

Черепанов давно приметил двух пролетарского вида молодых людей, которые шли за ним на расстоянии, громко болтая об особенностях характера какой-то Тоньки. Когда Павел увидел строительство моста, он подумал, что рабочие пойдут туда, но как только он перешёл на другую сторону улицы и свернул к Дому на набережной, парни ускорили шаг и догнали его:

— Гражданин Черепанов, куда путь держите?

— А что в портфельчике? — взял его за запястье тот, что был покрупнее.

Павел рванул руку и нанёс одному из преследователей удар в лицо. Тот упал, а Черепанов в этот момент побежал в направлении дома. Теперь не было ни времени, ни смысла искать квартиру Сергеевых, но другого пути к отступлению не было. Только вперёд.

— Держи его! — заорал лежащий на тротуаре сотрудник, и второй бросился вслед Павлу.

Черепанов бежал настолько быстро, насколько позволяла его не самая лучшая физическая форма, да и портфель, который он прижал к себе, очень мешал — его стали нагонять.

— Стой! Стой, стрелять буду! — однажды Черепанов уже слышал эти слова, но в этот раз сдаваться не собирался, а ускорился изо всех сил, но как он, хромой на правую ногу, мог состязаться в беге с молодым оперативником?

Люди, спешившие на работу, расступались перед ним и у Черепанова возникла

шальная мысль: «А вдруг он сейчас встретит Томика? А вдруг успеет ему всунуть в руки портфель?». В арке показались молодые люди в курсантской форме и Павлу почудились знакомыми черты лица одного из них, как у отца.

— Томик! Томи-и-ик! — Черепанов изо всех сил бежал вперёд, к цели.

Навстречу, вдоль бордюра, мощной струёй поливая дорогу, медленно шла мочечная машина. Откуда-то из арки появился дворник, который быстрым шагом пошёл наперерез Черепанову. Павел его не воспринял как опасность, надеясь скрыться в облаке водяной пыли, чтобы нырнуть во двор, но дворник, не говоря ни слова, толкнул его всем своим весом в сторону дороги. Портфель выпал из рук Павла, а сам он, пытаясь сохранить равновесие, всё же подвернул больную ногу и ударился о влажный бок цистерны с водой и потом навзничь, затылком — об асфальт.

— Батя, молодец! — запыхавшийся сотрудник похлопал дворника по плечу.

— Та вижу ж, сдулся, ты, соколик, а если стрелять собрался, так из милиции небось?

— Из милиции, из милиции...

Подбежал второй, которого Павел сбил с ног и сразу же поднял и открыл портфель:

— Ага... есть.

— А беглец-то ваш, откинулся, похоже! — дед метлой показал на тело, лежавшее под колесами в луже воды и крови.

Юный курсант Артём Сергеев прошёл мимо, глядя на произошедший несчастный случай с некоторым ужасом на лице. До этого ему приходилось видеть чужую кровь только однажды, когда они с Васькой Сталиным на даче случайно подстрелили ворону. А своего имени Томика не услышал из-за шума поливочной машины.

— Проходим, товарищи, проходим, не толпимся. — Милиционеры старались как можно быстрее убрать зевак с места событий. Это был не тот случай, когда требовались свидетели для протокола.

Через тридцать минут оперативные сотрудники нагрянули на домашний адрес Полины.

— У нас к вам два вопроса. Первый — вот постановление об обыске. Приступайте! — главный пальцем указал на комод, письменный стол и шкаф.

— Да погодите вы! Что ищете-то? — Полина уже не особо удивилась происходящему.

— Что надо, то и ищем! Папки в количестве двух штук! Муженёк ваш принёс.

— Да вот они, пожалуйста, — Полина показала на папки, которые лежали на письменном столе. «А почему они про третью не спрашивают, которую Паша с собой забрал?» — тревожно мелькнуло у неё в голове. И тут же она получила ответ на свой вопрос.

— Мы всё же продолжим, возможно, ваш зек ещё что-нибудь притащил с собой, а потом проедете с нами на опознание. — Абсолютно обыденным тоном сказал опер, даже не глядя в её сторону.

— Семёнов! Найди понятых, буди, кто там из соседей ещё не проснулся!

— Какое опознание? — Присела на угол кровати Полина.

— Опознание тела неизвестного, при котором обнаружена справка об освобождении на имя Черепанова Павла Трофимовича, вашего супруга.

Всё остальное происходило как в тумане, за пеленой слёз. Они её о чём-то спра-

шивали, она что-то отвечала, понятые кивали, когда им показывали папки, изъятые при обыске, потом её повезли в морг, где она увидела тело, накрытое простынёй. Доктор подвёл её к изголовью, поднял край грязной простыни, и она увидела его. «Всё. Жизнь закончилась» — успел подумать её мозг, и Полина рухнула на пол.

После допроса она брела домой пешком, низко опустив голову, еле сдерживая дрожь в руках. «Столько лет ожидания и одна ночь для счастья...»

Поднялась на второй этаж, сняла обувь и вспомнила, что утром, когда Павел ушёл, она его в двери поцеловала, а потом засунула дневник за полку для обуви в общем коридоре.

«Всё что осталось — одна тетрадка...» — Полина гладила толстую тетрадь его дневника и потом открыла, чтобы увидеть родной почерк, который семнадцать лет не писал ей ничего.

«Отвык держать перо. В лагере были только химические карандаши. Перо умное и интеллигентное, оно пишет стихи, романы, но никак не ведёт учёт выработки. Пишу с удовольствием. Отвык.

Не знаю, решусь ли когда-нибудь написать о тех, безвозвратно потерянных годах своей жизни. Нашей с Полиной жизни. Мог бы перевести стопку бумаги, но там будет исключительно злость, ненависть. Я не хочу. Хочу новой жизни. Свободная жизнь, семья, ежедневные мелкие радости. Цену им теперь я знаю — от чистого постельного и до свежего хлеба.

Наверное, Господь всё-таки есть, если свёл меня с Севаном в последние дни. Ты был прав, отец Евгений. Такие случайности безбожники называют судьбой. Но ведь кто-то пишет этот сценарий?

Севан отдал мне то, что принадлежит мне по праву — мою правду. Теперь я всё знаю.

Из дела понятно, что когда меня арестовали после крушения аэровагона, я был единственным подозреваемым. Кроме протоколов допросов и разных экспертиз, так ещё и черновые записи следователя.

Ход мысли его понятен.

«Почему Ч. не сел в вагон на обратном пути? Где он был за день до этого?» — и так далее. Вполне логично, что они подозревали меня, но потом, судя по хроноло-

гии бумаг, они каким-то образом вышли на ещё одного подозреваемого.

Сентябрь 1921. Тогда меня перестали бить и, можно сказать, отстали. Теперь понимаю почему.

Я помню этого паренька — Арсения Пескова. Щупленький журналист эсеровских взглядов. И виделся всего-то несколько раз, но запомнился. Может, из-за странной причёски — его залысины на всю голову в таком молодом возрасте — редкость, а может, из-за колючего взгляда, который усиливали толстые стёкла его круглых очков. Очки — это, наверно, первое, с чем он попрощался в тюрьме.

Судя по всему, Арсений разделял взгляды Троцкого, что в то время было даже модно. Это теперь можно голову сложить при одном упоминании, а тогда — романтика революционная!

Из показаний Пескова ясно, что на путь контрреволюции он стал давно, когда понял, что пропасть между троцкистами и здравым большинством растёт, чем воспользовался ещё один мой старый харьковский знакомый — товарищ Ремизов Кузьма Ильич. Кто бы мог подумать?

Ремизов прижал ему хвост и подержал в кутузке, паренёк оказался из робкого десятка и долго не упирался.

Взамен на облегчение своей участи и во благо идей Льва Давидовича он согласился провести небольшой теракт. Так прямо и записано в его показаниях — Ремизов мне пообещал свободу, если исполню план по выводу из строя аэровагона. О том, что там будут пассажиры, не знал. О том, что там будет товарищ Артём — не знал.

В своих показаниях Песков очень подробно и детально описывает, как Ремизов его обрабатывал и уговаривал. При этом Кузьма Ильич обвиняет Пескова в работе на германскую разведку, но как-бы даёт ему высказаться, когда тот оправдывается. С одной стороны жмёт, с другой — подталкивает к принятию правильного решения.

Авансом он его выпускает, но на условиях выполнения поставленной задачи. Арсений поверил в искренность его намерений и сбросить фанерную пролётку с железнодорожного пути тоже не представляло большого труда. Он организовал местную пацанву, нагрузил подводу камней и

отправился к тому месту пути, где он делает изгиб и не просматривается из-за холма справа. Сам Песков на нём и сидел. Ждал аэровагон, но первым прошёл товарняк, который раскидал подготовленную кучу. Песков был вынужден спуститься сверху и срочно возвращать камни на место, отчего побил себе в кровь руки.

Вторая попытка была удачной, и аэровагон, налетев на камни, разбился. Арсений видел это всё сверху и описывает свой ужас, когда увидел вылетающих из салона людей.

При встрече с Ремизовым он ему на это указал, что не подряжался на убийство, на что получил от Кузьмы Ильича ответ — «А машинист, что, не человек? Ну, так вышло, что ж теперь».

Арсений на допросах упирает на то, что товарищ Ремизов ему обещал, но следователи непреклонны. В записях значится — «Перевести Пескова во внутреннюю тюрьму до выяснения обстоятельств по Ремизову».

Потом, когда Арсений отвечает на вопрос: «Как вы считаете, кто стоит за Реми-

зовым?», высказывает предположение, что это Енукидзе, которого тот неоднократно упоминал при вербовке.

После хронология допросов заканчивается, и на записях следователя красным значится: «Переквалифицировать дело в отношении Ремизова и в связи с самоубийством подозреваемого Пескова».

Тяжело сказать, сам Песков удавился, или товарищ Ремизов таки его нашёл, но я чётко помню, что он стал начальником оперативной группы по расследованию крушения в октябре 1921. Песков был уже мёртв. Севан папки уже вытащил. Удивительно — почему меня тогда опять не стали прессовать и остаётся только догадываться о судьбе следователя, который работал с Песковым.

Теперь понимаю, что всю свою дальнейшую жизнь Ремизов посвятил этим папкам. Как тот Кощей, что сундук стерёг, с той лишь разницей, что сундук ещё предстояло найти.

И думаю, что это было бы не только в его интересах. Енукидзе, который как послушная шахматная фигурка — не пешка, конечно, но и ещё не король, — подчинялся

исключительно воле Сталина — возможно ли было, чтобы он затеял такое дело без его ведома? Я в это не верю. Не имею ответа только на один вопрос: чем товарищ Артём не угодил товарищу Сталину?»

Этилог

Полине постоянно нездоровилось. После пережитого она слегла и долго не поднималась. Соседи носили ей еду, помогали готовить, а она чувствовала себя всё хуже. Запиралась в туалете и по звукам, раздававшимся оттуда, бабы вспоминали, как кто страдал, когда были на сносях.

— Слушай, подруга, а не сходить ли тебе к доктору, а? — единодушно решили бабёнки. — Уж очень часто тебя тошнит, может, не в редьке дело?

И действительно, после визита к врачу Полина нашла причину своего недуга — третий месяц беременности.

— Вот есть всё-таки справедливость на белом свете! Одного забрал, другого дал Господь, — шептались соседки на кухне коммунальной квартиры.

«Теперь мне есть для кого Пашкин дневник хранить» — в жизни Полины появился новый смысл.

А товарищ Ремизов неожиданно для коллег из Управления перестал появлять-

ся в здании. Поначалу это списали на особенности оперативной работы, может быть, командировка — выспрашивать о заданиях коллег считалось неприличным — излишнее любопытство не приветствовалось и могло быть расценено как попытка шпионажа, поэтому никто не удивился.

Лишь спустя шесть месяцев пришла весть о том, что Ремизов Кузьма Ильич расстрелян по приговору Трибунала как изменник Родины, как троцкистский заговорщик и немецкий шпион.

СОДЕРЖАНИЕ

Август, 1917 год	3
Выбор	12
Водоворот	22
Фатум	42
Дневник. Харьков	68
Отцы и дети	77
Дневник. Юзовка	95
Ремизов	97
Гражданская война	110
Катастрофа	127
Кто предатель?	141
Полуправда	147
Одиночество	151
Детский дом	169
Шнифер	183
Надежда	202
Ретроспектива	209
Ошибка	220
Коба	236
Рывок	240
14 лет	246
О вреде курения	250
Справедливость	263
Пора откровений	273
Дорога к разгадке	294
Дневник. Последняя запись	310
Эпилог	325

Літературно-художнє видання

Богачов Сергій Валентинович

**НЕЗАКІНЧЕНИЙ
ЩОДЕННИК**

(Російською мовою)

Консультант з історії *О. Прозоров*

Художнє оформлення *А. Недял*

Підписано до друку 07.10.2016. Формат 70x90/32.
Ум. друк арк. 9,47. Тираж 300 прим. Зам. № 07-10.

Видавництво та друк ТОВ «Каштан»
84333, м. Краматорськ, вул. Карпінського, 23.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта
видавничої справи ДК № 1220 від 05.02.2003 р.